

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ  
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ТРУДЫ  
ПО  
РОССИЕВЕДЕНИЮ**

**Выпуск 8**

**Москва 2021**

ББК 63.3 (2)

Т 86

Центр россиеведения

Редакционная коллегия:

*И.И. Глебова* – д-р полит. наук, главный редактор, *И.К. Богомолов* – канд. ист. наук, отв. секр., *В.П. Булдаков* – д-р ист. наук, *Ю.С. Пивоваров* – акад. РАН, *Д.М. Фельдман* – д-р ист. наук, *И.Г. Шаблинский* – д-р юрид. наук

Ответственный за выпуск – *И.К. Богомолов*

**Труды по россиеведению** : сб. науч. тр. / РАН.  
Т 86 ИНИОН. Центр россиеведения ; гл. ред. Глебова И.И. – М.,  
2021. – Вып. 8. – 230 с.  
**ISBN 978-5-248-01004-2**

Основное внимание уделяется темам истории и исторической памяти, традиционным для этого издания. Особое место занимают материалы, посвященные русской революции (трактуются не узкособытийно, а в широком социокультурном контексте). Рассматриваются ключевые проблемы социально-политического и конституционно-правового развития современной России. Обсуждаются мировая пандемия – 2020 и ее «двойник» и предвестник – «испанка».

Для специалистов-обществоведов и гуманитариев, аспирантов и студентов.

This edition focuses on traditional themes of history and historical memory. A special place is occupied by materials devoted to the Russian revolution (it is interpreted not in a narrowly event-driven way, but in a wide socio-cultural context). The key problems of the socio-political and constitutional-legal development of modern Russia are considered. The global pandemic – 2020 and its «double» and harbinger – «Spanish flu» are being discussed.

For social scientists and humanities, graduate students and students.

ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-248-01004-2

© «Труды по россиеведению» : сб. науч. тр. 2021  
© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН», 2021

---

## Содержание

«Труды...»-2020 (От редактора) ..... 7

### О ПРОШЛОМ И ПАМЯТИ : ВЗГЛЯД ИЗ 2020 г.

#### Ю.С. Пивоваров

Юрий Самарин и наше время ..... 15

#### И.И. Глебова

От России петровской – к России петербургской : О культурных расколах и культурных революциях ..... 30

#### И.И. Глебова

Ракурсы русской революции : Образы власти в культуре начала XX в. .... 49

#### Ю.С. Пивоваров

О трех Россиях XX века : К столетию большого русского исхода ..... 72

#### О.В. Большакова

Испанка (1918–1920) : Невыученные уроки ..... 82

### ГОД 1917 : ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

#### И.К. Богомолов

Город в позднеимперской России. (Обзор) ..... 109

#### И.К. Богомолов

Рец. на кн. : Российская революция 1917 года и ее место в истории XX века ..... 122

#### И.К. Богомолов

Рец. на кн. : Великая российская революция 1917 г. в судьбах стран и народов мира ..... 129

#### И.К. Богомолов

Рец. на кн. : Ayers D. Modernism internationalism and the Russian revolution .. 134

---

## РОССИЯ И МИР В «ЭПОХУ–2020»

### **Ю.С. Пивоваров**

О пандемии-2020 и демократии ..... 141

### **Ю.С. Пивоваров**

Россия на рубеже 2010–2020-х годов ..... 147

### **И.Ю. Пешина, И.Г. Шаблинский**

О свободе выражения мнения : ЕСПЧ – о деле российской журналистки .. 171

### **Ю.С. Пивоваров**

Государство и диктатура ..... 187

## РАЗМЫШЛЕНИЯ, ЗАМЕТКИ, ПУБЛИЦИСТИКА

### **Ю.С. Пивоваров**

The real life of Vladimir Lenin ..... 195

### **Ю.С. Пивоваров**

О русской интеллигенции ..... 204

### **Ю.С. Пивоваров**

Россия 1905–1917 : Ретроспективные фантазии и сожаления ..... 209

### **Ю.С. Пивоваров**

Историко-геополитические заметки ..... 216

### **Ю.С. ПИВОВАРОВ**

Сбережение интеллигенции ..... 220

### **Ю.С. ПИВОВАРОВ**

«Нас спасет поэзия» (О Бродском) ..... 223

Сведения об авторах ..... 229

---

## Content

«Trudy...»-2020 (From the editor) ..... 7

### **PAST AND MEMORY : WATCHING FROM 2020**

#### **Yu.S. Pivovarov**

Yuri Samarin and our time ..... 15

#### **I.I. Glebova**

From Peter's Russia – to St. Petersburg's Russia : Cultural Splits and Cultural  
Revolutions ..... 30

#### **I.I. Glebova**

Perspectives of the Russian Revolution : Images of Power in the Culture of  
the Beginning of the XX Century ..... 49

#### **Yu.S. Pivovarov**

Three Russians of the XX century : To the centenary of the Great Russian  
Exodus ..... 72

#### **O.V. Bolshakova**

Spanish flu (1918–1920) : Unlearned Lessons ..... 82

### **1917 : A HISTORIOGRAPHICAL MOSAIC**

#### **I.K. Bogomolov**

City in Late Imperial Russia. (Review) ..... 109

#### **I.K. Bogomolov**

Review : The Russian Revolution of 1917 and its Place in the History of the  
XX century ..... 122

#### **I.K. Bogomolov**

Review : The Great Russian Revolution of 1917 in the Destinies of Countries  
and Peoples of the World ..... 129

---

**I.K. Bogomolov**

Review: Ayers D. Modernism Internationalism and the Russian Revolution ..... 134

**RUSSIA AND THE WORLD IN THE «ERA-2020»**

**Yu.S. Pivovarov**

The pandemic and democracy ..... 141

**Yu.S. Pivovarov**

Russia at the Turn of the 2010 s–2020 s ..... 147

**I.Y. Peshina, I.G. Shablinsky**

Freedom of expression : the ECHR and the case of the Russian journalist ..... 171

**Yu.S. Pivovarov**

State and dictatorship ..... 187

**REFLECTIONS, NOTES, JOURNALISM**

**Yu.S. Pivovarov**

The real life of Vladimir Lenin ..... 195

**Yu.S. Pivovarov**

About the Russian intelligentsia ..... 204

**Yu.S. Pivovarov**

Russia, 1905–1917 : Retrospective fantasies and regrets ..... 209

**Yu.S. Pivovarov**

Historical and geopolitical notes ..... 216

**Yu.S. Pivovarov**

Saving the intelligentsia ..... 220

**Yu.S. Pivovarov**

«Poetry will save us» (О Бродском) ..... 223

Information about the authors ..... 229

---

**«ТРУДЫ...»-2020**  
**(От редактора)**

2020-й. Странный выдался год. Страшный. Можно спорить, когда для России начался XXI в. Для евро-атлантической части земной «вселенной» («Запада») – 11 сентября 2001 г. Теперь – *всеобщий* вызов: пандемия. Впервые эпидемия так стремительно (почти мгновенно) охватила весь мир и уже второй год удерживает его в таком напряжении (на грани срыва). А вот ее «двойник» и предшественник – «испанка» – настолько *не* поразила человечество; вошла в историю как один из контекстов Первой мировой. Ковид-19 иногда сравнивают с той войной (как с внезапной, полномасштабной, длительной атакой на человека, сколь беспощадной, столь и бессмысленной, в которой были перемолоты миллионы жизней). Да, после такого потрясения (если, конечно, будет «после») мир никогда уже не будет прежним.

В «Трудах...»-2020 мы, разумеется, не могли обойти эту тему: как человек/человечество реагируют на такие удары, справляются с ними, их «прорабатывают». Однако главным объектом исследования для нас остается Россия (мы же – россиеведческое издание). И здесь в 2020 г. произошли события, которые заставляют говорить о переходе страны, политического режима в новое качество. Закончился период, который во многом был определен синтезом двух исторических начал (наследий): позднесоветского (в широком смысле) и перестройки/«ельцинских» 90-х. Началась другая эпоха.

Главным героем 2020-го в США называют избирателя. 155 млн человек (рекорд) «пришли» (технологически по-разному) к избирательным урнам, чтобы подтвердить прочность американской демократии. То же можно сказать о России. И у нас ковид не помешал людям выйти к урнам (технологически разным) – правда, с прямо противоположным намерением: подтвердить – мы не в демократии (в недемократии) и пойдем дальше тем же путем. В Америке напомнили о себе 1960-е: расовыми волнениями, демонстрациями и бунтами, ростом социального влияния контркультур. У нас – 1930-е. У всех – свои «особые пути». Но выбирают их в конечном

---

счете народы: на дворе новое «восстание масс» – они определяют направление исторического движения (выбирают, какой будет эпоха).

2020-й вообще заставил задуматься о связи времен – о том, что они «не проходят» (не исчезают, не оставляя следа). Стоит только потянуть за нить – и время разматывается; в нашу жизнь входит, казалось бы, давно уже пережитое. XXI век никак не дает забыть о XX-м: большие юбилеи важнейших событий, постоянная переключка слов (а значит, явлений, проблем, намерений). Революция, диктатура, демократия, террор, война, «закат Европы», «самодержавие», пытки, политзаключенные, национализм, империализм – в современном словаре. В России (шире: на постсоветском пространстве) дыхание прошлого столетия ощущается особенно остро. Кажется, за нами пришел XX век – не осмысленный, не преодоленный, под которым мы не смогли подвести черту.

Архив столетия собран – мы знаем о XX веке очень много. А вот каким он был, чем он был для страны, по-прежнему не понимаем. Этим во многом (помимо политики и идеологии) объясняются и общественные «войны памяти», и властный эксперимент с «госправдой» (утверждение в качестве нормы некой «исторической правды» – через Конституцию и Следственный комитет). Смысловая разметка века не осуществлена. Прошло вот уже 30 лет после смены режима и попытки ценностной «перезагрузки», а мы все еще пользуемся старой, советской схемой<sup>1</sup>. Возможно, поэтому (и поэтому тоже) перезагрузиться не удалось. «Системный блок» идентичностей остался прежним – откуда взяться «новому человеку»? И социальная практика, и социальная перспектива – все оттуда. Взгляд на

---

<sup>1</sup> Дело не только в том, что она «стара» – хотя важно и это: другие времена, новые поколения требуют своей истории. Ищут в прошлом то, что им интересно; задают ему свои вопросы – если не находят ответов, просто остывают к этой теме. Советский исторический проект еще и насквозь идеологизирован (тот режим пронизан идеологией; идеология – это ядовитый туман, который он напускал на общество, источник, который его напитывал). Он заточен исключительно под режимные задачи (инструмент власти, не более) – это исторический конструкт (конструкция), не история. Но живет этот продукт долго (отчего давно потерял свежесть – все больше походит на консервы). И это, конечно, не только заслуга пропагандистов (хотя им надо отдать должное – одни сочинили и распропагандировали, другие реанимировали, адаптировали, развили), но следствие лености и безразличия, какой-то просто вызывающей нищеты социальных запросов (в том числе этических и эстетических). А также особого, отчасти презрительного, отчасти подозрительного, отношения нашего массового человека к любым «переписываниям» (вообще к переменам) как опасному потрясению «основ», разномыслию/разномнению, к дискуссиям как к пустым «говорушкам» (оттого, кстати, и не укладываются в российское сознание идеи парламента, партий, политической борьбы). Историю, как и политику, пишет у нас сильнейший (в прямом смысле: тот, чья сила не в слове, а в деле) – такой тип историописания отвечает социальной органике. Поэтому право на «историческую правду» чаще всего признается за властью – если она доказала, что сильна (побив оппонентов, сосредоточив в своих руках основные ресурсы, материальные и символические). А уж что она выдаст, то и принимается за историю, политику, выборы и т.п.



настоящее, его массовые оценки (что позволительно, а что нет, какие модели поведения приемлемы, нормативные образы власти, способы взаимодействия с нею, представления о себе и о стране) определены прошлым. И наоборот: чем круче на старый манер замешивается жизнь, тем сильнее потребность подтвердить правильность происходящего «правильной» (привычной, «единственно верной») концепцией истории<sup>1</sup>. Но когда позади ищут только оправдания, впереди ничего не может быть. Так будущего не заслужить.

Выправить (подвергнуть сомнению, критическом анализу, ревизии) взгляд на XX век, использовать XX и XXI как своего рода двойную призму для изучения, интерпретации – в этом мы видим задачу «Трудов...» вообще и этого издания в частности. При этом, конечно, понимаем ограниченность своих возможностей (в равной степени – интеллектуальных и социальных, исследовательских и просветительских).

В фокусе этого выпуска – рубежные эпохи: конец XIX – начало XX столетия (времена Освобождения – Революции) и современность – переход из 2010-х в 2020-е. Наши авторы пытаются выявить главные тенденции (и те, что возобладали, и те, что действовали, но оказались отброшены, не реализовались во всей полноте), расширить традиционные о них представления, определить (или «переопределить») их место в российском развитии. Чтобы ответить на практические вопросы: на какой опыт следует ориентироваться сегодня, из чего исходить при формировании социальных перспектив.

«Труды...»-2020 полифоничны – разнообразие тем, жанров, исследовательской стилистики. Это соответствует идеологии издания: мы рассматриваем его как лабораторию, производящую информацию, идеи, подходы, как долгосрочную возможность для свободного разговора о России, ее истории и современности. Своеобразие данного выпуска – в том, что

---

<sup>1</sup> Подчеркнем: советская история (XX в.) при этом преимущественно героизируется («Красный проект»!) и «нормализуется» (что бы в ней ни случилось, оценивается как нормальное, возводится в разряд нормы: ленинское – через борьбу с эксплуататорами за счастье «пролетариев всех стран», сталинское – через «модернизацию» и великодержавие), а «царская» (за исключением военных побед, да и то не всех – выборочно) подтягивается в качестве «подходящего» фона для современности. Так, диктаторские метаморфозы нынешней власти поддерживаются песнями и плачами о «вечном самодержавии», полицейщине и политическом сыске, а массовая индифферентность (стратегии подданничества, уклонения / отчуждения от социально-политических дел, выбора, выборов, доминирующие в обществе) объясняется тяжелым наследием крепостничества, отсталостью, забитостью и проч. Тем самым современность получает историческую легитимацию и даже отчасти приобретает приличный вид (раз все уже было – и больше при царях, чем при генеральных секретарях, то что ж поражаться, раздражаться, стыдиться). При этом преемственные связи как будто нарочно перепутываются; российский XXI в. отрывается от советского XX, т.е. от своих подлинных корней.

---

внимание авторов нацелено в основном на внутреннюю сторону изучаемых явлений. Несколько утрируя, можно сказать, что в нем первенствует интерпретация – не «архив» (если понимать его как собрание фактов, событий, источников).

За этим – не исследовательский произвол (волюнтаризм), но – метод, определенная методология. Р.-Дж. Коллингвуд различал внешнюю и внутреннюю стороны любого действия, трактовал его как единство этих двух аспектов<sup>1</sup>. Внешняя сторона есть совокупность неких фактов, внутренняя – лежащие в их основе мотивы, намерения, контексты событий (короткие и долгие) и проч.<sup>2</sup> Близок к такому пониманию и И.Г. Дройзен (J.G. Droysen): он рассматривал действия или факты как формы, в которых реализуют себя идеи. Поэтому для него главной задачей историка (и исследователя вообще) была реконструкция этих идей<sup>3</sup>. Когда исследователь объясняет какое-то действие или какой-то факт, он идет от внешней стороны к внутренней. В конечном счете все определяется интерпретацией, которая зависит от позиции, мировоззрения, опыта изучающего. При этом чем больше мы знаем о внешней стороне факта или действия (о разного рода социоисторической «физике»), тем надежнее, достовернее будет наше понимание интенций (того, почему это произошло) и значения происшедшего.

Формируя «Труды по руссиеведению», мы исходим именно из этой методологической посылки.

Что же касается интереса к теме «прошлое/память», характерного для этого выпуска (как, впрочем, и для всех наших изданий), то мы полагаем, что она имеет не только – и даже не столько – ретроспективное («историко-архивное») значение. «Выбор» прошлого – занятие вполне практическое; в нем соединяются политика, идеология, этика, эстетика, право. В конце концов, это одна из возможностей (способов) проектировать («сочинять») Россию, вырабатывать позиции на будущее.

Поэтому, предлагая вниманию читателя «Труды...»-2020, мы хотели бы напомнить о некоторых исторических событиях, в которых как бы за-

---

<sup>1</sup> См.: Lorenz Ch. Konstruktion der Vergangenheit: Eine Einführung in die Geschichtstheorie. – Köln : Bohlau Verlag GmbH & Cie, 1997. – S. 97–99.

<sup>2</sup> В этом фундаментальное различие между исторической наукой (наукой историей), всем комплексом (комбайном) социогуманитарных и общественных наук – и науками естественными (о природе), в которых объект исследования имеет лишь внешнюю сторону. У молекул и атомов, при всем старании, невозможно обнаружить внутреннее содержание (сущности) – здесь не место «метафизике». Вроде бы, не место – хотя, наверное, и в науках о природе она все-таки неизбежна (в виде прогнозов, гипотез, больших и малых теорий и т.п.).

<sup>3</sup> См.: Lorenz Ch. Op. cit. – S. 99.

шифрованы вопросы к современности<sup>1</sup>. Сорок лет назад (в сентябре 1980 г.) в Польше возникла Солидарность. Объединение людей, желающих быть свободными. В 2020-м это звучит как вызов. Образ же года 2021-го будет во многом определять общественная реакция на следующие национальные юбилеи: 160 лет отмены крепостного права (манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» – свободу получила основная часть тогдашнего народонаселения страны), 65 лет XX съезду (СССР отказался от массовых репрессий как способа социального строительства; слова «осажденная крепость», «внутренний враг», «враждебное окружение» перестали доминировать в политическом лексиконе) и 30 лет августовской, 1991 г., революции, «потрясшей мир», придавшей эмансипационный импульс развитию. Наше будущее – в прошлом?

*И.И. Глебова*

---

<sup>1</sup> И так как речь идет о юбилеях, заметим: предыдущее наше издание – «Россиенедение: В поисках утраченного времени» (2019), по существу, еще одни «Труды ...», тематические – было целиком посвящено этой проблематике, связывающей прошлое с настоящим, историю – с политикой, пропагандой, презентацией, властное – с общественным.



**О ПРОШЛОМ И ПАМЯТИ :  
ВЗГЛЯД ИЗ 2020 г.**



---

## Ю.С. ПИВОВАРОВ

### **ЮРИЙ САМАРИН И НАШЕ ВРЕМЯ**

*Аннотация.* Этот текст посвящен выдающемуся мыслителю и реформатору Ю.Ф. Самарину (1819–1876). Основное внимание уделяется его вкладу в подготовку освобождения крестьян от крепостного права и связанной с этим организацией местного самоуправления. В работе подчеркивается актуальность фигуры Самарина для нашего времени.

**Ключевые слова:** Самарин, освобождение крестьян, самоуправление, реформа, община.

В мужиках же только барин  
Юрий Федорович Самарин.  
*Н.П. Огарев*

Осип Манделъштам призывал поставить по всем городам Советского Союза памятники Михаилу Зощенко, писателю, который в полной мере отразил советскую жизнь 20-х годов. Вслед за великим поэтом предлагаю во всех городах России поставить памятники Юрию Самарину.

Но кто это? – недоуменно спросит читатель. – Самарин? – Не знаю.

Два года назад (апрель 2019 г.) исполнилось двести лет со дня его рождения. Но по личным обстоятельствам (болезнь) я не мог тогда напомнить о нем. Делаю это сейчас.

\*\*\*

Самарин принадлежал к старинному дворянскому роду. Его отец был очень богат и служил в должности шталмейстера при дворе вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Мать – урожденная княжна Нелединская-Мелецкая (ее отец, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, – поэт и сенатор). Крестными родителями Юрия Самарина были Александр I и Мария Федоровна. В 1826 г. семья переезжает в Москву. Мальчик получает блестящее домашнее воспитание; в десять лет свободно говорит по-французски и по-немецки, а также на латыни. При этом до семи лет не знал по-русски. Нанимали учителей. Типичная ситуация в аристократических семьях того времени. В 1835 г. поступает в Московский университет

на словесное отделение. Среди его сокурсников – К.С. Аксаков (на всю жизнь ближайший друг и конфиденгент Юрия Федоровича), Ф.И. Буслаев, М.Н. Катков, С.М. Соловьев и др. Но и среди этих блестящих людей, в недалеком будущем составивших славу русской культуры, по общему признанию профессоров (например, М.П. Погодина) и студентов, Самарин явно выделялся.

Константин Сергеевич Аксаков ввел своего друга в литературные салоны Москвы, переживавшие тогда эпоху расцвета. Здесь Самарин знакомится с Гоголем и Лермонтовым, Чаадаевым и Герценом, А.С. Хомяковым и Т.Н. Грановским, И.В. Киреевским и Н.П. Огаревым. Здесь, по сути дела, его второй – и не менее важный, чем Московский, – университет. С 1840 по 1843 г. он работает над магистерской диссертацией «Стефан Яворский и Феофан Прокопович». Для него это время вхождения в богословскую и историческую проблематику, но и – глубокого увлечения гегельянством. После блестящей защиты диссертации Самарин, исполняя желание отца, уезжает на службу в Петербург, где зачисляется в Министерство юстиции. Он находит в столице новый круг знакомых – П.А. Вяземский, В.Ф. Одоевский, семья Карамзиных, А.О. Смирнова. Небременная служба позволяет ему углубленно заниматься русской историей.

В 1846 г. начинается новый этап жизни Юрия Федоровича. Около двух лет он проводит в Риге в качестве чиновника Министерства внутренних дел. Здесь Самарин впервые прикасается к теме, которая впоследствии станет одной из центральных в его творчестве – национальный вопрос в многонациональной Российской империи. Результатом этой «командировки» будут знаменитые самаринские «Письма из Риги» (их читали и активно обсуждали в салонах обеих столиц), за которые он поплатится заключением (правда, всего 12-дневным) в Петропавловскую крепость. 17 марта 1849 г. он привозится комендантом этой крепости (двоюродным прадедом В.В. Набокова; генерал делал все, чтобы облегчить пребывание Юрия Федоровича в тюрьме) в кабинет Николая I в Зимний дворец. Император прощает Самарину его смелость иметь мнение, расходящееся с официальной точкой зрения. Эта позиция квалифицируется Николаем Павловичем как «антинемецкая» (в своих «Письмах» молодой чиновник выступал против засилья остзейских помещиков-немцев в балтийских губерниях – полагал это опасным для социально-политического «равновесия» в Российской империи).

Далее следуют годы службы в провинции (Симбирск, Киев), первых теоретических подходов к решению крестьянского вопроса, интенсивной духовной дружбы с вождем славянофилов А.С. Хомяковым.

В начале нового царствования Самарин активно включается в общественную жизнь. Он входит в окружение великой княгини Елены Павлов-



ны, чей салон был центром соби́рания либеральных сил (К.Д. Кавелин, Н.А. Милютин и др.). Его записку по крестьянскому вопросу с одобрением читает Александр II. В 1859–1860 гг. Самарин принимает непосредственное участие в работе редакционных комиссий, призванных подготовить отмену крепостного права. В 1863–1864 гг. вместе с Н.А. Милютиным и князем В.А. Черкасским находится в Варшаве с миссией по умиротворению дел в Царстве Польском (после восстания 1863 г.). (Кстати, даже антирусски настроенные польские политики высоко оценили деятельность этой троицы.)

Последние годы жизни Самарин много сил отдает работе в земствах – Самарском и Московском, продолжает публицистическую деятельность, интенсивно пишет на богословские, исторические и политические темы.

\*\*\*

...А теперь попробуем объяснить, почему автор этого текста утверждает: Юрий Федорович достоин того, чтобы в каждом российском городе ему был бы поставлен памятник. Во всех размышлениях Самарина конца 40-х – начала 50-х годов сквозит одна настойчивая мысль: о необходимости социальных реформ в России. Причем с очевидностью на первое место выходила проблема крепостного права и крестьянской общины. Над ее разрешением бились многие умы XIX столетия; в определенном смысле она была осевой для общественно-политического развития России.

Ведущий отечественный конституционалист начала XX в. барон Б.Э. Нольде писал: «Та сумма правовых отношений, которая обнималась общим именем крепостного права, была в России того времени гораздо больше бытовым фактом, чем правовой формулой. Было ясно одно: помещик, крестьяне и земля составляли неразрывное целое, но ни законы, ни, главное, правосознание не отдавали себе ясного отчета о том, какова природа прав помещика в отношении сидящих на земле крепостных... Только систематический ум самого крупного русского юриста XIX века Сперанского подходил к установлению отсутствующей правовой формулы, но его рассуждения оставались под спудом, а в глазах никогда не отличавшегося отчетливостью своего правосознания русского общества крепостные отношения рисовались в правовом смысле необыкновенно расплывчато и туманно. Те, кто, как Самарин, подходил впервые к вопросу об освобождении крестьян, сталкивались прежде всего с необходимостью так или иначе квалифицировать крепостные отношения, чтобы определить, чьи и какие права подлежат отмене, изменению или сохранению...» [Нольде, 1926, с. 52].

Надо сказать, что в эпоху Николая I – императора, ясно сознававшего весь вред и опасность сохранения крепостного права, функционировали

различные секретные комитеты. Им поручалось найти соответствующую юридическую форму, которая позволила бы осуществить эмансипацию большей части населения империи, не подорвав ее основ. Курьезно, что одной из важнейших преград к решению этой задачи было укрепившееся в царствование Николая Павловича убеждение, что власть помещиков над крестьянами является по своей природе частноправовой – русской разновидностью института частной собственности. Посягать же на последнюю считалось невозможным, поскольку тем самым ставился под вопрос господствовавший *status quo*. Таким образом, если в Европе, вообще на Западе, частная собственность была обязательным атрибутом передовых социальных порядков, то в России – одним из главных инструментов консервирования пережившей себя архаики.

Генезис крепостного права рисовался Самарину следующим образом. У славянских народов крепостные отношения сложились не путем завоевания и нашествия чужого племени, сопровождавшегося, как это было в Западной Европе, экспроприацией земель. Первоначально владение землей у них было простым, «всем доступным фактом», не имевшим характера права собственности. Затем государство во имя охраны общих интересов объявило о своем праве распоряжаться землей, которой фактически владели крестьяне.

Эта юридическая формула Самарина, которого знаменитый американский исследователь Николас Рязановский называет «ведущим теоретиком славянофильства по крестьянскому вопросу» [Riasanovsky, 1952, p. 138], произвела серьезное впечатление на его современников. «Сейчас... надо сделать усилие, чтобы отдать себе отчет, насколько смелым и новым было такое понимание крепостных отношений и какие огромные практические последствия оно за собой влекло. Но эти, кажущиеся... теперь почти азбучными истины, извлекаемые из любого учебника по истории русского права, тогда были целым умственным переворотом...» [Нольде, 1926, с. 53].

А.С. Хомяков (ближайший духовный друг и наставник Юрия Федоровича), для которого необходимость освобождения крестьян вытекала из его религиозно-нравственных воззрений (христианин может быть рабом, но не рабовладельцем) и чья внутренняя цельность и органичность «заражали» Самарина и «сковывали» в одну цепь этапы его «умственной жизни» [Нольде, 1926, с. 56], так оценил открытие своего соратника: «Спасибо Вам за то, что Вы попали на ту юридическую формулу, которая выражает тот смысл с наибольшей ясностью и отчетливостью, именно на существование у нас двух прав, одинаково крепких и священных: право наследственного на собственность и такого же права наследственного на пользование. В более абсолютном смысле в частных случаях право собственности истинной и безусловной не существует: оно пребывает в са-

мом государстве (великой общине), какая бы ни была его форма... Всякая частная собственность есть только более или менее пользование, только в разных степенях» [Хомяков, 1902, с. 232].

Хомяковское понимание природы собственности, конечно, не вполне релевантно и устарело. Но в середине XIX в. оно как бы санкционировало и оправдывало государственную реформу крепостных отношений. Государство получало мандат на преобразование общественных основ. И этот мандат вручал ему Ю.Ф. Самарин.

Вообще же, согласно Хомякову, разница между правом помещика и правом крестьянина – «только в степени». «Таково отношение юридическое, вышедшее из обычая или создавшее обычай, и кто хочет этому отношению нанести удар, тот хочет возмутить все убеждения, всю сущность народа» [Хомяков, 1902, с. 262].

Подчеркнем: Самарин отрицал то, что крепостное право есть «логический вывод» из развития «истинных русских принципов». Он называл крепостное право «страшной случайностью», «побочным» результатом деятельности администрации. Рабство, полагал он, было введено в России двумя законодательными мерами: запрещением крестьянам покидать землю (Борис Годунов) и уравниванием крестьян с холопами во время первой переписи населения (Петр I). (Я бы добавил Соборное уложение 1649 г. царя Алексея Михайловича.)

Да, впоследствии наука отвергла самаринскую концепцию генезиса крепостных отношений. Так, к примеру, В.О. Ключевский полагал ошибочным мнение Самарина, согласно которому крепостное право есть «случайность», и называл его «правом, исторически сложившимся», имеющим своей целью «создание оседлого крестьянства, работающего на земле». По убеждению Ключевского, «право крестьян на землю не есть следствие исконного и бесспорного владения землей, как думал Самарин... а последовательно вытекает из поземельного прикрепления, видоизмененного, но не отмеченного последующим законодательством и искаженного помещичьей практикой» [Ключевский, 1959, с. 161]. Вместе с тем Ключевский высоко ценил теоретический уровень разработки Самариним этой темы. «В заметках, наблюдениях и проектах Ю.Ф. Самарина находим, может быть, лучшее, что было говорено и писано о крепостном праве у нас...» [там же, с. 110]. О том же говорил Б. Нольде. «В свете современных научных данных конструкция Самарина не достоверна. Масса будущих крепостных людей садилась в далеком прошлом на чуждую землю, и помещичье право на эту последнюю вовсе не воздвигалось поверх крепостного владения пустопорожними землями. Но в то время... прошлое крепостного права еще не было достаточно исследовано» [Нольде, 1926, с. 80–81].

\*\*\*

Самарин настаивал на отмене крепостного права и по той причине, что оно резко ослабляло позиции России во внешнем мире. Так, поражение в Крымской войне (1853–1856) было, по его мнению, следствием ее социальных недугов, и прежде всего крепостного права. В 1856 г. он писал: Россия сдалась «не перед внешними силами западного союза, а перед нашим внутренним бессилием» [Самарин, 1878, с. 28].

Дело внутреннего обновления России, утверждал Самарин в записке о крепостном праве, выдвинувшей автора в первые ряды русской политической мысли<sup>1</sup>, требует немедленного разрешения. Сдавленные общественные потребности, говорит он в этой записке, встречая отпор, уходят вглубь и, созревая в тишине и мраке, перерождаются там в темные страсти, такие же «неразумные» и неодолимые, как стихийные силы. Никто не сможет сдержать взрыва этих страстей, и он надолго потрясет основы общества. Вопрос крепостного права, отмечал Самарин, еще не вступил в эту стадию своего развития, но находится на ее пороге.

Влияние существующих отношений налагает свое клеймо на нравственную физиономию всех «элементов» русской жизни – помещиков, «вооруженных» крепостным правом, чиновников, охраняющих его, крестьян, связанных им. «Помещик, не встречая отпора в равномерных правах людей, его окружающих, ежечасно подвергается искушению дать волю своему произволу. Народ покоряется помещицкой власти, как тяжелой необходимости, как насилию, как некогда покорялась Россия владычеству Монголов в чаянии будущего избавления». Но эта покорность унижает нравственность человека. Она развивает в крестьянах притворство, обман, лесть. Самарин пишет об этом с присущим ему блеском и остротой стиля: «От того крестьяне почти во всех обстоятельствах жизни обращаются к своему помещику темными сторонами своего характера. Умный крестьянин в присутствии своего господина притворяется дураком, правдивый бессовестно лжет ему прямо в глаза, честный обкрадывает его и все трое называют его своим отцом» [Самарин, 1878, с. 17].

Таким образом, исторические, социальные и нравственные предпосылки освобождения крестьянства были налицо. При этом Самарин был убежден: крестьянская реформа должна иметь национальный характер, т.е. сохранить общину, являвшуюся важнейшим компонентом духовной и общественно-политической жизни русского народа. Подобно другим славянофилам, он полагал, что община, пронизанная духом соборности, есть залог, принцип и отличительная черта исторического бытия России.

---

<sup>1</sup> «В глазах той части Петербурга, которая стояла за крепостную реформу, Самарин делается общепризнанным вождем нечиновной передовой России, первым ее авторитетом по крестьянскому делу» [Нольде, 1926, с. 84].

\*\*\*

В общине Самарин видел возможность «органического примирения начала личности с началом объективной и для всех обязательной нормы» [Самарин, 1877, с. 63]. Однако на долю Юрия Федоровича, человека практической складки, выпала и задача политического, социального и экономического обоснования необходимости сохранения общины.

Она была ценна для него как единица хозяйственная; община дает разумную и справедливую основу всему экономическому быту. Благодаря ей каждый крестьянин получает долю в мирской земле, пропорциональную и его рабочим силам, и его потребностям. Община устанавливает тот предел дробления земли, который соответствует требованиям полевого хозяйства. Упразднить общины – значит разбить и перестроить все деревни и перерезать все поля. Вместе с тем Самарин видит временную и национальную ограниченность общины. И не пытается предлагать и навязывать ее другим народам. Община была «закономерна» в современной ему России так же, как крупное земельное владение в Англии и мелкое крестьянское хозяйство во Франции.

Общинное землевладение, по Самарину, имеет и свои недостатки; в нем таятся противоречия, свидетельствующие о том, что эта форма не вечна и должна измениться на пути «свободного развития». При этом он предупреждал: «Если в будущем хозяйственной общине суждено перейти в личное владение, то этот переход совершится естественно» [Самарин, 1878, с. 71].

Б.Э. Нольде следующим образом оценивает самаринскую концепцию общины: «Община для Самарина есть прежде всего форма разрешения социального вопроса, русское национальное воплощение начал общественной справедливости. Он нашел в ней то, что напряженно искал с тех самых пор, как после чтения Лоренца Штейна<sup>1</sup> и особенно после 1848 г.<sup>2</sup> социальный вопрос стал пред ним во весь рост. Но Самарин не был утопистом по своей методе. Он не был способен увлекаться социалистическими абстракциями...<sup>3</sup> Он ценил общину, потому что она ему представлялась... бесспорной реальностью русского хозяйственного быта. Но тот же реализм не позволял ему закрывать глаза и на невыгоды общинного владения. Он хорошо сознавал, что переделы земли вредны для улучшения земледелия и что зажиточные и исправные крестьяне являются противниками общинного владения. Ему ясно, однако, что невыгоды общинного землепользования не перевешивают пока ее выгодных сторон и что ради этих

---

<sup>1</sup> Выдающийся немецкий теоретик социал-реформизма.

<sup>2</sup> Имеется в виду европейская революция 1848 г.

<sup>3</sup> Как, к примеру, его друзья-оппоненты А.И. Герцен, К.Д. Кавелин, как впоследствии народники и эсеры.

невыгод община не может быть разрушена. Но он не хочет предрешать будущее и готов допустить, что со временем решение вопроса об общине будет иным» [Нольде, 1926, с. 97].

Была и еще одна важная причина, по которой Самарин так активно выступал за сохранение общины после отмены крепостного права: революционные принципы легче осуществлять в мире самостоятельных личностей, нежели в деревенской общине. Разрушение общины, считал он, приведет к тому, что крестьянин, лишенный привычных, веками устоявшихся условий и связей, один на один с миром конкуренции и наживы, потеряет тот нравственный ориентир, которым он сизмальства обладал в общинном быту и в конечном счете станет жертвой каких-нибудь новых отрешёвых и пугачевых.

Как уже указывалось, Самарин был сторонником социальных реформ. Стремясь к социальному синтезу, он не искал решения проблем на путях полного отрицания того или иного компонента общественной жизни. Поэтому, несмотря на свое в достаточной степени критическое отношение к социально-политической роли дворянства (к верхушке которого он сам принадлежал), Юрий Федорович заботился и о том, как не разорить помещиков. Самарин полагал, что помещики и крестьяне издавна сжились, их взаимные интересы тесно переплелись, за ними лежит «целое историческое прошлое», которым обуславливается настоящее их положение и которого нельзя не принимать во внимание при определении их будущности. «Нам, – писал он, – предстоит теперь разрешение не арифметической задачи регулирования, а социального вопроса первой величины: улучшить быт крестьян, не разоряя помещиков. Если ни то ни другое словие не может быть принесено в жертву и если нельзя предложить им разойтись в разные стороны, то остается принять за основание, при определении обязательных их отношений друг к другу, обоюдные их потребности, иными словами: арифметические выводы подчинить условиям социальной сделки, для обеих сторон безобидной...» [Нольде, 1926, с. 109].

В.О. Ключевский когда-то сказал: 19 февраля 1861 г. была объявлена реформа, разрешившая величайшую задачу нашей истории. И в основных своих чертах она была осуществлением самаринской концепции.

\*\*\*

Сохранение общины после отмены крепостного права Самарин связывал с введением системы самоуправления. Он твердо выступал против планов, построенных «на признании отдельности административной и хозяйственной единиц крестьянского самоуправления...» [Нольде, 1926, с. 114]. Юрий Федорович писал, что «не понимает юридического положения, отдельного от хозяйственного быта. Отделение хозяйственной единицы от административной на практике невозможно по неразрывной связи

интересов, сопряженных с общинным владением земель в России, почти повсеместно существующих, и тех обязанностей крестьян к правительству, которые находятся в прямом отношении к этому владению» [Нольде, 1926, с. 115].

Самарин предупреждал: если подобное отделение произойдет, то крестьяне не поймут и не поддержат вводимой системы самоуправления. Они примут на себя новые обязанности как тяжелую повинность. Тем самым будет дискредитировано самоуправление – один из важнейших принципов общинного бытия.

Самоуправление общины, полагал он, – это хорошая школа первичного политического опыта и «политической культуры» для крестьян. В условиях эффективно функционирующего самоуправления государство, по Самарину, сможет подготовить граждан к пониманию общего блага и необходимости общественной деятельности. Поэтому вмешательство бюрократии в деятельность органов самоуправления должно быть сведено до минимума. Крестьянам надо учиться решать вопросы собственной жизни самостоятельно, без поводырей, особенно таких духовно чуждых, как бюрократия.

Лучшей формой самоуправления на уровне уезда и губернии Самарин считал земство. Именно в выборных земских органах все сословия России (дворяне, духовенство, купцы, мещане, крестьяне) должны объединиться и сообща приступить к социально полезной деятельности. Причем, по его мнению, прошло время сословных привилегий; земство есть орган представительства интересов всего народа. В связи с этим он выступал против претензий на дворянскую исключительность, призывая помещичий класс отказаться от попыток сохранить прежние преимущества.

Самаринский проект земства предполагал равные выборы по четырем категориям (дворяне, духовенство, горожане и крестьяне), но принцип равенства распространялся не на отдельные личности, а на социальные группы. Так, крестьяне, например, могли выдвигать своих представителей только общиной, а дворяне – дворянским собранием. При этом соблюдалось юридическое равенство сословий. Их равноправие при выборах в земства привело бы к «всесословности» пореформенного русского общества. Цензы не предусматривались.

\*\*\*

Самарин был глубоко убежден в том, что Россия еще не «созрела» для принятия конституции. Указывая на неаккуратное осуществление «местными людьми» своих прав по проведению крестьянской реформы, он писал: «Нет, не верится, чтобы была готовность трудиться, действительно и серьезно трудиться на общерусском деле, когда мы равнодушны

к делу местному, губернскому; не верится, чтоб были наготове для дела губернского, когда для дела уездного не хочется запрячь саней и проехать тридцать верст на морозе. Наша современная деятельность не только не переливает через края, в которых она заключена, а совершенно наоборот, далеко еще не наполнила отведенного ей простора». Конституционные требования для Самарина – или «ребячество», или – эта оценка особенно для него характерна – «полусознательная сделка с совестью, упрекающая нас в распущенности и лени» [Нольде, 1926, с. 127].

Но если бы даже конституция в России была принята, то она, по убеждению Юрия Федоровича, стала бы злом и ложью. Злом – потому, что усилила бы централизацию. Петербург, центр самодержавия, тяжел для России; Петербург, центр конституционного правительства, задавил бы ее окончательно. Ложью – потому, что народная масса оставалась бы вне новой государственной организации. «Народной конституции у нас пока еще быть не может, а конституция не народная, т.е. господство меньшинства, действующего без доверенности от имени большинства, есть ложь и обман» [Самарин, 1887, с. 556]. С нас достаточно псевдопрогресса, псевдопросвещения, псевдокультуры, говорит Юрий Федорович; храни нас Бог от псевдосвободы и псевдоконституции.

Протест Самарина против различных псевдо, не выработанных в ходе собственного исторического развития, лишен всякой тени политической метафизики. Для него самодержавие не есть догмат. Он не признавал теории *de jure divino*, созданной западной схоластикой и православным духовенством. Тем более не признавал эту теорию, когда ее брали на вооружение с целью осуществления собственных эгоистических и честолюбивых планов. Юрий Федорович называл богохульством утверждение, согласно которому в силу божественного закона верховная государственная власть принадлежит какой бы то ни было династии, по праву ей прирожденному, что целый народ отдан Богом в крепостную собственность одному лицу или роду. «Спаситель и апостолы создали Церковь и дали человечеству учение об отношении человека к Богу; но они не создавали государственных форм и не писали конституции» [Самарин, 1887, с. 557]. Вот как комментирует эти воззрения Самарина его лучший биограф: «Каждый народ выбирает себе политическую форму по своим потребностям; если в России должна сохраниться неограниченная монархия, то потому, что, по глубокому убеждению Самарина, в этом заключается потребность страны. Его выводы – выводы трезвого политика, чуждого всякого догматизма...» [Нольде, 1926, 178].

Здесь важно подчеркнуть: Самарин выступал не против конституции вообще, а отвергал ее по причине несвоевременности для России 60–70-х годов XIX в. В его политической лексике наиболее употребляемые слова: «постепенно» и «шаг за шагом».



Он никогда ничего не оценивал «вообще» и «навсегда» и в своих рекомендациях исходил из органики исторического развития и анализа условий эпохи. Поэтому вопрос о том, возможны ли в будущей России основополагающие политические изменения (включая принятие конституции), оставлял открытым.

Необходимо отметить, что Юрий Федорович выступал не только против конституционализма и парламентаризма дворянского образца. Он боролся против любых попыток ограничения верховной власти, из каких бы слоев общества они ни исходили. Особенно же опасался установления власти «необразованных» крестьян. Отчужденные от других слоев русского общества и потому не обладающие опытом и навыками социального общежития, крестьяне (впрочем, и другие сословия) пока не способны к сотрудничеству в государственных учреждениях. Социальный, политический, административный опыт, который дает участие в деятельности органов местного самоуправления, поможет «простому» народу и образованным классам прийти к пониманию таких обязательных понятий, как «совместная политическая ответственность», «национальная политическая воля» и т.д. И только тогда в России, построенной снизу доверху по принципу самоуправления, можно будет обсуждать проблему законодательного собрания.

\*\*\*

Юрий Федорович Самарин умер в конце марта 1876 г. в Берлине от заражения крови. Умер внезапно, будучи человеком еще далеко не старым, «полным энергии и бодрости» (как замечает его биограф), умер в полном одиночестве посреди случайных людей в случайной больнице, под чужим именем, не успев причаститься. – «Священник приезжает, но находит его уже в беспомощности» (А.И. Кошелев). Церковь при русском посольстве не впускает тело усопшего (нет документов, подтверждавших, что это Ю.Ф. Самарин; но его хорошо знали в лицо – знаменитый человек!), и он отпевается в протестантской кирхе.

Представляю, как тяжело он уходил, как одиноко и беспомощно – среди чужих людей, в чужом краю. И никто в этой случайной больнице не знал, кем является этот умирающий господин.

Нет, Германию, Берлин Самарин любил, много раз посещал, прекрасно говорил по-немецки. С симпатией и интересом десятилетиями наблюдал развитие немецкого дела. Однажды в Берлине, выступая перед теми, кого сегодня назвали бы «представителями элиты», Юрий Федорович сказал, что Россия готовится проводить кардинальные преобразования и за пример себе берет прусские реформы начала 1800-х годов. Они превратили Пруссию из «*Militärstaat*» (военного государства) в «*Bildungsstaat*»

(государство образования). Ведущими реформаторами были бароны фон Штейн и Гарденберг. (Самарин так и сказал: «Мы будем строить на этом камне». Камень по-немецки – der Stein. Прозрачная игра слов и совершенно очевидный смысл.) – Итак, учиться у Пруссии, Германии, Европы. Казалось бы, в устах славянофила это звучало странно! Ни в коем случае! Все они были горячими поклонниками Европы, мыслителями с глубоким европейским образованием. Эти люди подтверждали идею Ф.М. Достоевского, что русский тем более русский, чем более он европеец (роман «Подросток», Версиков).

...И все же, все же. Русский аристократ, подмосковный и самарский помещик, житель Петербурга и Москвы, крупнейший социальный реформатор, крестный сын императора Александра I и императрицы-матери Марии Федоровны... Этот крупный православный богослов остался без причащения и отпевания в православном храме...

Но смерть Ю.Ф. Самарина неожиданно производит сильное (такого еще не было!) движение в обществе. Мемуарист говорит о мощном «сочувствии ему, заявленном обществом и печатью и в Москве, и в Петербурге. Все газеты и журналы, без всякого различия мнений, сожалели об утрате скончавшегося и говорили о его значении для России, о его трудах и заслугах. Речам и статьям по этому поводу не было конца. На панихиды в Петербурге и Москве стекались со всех концов городов и знакомые, и незнакомые. На похоронах в Москве было стечение людей огромное, и только блистал своим отсутствием представитель власти – московский генерал-губернатор (говорят, что он из Петербурга получил телеграмму, воспрещавшую ему быть на похоронах).

Умирали и прежде значительные мыслители и деятели, даже такие, как Хомяков и Гоголь... Но общество и печать относились к ним холодно, и только на время умолкали осуждения и насмешки со стороны противников насчет мнений покойников. Но по случаю кончины Самарина едва ли не в первый раз общество живо высказало сочувствие к скончавшемуся общественному деятелю, а печать забыла прежние распри и разногласия и соединилась в воздаянии покойному заслуженной похвалы. Много этому содействовало то, что Самарин печатал многие свои произведения за границей и был если и не гоним, то заподозрен и нелюбим правительством...

Похороны Погодина были многолюдны и торжественны. Но тогда хоронили тайного советника, разных орденов кавалера, заслуженного профессора, академика и никогда не бывшего в оппозиции в отношении к правительству. Все власти принимали участие в церемонии... Теперь предавали земле коллежского советника, не принявшего ордена Св. Владимира, ему данного за общественную службу, и оставшегося более 30 лет в частной жизни» [Русское общество..., 1991, с. 175–176].

Реакция русского общества на смерть этого человека была просто ошеломительной. В мартовском 1876 г. выпуске «Дневника писателя» Ф.М. Достоевский сказал: «А твердые и убежденные люди уходят: умер Юрий Самарин, даровитейший человек, с неколебавшимися убеждениями, полезнейший деятель. Есть люди, заставляющие всех уважать себя, даже несогласных с их убеждениями. “Новое время” сообщило о нем один весьма характеристический рассказ. Еще так недавно, в конце февраля, в проезд через Петербург, Самарин успел прочесть в февральском номере “Отечественных записок” статью князя Васильчикова “Чернозем и его будучность”. Эта статья так подействовала на него, что он не спал всю ночь: “Это очень хорошая и верная статья (сказал Самарин наутро своему приятелю). Я ее читал вчера вечером, и она произвела на меня такое впечатление, что я не мог заснуть; всю ночь так и мерещилась страшная картина безводной и безлюдной пустыни, в которую превращается наша средняя черноземная полоса России от постоянного, ничем не останавливаемого уничтожения лесов”.

“Много ли у нас найдется людей, которые теряют сон в заботах о своей родине?” – прибавляет к этому “Новое время”. Я думаю, что еще найдутся, и кто знает, может быть, теперь, судя по тревожному положению нашему, еще больше, чем прежде. Беспокоящихся людей, в самых многообразных смыслах, у нас всегда бывало довольно, и мы вовсе не так спим, как про нас утверждают; но не в том дело, что есть беспокоящиеся, а в том, как они судят, а с Юрием Самариним мы лишились твердого и глубокого мыслителя, и вот в чем утрата» [Достоевский, 1981, с. 102].

\*\*\*

Так кто же такой этот Юрий Самарин, о ком дружно жалело общество 70-х годов XIX в. и о котором практически ничего неизвестно современным «образованным русским»?

Весьма точную характеристику дает ему немецкая исследовательница Г. Хукке, посвятившая его жизни и творчеству обширную монографию. Она называет Самарина «блистательным представителем русской духовной жизни XIX столетия, который около 30 лет играл одну из главных ролей в общественной жизни страны» [Hucke, 1979, S. 9]. По словам Г. Хукке, «ни один из его современников не был одновременно столь авторитетен во всех трех сферах, определивших русскую историю идей XIX в.: он не только был признанным богословом., но и внес значительный вклад в русскую историческую мысль, и, наконец, он принадлежал к той категории творцов социальных реформ, чьи идеи реализуются на практике» [Hucke, 1979, S. 14–15].

В заключение – два пояснения: к названию текста и эпиграфу. Почему «Юрий Самарин и наше время»? В этой работе я многократно ссылался на книгу Б.Э. Нольде «Юрий Самарин и его время». Теперь же, как мне кажется, важнее найти Юрию Федоровичу современный контекст. – Почему он важен и нужен нам? Чему мы можем у него научиться? И т.д.

В своей известной полемике с А.Д. Градовским – полемике, исторически связанной с речью, произнесенной им на пушкинских торжествах лета 1880 г., – Ф.М. Достоевский противопоставил классическому для отечественной литературы (а значит, и для русского социума) типу «скитальцев (они же – «лишние люди») людей прямо противоположного склада. Это, по мнению писателя, – те, кто русскую землю обустроивает и русскую жизнь улучшает. Это – делатели, а не «отвлеченные болтуны... источающие гражданскую скорбь, это реформаторы, люди созидания и трезвого расчета». В качестве примера Достоевский назвал Ю.Ф. Самарина: «Самарин, а не ваши скитальцы». Позднее Л.Н. Тихомиров отчеканит эту мысль в формулу: «люди устройства и люди расстройства». Конфликт между ними по сей день не закончен. И сегодня «люди расстройства» жестко противостоят «людям устройства». В этой ситуации опора на Самарина укрепляет позиции устроительной партии.

Что касается строчки Николая Платоновича Огарева, то в ней фиксируется прокрестьянская позиция Самарина в ходе подготовки великой эмансипационной реформы. (Мы привыкли говорить: «Герцен и Огарев»). А последний сам по себе был недурным поэтом, автором нескольких пронзительных стихотворений. Но XIX век в России был столь богат на поэтические таланты, что их гигантские фигуры заслонили несколько чудных поэтов второго ряда, включая и Огарева.)

#### Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 томах. – М. : Наука, 1981. – Т. 22. – 408 с.
2. Ключевский В.О. Сочинения : в 8-ми т. – М. : Госполитиздат, 1959. – Т. 7. – 487 с.
3. Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. – Париж : Soc. anonyme impr. de Navarre, 1926. – 245 с.
4. Русское общество 40–50-х годов XIX в. : в 2-х ч. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – Ч. 1 : Записки А.И. Кошелева. – 240 с.
5. Самарин Ю.Ф. Сочинения. – М. : Д. Самарин, 1877. – Т. 1 : Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. – 404 с.
6. Самарин Ю.Ф. Сочинения. – М. : Д. Самарин, 1878. – Т. 2 : Крестьянское дело до высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года. – 445 с.
7. Самарин Ю.Ф. Сочинения. – М. : Д. Самарин, 1887. – Т. 6 : Иезуиты и статьи богословско-философского содержания. – 563 с.
8. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений : в 8-ми т. – М. : Тип. И.Н. Кушнерев, 1902. – Т. 7. – 531 с.

9. Hücke G. Jurij Fedorovič Samarin. Seine geistesgeschichtliche Position und politische Bedeutung. – München, 1979. – 263 S.
10. Riasanovsky N.V. Russia and the West in the Teaching of Slavophiles : A Study of Romantic Ideology. – Cambridge : Harvard University Press, 1952. – 244 p.

## **YURIY PIVOVAROV**

### ***YURI SAMARIN AND OUR TIME***

**Abstract.** *This text is dedicated to the outstanding thinker and reformer Yu. F. Samarin (1819–1876). The main focus is on his contribution to the preparation of the liberation of peasants from serfdom and the associated organization of local self-government. The work emphasizes the relevance of the figure of Samarin for our time.*

**Keywords:** *Samarin, emancipation of peasants, self-government, reform, community.*

**И.И. ГЛЕБОВА**

**ОТ РОССИИ ПЕТРОВСКОЙ – К РОССИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ :  
О КУЛЬТУРНЫХ РАСКОЛАХ  
И КУЛЬТУРНЫХ РЕВОЛЮЦИЯХ**

*Аннотация.* Этот текст – о типологии российских «транзитов» (из одного исторического времени – в другое). Автор указывает, что эти переходы происходят в России по революционному сценарию: связаны с расколом национальных сил на «старые» и «новые», их ожесточенным столкновением (своего рода культурной войной). Хрестоматийный пример – петровская революция, «большой скачок» из Руси московской, «старорежимной» в Россию нововременную, петербургскую. Типологически схожий конфликт традиционного и современного («традиционалистов» и «модернистов») мы видим на переходе в XX век – и в новый мир: индустриализма, урбанизма, масс. Но если в начале XVIII в. революционером выступала власть, то два столетия спустя – общество, желавшее стать главным режиссером русской современности. Петровская революция символически зашифрована в формуле «Петербург против Москвы». На рубеже XIX и XX столетий раскололась уже одна сущность («Петербург») – социальность, которая и явилась следствием той революции, была создана европейской культурной прививкой. «Петербург против Петербурга» – вот один из главных разломов, по которому прошла лава русской революции. Истоки же революционного конфликта следует искать в культуре. В ней всегда были сильны страсть к разрывам, расколам, нигилистический запал; модерн с его радикальным футуризмом усилил эти склонности, довел их до крайности. Вся метафизика революции общества, устремленного к новым социальным горизонтам, против «старой власти» (самодержавия) – отсюда.

**Ключевые слова:** революция, темпоральность, модерн, Петербург, самодержавие, общество, творчество, «новый человек», свобода.

**О несопоставимости разных эр**

Бывают эпохи, несхожие до парадоксальности, когда история, кажется, идет противотоком. Ярчайший тому пример – два порубежья: XIX–XX и XX–XXI вв. Наше время лишено революционного запала; потребность менять мир в нем не то что не доминирует, но периферийна, культура лишена этого напряжения: время, вперед! В этом – его принципиальное отличие от начала XX в., потрясшего мир революциями во всех областях. Это эпохи различных, если так можно выразиться, темпоральных устремленностей, разных «возрастов» (в культурном, ментальном, мировоззренческом отношениях)<sup>1</sup>. Когда XXI столетие обращается к XX, меряя те «неслыханные перемены, невиданные мятежи» своим знанием, опытом, неадекватности неизбежны.

Темпоральный нерв нашего времени при всей его информационно-технологической инновационности – прошлое. Собственно, этот поворот: лицом к истории – Европа (европейская цивилизация) совершила еще в 1970-е годы; он был подкреплён философией и культурой постмодернизма<sup>2</sup>. Эту тенденцию: вперед в прошлое! – (парадоксальным образом) усилила ситуация падения коммунизма<sup>3</sup>. По прошествии десятилетий европейский ретроспективизм («перфектизм») лишился своего исходного напряжения<sup>4</sup>. Однако его влияние ощущается и теперь. Первая четверть

---

<sup>1</sup> А это значит, что разительно различаются идентичности человека и общества, что действуют разные модальные типы личности (они по-разному смотрят в прошлое и будущее, оценивают настоящее).

<sup>2</sup> Европейское общество, охваченное бурным ростом, в 1970-е годы внезапно ощутило себя отрезанным от своих корней. Оно уже не боялось потонуть в прошлом, быть раздавленным его грузом (по выражению Л. Февра). Оно боялось его потерять. «Наше общество, одержимое памятью, думает, что без истории оно утратило бы свою идентичность», – писал французский историк А. Про [Про, 2000, с. 318]. Отсюда – интерес к традиционному и «изобретение» традиций, борьба за наследие как за национальное достояние, его популяризация государством и проч.

<sup>3</sup> «Благоприятная обстановка для всех возвращений к прошлому – это реакция на фальшивое “светлое будущее”... коммунизма», – указывал Э. Морен [Морен, 1995, с. 11]. Социальная усталость от жизни в вечно новом мире была так высока, что появилось ощущение: после коммунизма любая новизна кончается. И оказалось, действительно – кончилась. «Культивирование прошлого является ответом на неизвестность будущего и отсутствие коллективного общественного проекта», – констатирует А. Про [Про, 2000, с. 318]. Иначе говоря, современный «перфектизм» имеет идеологические, политико-культурные обусловленности. Поэтому его вторжение в политику, очевидное везде, совершенно не случайно.

<sup>4</sup> Все заняты сегодняшним днем; идентичности человека и обществ как бы сократились в темпоральном отношении (потеряли во времени). И хотя под влиянием больших юбилеев XXI в. (в особенности его второго десятилетия) воспоминания отчасти вернулись (в публичную сферу, массовое сознание), эта потеря (укорачивание настоящего) ощущается.

XXI в. – это, скорее, «present perfect», чем «present future»; тема социальных перспектив в нем приглушена (неочевидна, ненастойчива).

На востоке Европы «перфектизм» выражен сильнее (и даже усиливается со временем) – посткоммунистический мир еще болен своим прошлым. И это не просто «фантомные боли», но часть (фактор) важнейших социально-политических процессов. Дебаты о прошлом, «войны памяти», продолжающиеся вот уже третье десятилетие, – это способ выхода из «коммунизма» и формирования какого-то иного социального порядка (поиск пути). По этой причине восточноевропейский «перфектизм» и стал политическим явлением; политика и политики «протаскивают» его в публичную сферу, нагнетают, навязывают тему «памяти как (доминирующей) идентичности» массовому сознанию.

Современная Россия – крайний (особый) случай. Она – во власти прошлого: о нем спорит, за него «воюет», на этом фундаменте строятся общественная идентичность и легитимность политического режима. Что объяснимо. Одну за другой страна пережила сразу несколько темпоральных катастроф: сначала усталость от коммунистического футуризма (от всех советских игр в будущее), потом разочарование в постсоветском «проектизме». Россия обманута будущим (советским, антисоветским, постсоветским), вообще – обманулась в будущем. А это – особое состояние общества (настроения, потребности, модальные типы личности).

Наше общество не романтизирует прошлое, но полно пессимизма (здесь даже агрессивные подъемы, вроде «Крымнаш», неустойчивы, краткосрочны – в них нет позитивного заряда). Оно ностальгирует, тоскует, но не очень понимает о чем. Оно не ориентировано на сохранение чего-либо (время «борьбы за стабильность» прошло – и это будущее в прошлом<sup>1</sup>), но к переменам относится по-стариковски опасливо. Это общество, которое уже не ищет выхода – просто живет (проживает свое время). Менять мир – не его задача; обновленческие грезы, которые социологически фиксируются как потребность в «реформе» (в широком значении этого слова), – только одно из проявлений этого состояния (в «паузе»)<sup>2</sup>.

В этом смысле современный мир и в особенности современная Россия – полная противоположность себе прежним, столетней давности.

---

<sup>1</sup> То, что у нас называют социальным большинством, – это маргинализованная, аморфная среда (ни выраженных интересов, ни объединяющих целей, ни связей). Оно больше не заинтересовано в поддержании стабильности политических институтов, так как те не гарантируют ни экономического роста, ни мира. Не случайно власть с 2014 г. постоянно дестабилизирует ситуацию, «перебирает людишек», встряхивает институты (последняя, 2020 г., игра президента – в конституцию – из этого ряда) – понимает, что этот ресурс утерян. Теперь ее сила – в монополии на дестабилизации/хаотизации. И конкурентов на этом поле она не потерпит.

<sup>2</sup> Можно сказать, что этот социальный компьютер завис; перезагрузка необходима, но как?!



XX в. (не тот, что случился и стал нашей историей<sup>1</sup>, но едва успевший заявить о себе, внезапно оборвавшийся, забытый: *1900–1910-х годов*, до Мировой войны и Русской революции) жил перспективами: мечтал, изобретал, строил, творил. То была эпоха торжества «фьючеризма» (футуризма) – предельного убыстрения и уплотнения времени, прорывов во всем (науке, искусстве, технологиях, социальной жизни). Эпоха требовала радикального обновления (и активизировала всякого рода радикализмы – правые, левые), признавала одну легитимацию – через будущее (образы будущего), противопоставляла традицию и современность (объявила войну традиции/традиционному как отжившему, ненужному, препятствию на пути развития)<sup>2</sup>. Высокий статус в футуристической культуре модерна приобрели новизна (неожиданное, неизведанное), молодость (и младшее поколение), идеи начала, начинания заново – и, соответственно, отрицания, разрушения<sup>3</sup>. Социальные катаклизмы XX в. во многом связаны с модернистскими настроениями, культурой (ими обусловлены).

Во власть метафизики столетия попала вся Европа (точнее, весь европейский мир). Везде она спровоцировала раскол на старые и новые силы (политические, социальные, культурные), их столкновения. Однако особенно острый характер конфликт традиционного и современного приобрел в тех странах, которые запаздывали в XX-й<sup>4</sup>, где на пути века стояли «старые режимы» – автократические порядки, имевшие источником легитимности священную власть монархов (утверждавшие сверхвласть трона).

---

<sup>1</sup> А именно этому XX-му (в особенности раннему СССР) приписываются весь оптимизм, футуризм, упрямая достижительность века. Об этом (как об утрате) теперь ностальгируют даже те, кто был бы потенциальной жертвой ленинско-сталинского «оптимизма». Это стало модно (так во второй половине 1990-х вдруг вошло в моду вспоминать об СССР).

<sup>2</sup> Р. Козеллек говорил: «Специфическая ориентация Нового времени на будущее складывалась по мере того, как общественная модернизация разрушила староевропейское пространство опыта крестьянско-ремесленных жизненных миров, она привела их в движение и обесценила в качестве установок, направляющих ожидания. На место опыта предшествующих поколений приходит опыт прогресса, который придает горизонту ожидания, до тех пор прочно привязанному к прошлому, исторически новое качество постоянной погруженности в утопию» [цит. по: Хабермас, 2003, с. 23]. XX век, едва начавшись, придал этой нововременной ориентации окончательное напряжение: ощущение, что он наконец позволит ей реализоваться, что тут-то история и «закончится», прогресс победит (интересно, что и конец столетия был связан с подобными надеждами – вспомним «футуристический манифест» Ф. Фукуямы, да и вообще реакции на «конец коммунизма» как мирового проекта).

<sup>3</sup> «Прогрессиизм» и нигилизм – вот идеология модерна. Он мыслил утопически (присущий ему идеализм открывал дорогу для различных утопий), переоценивал новизну – гнался за всем новым, не страхась неизвестности, не заботясь о цене и последствиях.

<sup>4</sup> «Догнать и перегнать», овладеть Современностью – страсть отстающих (одна из страстей); не будучи реализована, она рождает тяжелые комплексы.

Само наличие этой мишени способствовало сплочению новых сил, усилению их позиций в обществе (влияния на общество), придавало конфликту «старое»/«модерное» революционное напряжение<sup>1</sup>. Другим источником радикализации служила ситуация «восстания масс» – выхода на историческую арену «массового человека». Этот новый исторический субъект рвался строить свой новый мир, стремился реализовать обретенную субъектность – тотально, без ограничений, в ущерб всем прежним хозяевам истории (намеревался перевести традиционных социальных творцов: монархию, аристократию, церковь, буржуазию – в бывшие, оставить их власть в прошлом)<sup>2</sup>.

В России этот конфликт века: «Мы наш, мы новый ...» (XX-й – против всего, что было до него) – нашел для себя особо благоприятную почву. Его радикализм обычно объясняют одной причиной: самодержавие – «старый режим», который при своей очевидной бездарности, консервации отсталости (держал страну на «низком старте» на пути в прогресс), слишком ожесточенно сопротивлялся, вызывая ответную ярость<sup>3</sup>. Да, конечно, это фактор важный, в чем-то даже решающий: антисамодержавность – точка сборки для всех новых сил, борьба с самодержавием как со «старым режимом» – идеология русской революции<sup>4</sup>. Однако, рассматривая это «решение» как единственное (исходную базу для всех размышлений об эпохе), мы не принимаем во внимание (теряем) тот долговременный политико-культурный контекст (те контексты), который во многом обусловил масштаб и последствия революционных событий.

---

<sup>1</sup> Известна формула М. Малиа: «европейская “великая революция” – это принявший всеобщий характер бунт против “старого режима”» (тысячелетнего европейского порядка, в основе которого был раскол на два мира – монархии, аристократии, церкви (тех, кто «правит, воюет и молится») и «тех, кто работает») [Малиа, 2015, с. 13, 14].

<sup>2</sup> Здесь берет начало тот «эгалитарный импульс», который, нарастая, приводил «ко все более радикальным уравнильным революциям XX в.» [там же, с. 16].

<sup>3</sup> М. Малиа указывает, что западная революционная традиция «идет не только от примата политической свободы к примату устранения социального неравенства и от сравнительной умеренности к экстремизму», но и «из передовых обществ в отсталые. Так, от экономически развитых и политически сложных “старых режимов” атлантического Запада эта традиция распространилась на более простые и милитаризированные “старые режимы” Пруссии и Австрии, а также на самый незрелый и жестокий из них – российский» [там же, с. 15–16]. То есть с «продвижением современности на восток» (по «западно-восточному культурному градиенту») традиция радикализируется; революция приобретает все более конкретные очертания, все более жестокие, дикие формы.

<sup>4</sup> Заметим при этом, что вопрос о степени старорежимности «старого режима» нуждается в проработке – и тем настоятельнее, чем более очевидными кажутся ответы на него. Более того, именно столетнее «стояние» на этой позиции заставляет задуматься: а старорежимен ли «старый режим»? Так ли он «старорежимен», как мы привыкли о нем думать?

### **Конфликт века: Петербург против Петербурга**

В России рубежа XIX–XX вв. совпало (сошлось, срезонировало) несколько процессов, несколько обстоятельств. Это совпадение придало конфликту «новое/старое», вроде бы, естественному, неизбежному, необходимому для развития, отчасти утрированному XX в., чрезвычайное напряжение (характер чрезвычайщины).

Страна тогда находилась на решающем своем переходе, на главном рубеже. Самое «простое» определение природы этой переходности – движение от традиционного общества к современному, более открытому, демократическому, динамичному, «интенсивному» (во всех отношениях – от экономики и технологий до культуры, образования, политики)<sup>1</sup>. «В истории каждой нации подобная трансформация может произойти лишь однажды, так как она закладывает фундамент будущей “современности” этой нации» [Малиа, 2015, с. 13], – пишет М. Малиа. Иначе говоря, это русское время было революционно по духу и сути, предполагало ожесточенное столкновение традиционного и нового, разных «образов Современности», различных политических проектов и социальных сил. Вызовы XX в., модерн с его футуристической устремленностью и агрессивным отношением к традиции довели ситуацию до противостояния.

Вообще, особенность российского развития состоит в том, что переход в новое историческое качество имеет характер революции (происходит по революционному сценарию)<sup>2</sup>. Свой прежний «большой скачок»: в Новое (европейское) время – страна совершила как раз таким путем. Он сопровождался бескомпромиссной борьбой с традицией (европейского – с автохтонным, «инновационного» – с архаичным), расколом на две России: «модернистов»/европеистов (петербургскую/петровскую) и «традиционалистов»/националистов (московскую/соборную) и их противостоянием<sup>3</sup>. То есть потребность в обновлении породила войну – культурно-

---

<sup>1</sup> Вот что говорит об этом М. Малиа: «Это политический, идеологический и культурный разрыв с извечной традицией; его суть заключается в переходе от корпоративного, иерархического мира, просто данного людям историей и/или божественным промыслом, к миру, где люди сознательно организуют и формируют свое общество» [Малиа, 2015, с. 309].

<sup>2</sup> В том смысле, что революционер хочет тотального переустройства мира; он не желает компромиссов – идет на крайности (или/или).

<sup>3</sup> Применяемые термины, конечно, условны. Однако важно подчеркнуть: восприятие нового (приобщение к Современности) было связано с расколом национальных сил, реализовывалось через их ожесточенное столкновение. У нас вообще воспроизводится эта тенденция – к разрыву, расколу; в культуре (в том числе в культуре политической) присутствует нигилистический запал, страх разрывов приглушен. *Тема расколотого общества* (разных России как противоположностей, чуждостей – не в социальном только, но в культурном, политическом смыслах) сохраняется, не уходит со временем.

ментальную, социальную (внутреннюю, гражданскую). Правда, она была ограничена верхушкой общества (теми, кто «правил, воевал и молился»), но это не снижало градуса ожесточения

Вот этот сценарий и актуализировал XX век (дал воздух этому тлеющему пламени, позволил ему разгореться). При этом, однако, внес в него коррективы. В начале XVIII в. в качестве сценариста/революционера выступила власть (как источник всего и вся в этой социальности – других субъектов не было). Она привела революцию в страну – через Петербург (этот город – наше окно в Европу/мир и в революцию), создала модель новой русской современности. Два столетия спустя ее потеснило общество: это дитя петровского переворота созрело для того, чтобы учинить свой; само вознамерилось определять для этой нации, что есть Современность<sup>1</sup>.

Со сменой «актеров» изменилась и символическая топография конфликта. Диспозиция петровской революции: Петербург против Москвы (новый город – против старого, европейский – против русского, регулярность и форма – против жизнерадостного естественного хаоса/хаотической естественности). В XX в. по линии «новое/старое» окончательно раскололась одна сущность: Петербург (Россия общественная – интеллектуальная, художественная, буржуазная, политическая) – против Петербурга (России властной – придворной, бюрократической, гвардейской)<sup>2</sup>.

Хотя это символическое обозначение (имя) конфликта власти и общества, интересна (особенно значима) и его конкретика. Ведь со всей яркостью и очевидностью он проявил себя именно в Петербурге – не только потому, что столица, но и оттого, что это их (власти и общества) место рождения и «месторазвития». В 1900–1910-е годы в одном пространстве (Петербург) как бы сошлись два города (город раздвоился – или удвоился)<sup>3</sup>. Один был устремлен в будущее, олицетворен новым искусством, религиозно-философскими исканиями, занят поиском новых форм (эконо-

<sup>1</sup> Образ нового мира (Современности) для России общественной был «определен» европейским Просвещением (в широком смысле); ведь она сама – плод просвещения. Это прежде всего социальная эмансипация и индивидуальная свобода.

<sup>2</sup> «Петербург» в данном случае – название не географическое, а «цивилизационное». Таково имя той цивилизации, что явилась следствием двухсотлетнего европейского развития (национального как европейского), плодом европейской культуры. Власть со всем, что ей сопутствовало, и общество во всех его проявлениях суть одна Россия: Петербургская.

<sup>3</sup> Это характерно для тогдашних больших городов: они не были едины, в них соседствовали разные сущности. И это естественно: общий город для всех – это *задача* века; он еще только замышлялся, конструировался, строился. Тогдашний Берлин, например, – город имперский (монархический, чиновный, гарнизонный), современный (урбанистический, буржуазный, интеллектуальный и культурный), рабочий (индустриальный, полный классовых конфликтов, социальных запросов). Все это – совершенно разные типы города; им трудно «ужиться», сосуществовать. Чем выраженнее, зримее были эти расколы/конфликты, тем выше опасность революции.

мических, политических, потребительских, бытовых, всяческих). Символом другого выступал «Дворец» (царь/двор/Дворцовая площадь): власть, иерархия, ограничения – все то, что сковывает личность, мысль, воображение, творчество.

Новый город считал «Дворец» оплотом не только отсталости (анахронизмом, препятствием на пути прогресса), но и «азиатчины» – апофеозом русской неевропейскости; видел в нем вызов европейской природе столицы, европейским началам России. В этом смысле для «нового Петербурга» дело «Дворца» было делом антипетербургским (антипетровским). Он намеревался заменить собой Петербург царя, царской бюрократии и гвардейских казарм – построить свой город (свой мир), современный, передовой, европейский. Но «старый мир» не хотел уступать, настаивал: я есмь (жив, дееспособен; Дворец и есть Петербург, Россия).

Вот здесь, в этом расколе: Петербург против Петербурга – один из главных источников (и движущих сил) русской революции. Он имел разные характеристики, особенности, у него много лиц, обусловленностей, целеполаганий. Особое значение имело его культурное измерение. Общественный Петербург (российское общество) – это прежде всего культура. «Через» культурную экспансию он и создавался (других возможностей попросту не было, точнее они были ограничены – монополию на политическое, экономическое и проч. имело государство/власть), стал сознавать себя самостоятельным, самоценным. Здесь прежде всего сказалось то громадное напряжение, которое принесла с собой Современность, концентрировался и рефлексировался весь футуристический накал века. Новое общество («новый Петербург») во многом формировалось через «облучение» новой культурой. Поэтому культура стала важным пространством реализации «петербургского конфликта».

### **Начала: О России петровской**

Тот конфликт, который в этом тексте назван петербургским, совсем не случайно прошел по двум линиям: темпоральность (социальное время, *тема развития/прогресса*) и европеизм (*тема «пути»* – ценностей, сущностей/идентичностей). Это и есть основы Петербурга, той европеизированной социальности (субкультуры), источником и символом которой он был. Все, что существовало за ее пределами, жило циклами (природными, культурными, поколенческими); там все повторялось, воспроизводилось, регулировалось традицией, привычкой, строилось на пассивной адаптации к наличной реальности<sup>1</sup>. Петербург – другой/параллельный мир (другая

---

<sup>1</sup> А это и была вся Россия – многомиллионная страна, оставшаяся за пределами петровских и постпетровских европеизаций (бывшая для них только ресурсом, возможностью

Россия – потенциальный вызов традиционалистской, крестьянской стране), вышедший из немецко-голландского камзола царя-революционера.

Мастеря на рубеже веков (повторю, XVII и XVIII столкнулись у нас с тем же ожесточением, как потом XIX и XX) свою (новую/антимосковскую) Россию, Петр использовал как инструмент (средство) армию подручников (уполномоченных, «подмастерьев»). Созданная по образу и подобию Европы, которую Творец хотел догнать и перегнать, в российской системе она стала отвечать за время (приобщение к современности)<sup>1</sup>. Что бы ни говорили о странностях этого «решения», оно оказалось оправданным; вытекало из национальной истории, взывало к важнейшим ее началам; имело не только политические резоны, но и культурные. Так компенсировались дефициты традиционной культуры – точнее, главный из них: низкая интенсивность (отсутствие динамизма, способности к «пересмотру основ», восприимчивости к новому)<sup>2</sup>. С появлением «внутренней Европы»

---

для осуществления). В каком веке она жила – XVII, XVIII, XIX-м? Трудно сказать. Крестьянская Русь столетиями была погружена в свое особое «настоящее/прошлое» (точнее, оставалась вне социального времени просто потому, что это не ее тема). Изменения всерьез коснулись ее только с пореформенной эпохи; тогда для нее по-настоящему появилось время (началась темпорализация этого социального пространства). Может быть, от этой связанности прошлым наш массовый человек оказался так податлив пропаганде будущего, поставленной на поток большевиками. Это ведь они изобрели темпоральный конвейер, маня в свой мир образами будущего. Их нынешние наследники просто поменяли вектор – стали эксплуатировать прошлое; технологии же «заманивания»/господства остались прежними.

<sup>1</sup> Чтобы осуществить «умысел» Петра Алексеевича: рвануть с периферии (из ордынско-восточнической «вечности») в большой европейский мир (в историю), Московии необходимо было обновиться – в прямом смысле: «освоить» время, соединить его с пространством. Если воспользоваться евразийской метафорой «месторазвития», можно сказать, что от Орды/Востока Московская Русь получила «место» («поняла», что господствовать означало владеть пространством и людьми; обрела себя в пространстве – как пространство); на исходе XVII в. «вознамерилась» взять от Запада время (ввести в свой социальный компьютер тему развития/прогресса). В концепции «Русской системы» этот процесс точно назван темпорализацией пространства. «Верхняя» субкультура (ограниченный социальный контингент петровских новых русских) и служила инструментом «темпорализации». Ее время – «настоящее–будущее», но не свое (его ведь не было), а заемное, европейское. В этой «заемности основ» многие исследователи видят неестественность этого типа существования, слабость этой культуры [см.: Пивоваров, 1990, с. 129, 135]. Не случайно К. Маркс считал европеизированную Россию «мнимой цивилизацией» («выдумкой» – надстройкой без базиса), а Ф.М. Достоевский называл ее главный город – Петербург – «умышленным» (придуманным, чуждым национальному естеству). Революция 1917 г. (вроде бы) дала железное основание характеризовать российскую нововременную историю как неудачную попытку создания европейской цивилизации на не приспособленной для того почве.

<sup>2</sup> Культуры традиционного типа нацелены в основном на выживание. В России эта потребность выражена особенно сильно: выживать приходится в крайне тяжелых (неевропейских) природных условиях. Здесь и базиса-то маловато (материя, экономическое богатство – всегда в дефиците, поэтому так сильна тенденция распределять ее в крайне узких

традиционная культура получила необходимое для развития «расширение» – была как бы достроена, поднята на новый уровень.

Вроде бы случайная и насильственная петровская европеизация оказалась совсем не случайна. Даже Петру, этому деспоту европеизации, не удалось бы осуществить его перестройку, если бы в стране не было общественной потребности в том, что могла ей дать Европа, и социальной среды, готовой и способной послужить проводником этого влияния<sup>1</sup>. В XVII в. Московия постепенно обнаруживала в себе европейскую сущность, способность быть европейской («вспомнила» об этих своих началах, забытых/придавленных внешним и внутренним ордынством). Можно сказать, что Европа пришла в потенциальную Европу; допетровская Русь – уже отчасти Россия; в ней виден образ Петербурга – Петр и наследники (точнее, наследницы) его проявили. Россия «верхов» (элиты) была готова к встрече, поэтому оказалась так восприимчива к европейской прививке. Это вообще закономерность: как только страна выходит с периферии мировой политики (из изоляции/самоизоляции), «технологии» взаимодействия с Западом и соответствующая социальная прослойка создаются достаточно планомерно, последовательно, массово, оказываются чрезвычайно эффективными в деле развития.

Здесь, однако, надо сказать, что у петровской революции была одна особенность, которая по своему негативному влиянию на судьбу страны равна положительному эффекту от европеизации. Она проведена так, что традиционализм и отсталость сосредоточились на одном социальном полюсе, а все завоевания европейской цивилизации – на другом; ситуация была законсервирована крепостным правом. Социальная ткань, прежде связанная единой культурой, разорвалась; отношения «верхов» (элит) и народа лишились того органического единства происхождения/«корней»,

---

социальных интересах, в «верхах»); на «надстройку» (университеты, просвещение, науку, гуманизацию) попросту не хватало сил.

<sup>1</sup> Представляется, что странности петербургского типа развития (петровской затеи: сотворения России как Европы) несколько преувеличены. Сама Европа и строилась по-разному (скажем, «заэльбские», немецко-саксонские племена не были цивилизованы в римском смысле слова, а потому подвергались колонизации/европеизации; это наложило отпечаток на всю их дальнейшую историю), и по-разному экспансировала, раздвигала свои границы (создавая свою элиту, параллельную национальной – как, к примеру, в Чехии или Прибалтике, где потом боролись с «немецким засильем», или проникая в национальные элиты, инкорпорируясь в них). Будучи культурно-географически европейской окраиной (осознав себя таковой), Московия нашла *свой* путь в Европу: умножать сущности через заимствования (технологий, людей, образования, идей, языка, культуры, быта). Тем самым возбуждала *свои европейские* начала. Открывшись в мир передовыми отрядами элит, Россия обеспечила себе возможность стать развивающимся обществом. В этом смысле наш опыт можно характеризовать как крайний вариант восточноевропейской эволюции (*особый случай в рамках Большой Европы*).

что зафиксировано в языке, институтах, ценностях и исторических привычках<sup>1</sup>. Они, скорее, напоминали *колониальные общества*; здесь две цивилизации (два разных типа исторического существования) были внутри; асинхронность развития – это внутренняя проблема. Привилегированное вестернизированное меньшинство было вдвойне чуждо традиционалистскому большинству: социально (как коллективный эксплуататор, господствующая сила, государство) и культурно (как иной культурный вид: хотя и не иноверец, но что-то вроде инородца – «внутреннего немца»). Этот раскол (на два мира, две России: петербургскую и то, что ею не является) впервые обнажился в пугачевщине – как потенциальный источник ужаса, угроза жизни *всему* высшему «классу». Ее беспощадность, свирепое упорство свидетельствовали, что это не просто месть угнетателям, но *культурная война*, подобная колониальным восстаниям против колонизаторов. Как нейтрализовать эту угрозу (бомбу под будущее), исправить этот дефект («родовую травму») – вот вызов для «Петербурга».

Маленькая петровская Россия (Немецкая слобода, привитая к русской почве), десятилетиями подпитываясь западными мыслями и технологиями, в XIX в. выросла в особую (петербургскую) цивилизацию. Царствуя и барствуя, она мучительно искала себя и новых путей для страны. Не случайно в ее «целеполаганиях» появился «народ». Поначалу в основном для самоопределения – чтобы разрешить вопрос: кто мы? в свою пользу («привязать» себя к почве, национализироваться)<sup>2</sup>. Потом – все больше для самокритики и правдоискания («спасения» – в высшем и профанном смыслах): через народофильство эта культура гуманизировала себя, укрощала «эгоизм правящего сословия», изживала в себе крепостника и деспота<sup>3</sup>. Демонтаж крепостнической системы был во многом связан с этим внутренним движением, этой «проработкой», этим преодолением.

---

<sup>1</sup> О расколе послепетровской России на две культуры, две цивилизации см.: [Пивоваров, 1990, с. 117–143].

<sup>2</sup> В ряду этих поисков – и уваровская «народность», и дебаты «западников»/«народолюбцев» («славянофилов»), т.е. пробы и власти, и общества. Их смысл: не быть людьми «ниоткуда» – перестать самих себя числить «мнимой цивилизацией». Кроме того, это помогало обществу в поисках идентичности (деятельных ориентиров): служить государю/государству – никому не служить – служить народу.

<sup>3</sup> Здесь Платон Каратаев, «Записки охотника», проекты освобождения крестьян (с начала века до 1861 г.), «кающиеся» дворяне, народничество в разных его проявлениях (от «хождений» до передвижничества – всех актов самоутверждения разночинца в русской истории) и проч. не просто связаны, взаимообусловлены – в том смысле, что без одного не было бы другого. Они укладываются в единый путь, в одно движение. Монархия – безусловный участник этого процесса (можно сказать, что в этом движении «Петербург» был един). Ее историческая эволюция, смысл которой: убрать из себя Грозного (покончить с тираническим/тиранией в себе) – зафиксирован в новгородском памятнике к 1000-летию российской государственности. Таким образом «верхи» изживали «ордынскую» склон-



Иначе говоря, освободительные реформы были вызваны не только внешними необходимостями (восстановиться после крымского поражения, догнать Европу в военном, экономическом, технологическом отношении), но и внутренними потребностями – в эмансипации, интенсификации, прогрессе. Несмотря на проблемы, отступления, поражения, этот вектор сохранялся все пореформенное время. Петербургская Россия совершила самый радикальный с петровских времен исторический поворот. На этом пути исправляла свой главный порок: раскол на две культуры/две цивилизации («хозяев» и «службу сервиса») – преодолением дикости, невежества, варварства. Перерабатывая наследие («пересматривая основы»), отрицая себя прежнюю, создавала себе возможности для развития (будущее). Это и был путь в XX в.

Вместе с тем в XIX столетии Россия европейская («Петербург») перешла от потребления к творчеству. В этой среде из поколения в поколение происходила аккумуляция культуры, формировались новые исторические потенциалы. Теперь ее составляли уже не только потребители (заемного), но и творцы. «Золотой век» русской культуры как части европейской<sup>1</sup> окончился, пожалуй, только в 1940-е с физическим уходом и тех и других. А наследие осталось – это постоянный источник европеизации нашей социальности, та основа, которую невозможно ликвидировать (в отличие от людей – ее носителей)<sup>2</sup>.

### **О «новом Петербурге» как культурном явлении**

Нарождавшийся XX век вновь поставил все те темы, на (из) которых вырос Петербург, петербургская социальность. Не просто вернул их в повестку, но восстановил в том же крайнем, предельном виде (ребром), что и в начале XVIII столетия. Век требовал от России развития, европеизации, творчества – всего и в форсированном порядке. Хотя эти требования были обращены ко всем социальным слоям, для «субкультуры-Европы» то был

---

ность к диким расправам и жесточайшей эксплуатации. Что имело общесоциальное значение: так и происходят национальные подъемы.

<sup>1</sup> Все эти «классические» деления и даже противопоставления (XIX – «золотой век», XX – «серебряный», его «эхо») искусственны, неадекватны. Российская культура конца XVIII – первых двух десятилетий XX в. – одна линия, один мир, одно пространство (мировой культуры). С этой точки зрения петербургская цивилизация не просто результативна, но победна – полностью реализовала себя в истории.

<sup>2</sup> Это питательная среда, та почва, из которой произрастают русские европейцы (европеизм в России). Этим были напитаны оттепель, диссидентство, перестройка, постсоветская демократия. Проблема современной России в том, что в ней управляют, в ней доминируют те, кто не знает о существовании *этого* наследия, лишен *этой* связи с родной почвой, этой *гуманизирующей* прививки (в культурном отношении они – такие же лишены, как большинство нашего народонаселения в экономическом, потребительском).

особый вызов. Задачи века в первую очередь вменялись ей; «время, вперед!» – это прежде всего ее ответственность<sup>1</sup>.

Здесь новая эпоха (капитализма, индустриализма, урбанизма) оказалась связана с еще большим усилением, ростом самосознания, идентификационной определенности. Российские «верхи» (а это определение не только «социологическое», но и культурное, и даже прежде всего культурное) уже в значительной степени изменились под влиянием эпохи Освобождения (с 60-х годов XIX в.)<sup>2</sup>. XX век с ходу стал их доделывать, количественно и качественно, менял типы/модальности, образы жизни, способы самовыражения.

Этот слой постепенно оформлялся – как «открытое общество» (в том смысле, в каком впоследствии говорил К. Поппер): европейское, буржуазное, уже имевшее свой средний (городской) класс, жившее современной, напряженной, сложной, динамичной жизнью. Здесь возобладали определенные типы личности – точнее, здесь победила личность, рожденная европейской культурой: индивидуалистической, заикленной на человеке, на частностях/частном во всех областях (а значит, на правах и праве)<sup>3</sup>. Этот тип (эта личность) был родственен всему остальному цивилизованному миру. Он тяготился внешним принуждением, так как самоограничение и дисциплина уже были его сущностью. Был устремлен в будущее – очень далеко ушел (зашел) в таком естественном для модерна порыве.

Европеизированные «верхи» рубежной России (между столетиями, на переходе из века в век) – чрезвычайно разнообразная среда. С развитием капитализма и распространением образования она постоянно пополня-

---

<sup>1</sup> Россия опять пошла в Современность «верхним», европеизированным, темпоральным чувствительным своим слоем. Иначе и быть не могло: нам присущ именно этот тип исторического движения; он (в разных формах) воспроизводится во времени. Однако переход в XX в. уже не мог быть верхушечным, как петровский – он должен был захватить всю эту социальность, где архаичное, традиционалистское (имеется в виду прежде всего деревня) имело самые сильные позиции в Европе. Массы в массовом обществе (в обществе, стремительно отливавшемся в эти новые формы) уже нельзя исключить (вынести за скобки), использовать только как ресурс. И здесь – вопрос: удастся ли их включить в общий поток развития, *удержать* от взрывов традиционалистской реакции.

<sup>2</sup> Те «верхи», с которыми Россия вошла в новый век, являлись плодом эпохи социальной революции (она продолжалась от Великих реформ Александра II до падения Временного правительства), по существу капиталистической, антикрепостнической, антисамодержавной, демократической. Поэтому и оказались несовместимы с миром, рожденным революцией большевистской (попавшим от нее в зависимость, ею завоеванным, созданным).

<sup>3</sup> Это была именно культура меньшинства – не в том смысле, что она численно абсолютно уступала народно-массовой, а в том, что ее *raison d'être* была «единица», а не множество (масса/массовость), многообразие и сложность, а не усредненность. То есть это меньшинство было культурно ориентировано (запрограммировано) на «повышение», усложнение, плюрализацию. В политическом отношении это был демократический тренд.

лась; о мощи дореволюционных социальных лифтов свидетельствуют фантастические – и по нашим сегодняшним меркам (по ним – особенно) – карьеры ее представителей из «простых», из «бывших» (крестьян, «кухаркиных детей» и проч.). То есть это были действительно *новые* «верхи», разные (разночинные) по происхождению *элиты*. XIX век с его ограничениями – различными репрессированиями, причем в основном не меньшинств (это практика будущего, массового общества), но большинства (масс, народа, народов) – уходил в прошлое.

Это уже не лишние люди XIX в., но творцы и потребители XX («новые люди»)¹. Их возможности, влияние все больше определялись не столько происхождением, сколько капиталом и интеллектом². Этот слой не только стремительно массовизировался, но и профессионализировался (профессия – новая основа этого слоя, признак элитарности XX в.); учителя, журналисты, врачи, статистики, адвокаты, музыканты, политики – профессиональная интеллигенция (подобная европейским интеллектуалам – для XX в. противопоставление России и Европы в этом отношении уже неадекватно³). Тон задавали «технари» (инженеры, изобретатели, архитекторы, организаторы массового производства и потребления, массового («небоскрежного») строительства и т.п.) и «деятели науки и культуры», как говаривал советский новояз. Таков был век: техника и культурная ре-

---

<sup>1</sup> При всем тяготении некоторых их представителей (из художественного, артистического мира) к трагическим позам и апокалиптическим предощущениям в них не чувствуется «лишности», «исключенности», тем более обреченности. «Лишний человек» перестал быть здесь господствующим (модальным) типом личности, а уход из социальной жизни – доминирующим социальным поведением. «Новые элиты» активно вторгались в мир, были в социальном творчестве столь же радикальны, сколь и в художественном. Нечто подобное мы видим в СССР в конце 1950 – начале 1960-х годов; «бывшие люди» ленинско-сталинского безвременья вышли из тени, вернулись в историю.

<sup>2</sup> При этом, однако, не следует списывать со счетов российское дворянство (тот «класс», который еще в XIX в. записали в исчезающие, да так и оставили в этой «лиге» – бесполезных, проигравших). В отношениях культурном, политическом и хозяйственном оно вовсе не сошло со сцены. Русское дворянство – это не русская аристократия в том негативном смысле, в каком ее характеризовало русское разночинство (историческую задачу: унижить аристократизм – решали все «третьи сословия»). Но – русская освободительная традиция, русская культура и русский капитализм. Последний не убил дворянство – достаточно сказать, что основную часть товарного хлеба давали до революции помещичьи («культурные») хозяйства.

<sup>3</sup> Стиранию различий между русским интеллигентом и европейским интеллектуалом (хотя: были ли различия? Возможно, они только придуманы – русским интеллигентом и европейским интеллектуалом) способствовал городской стиль жизни, рождавший склонность к буржуазности. Интерес к материальному – важная черта «нового человека», жителя большого города XX в., и его отличие от интеллигента-разночинца «базаровского» типа («новых людей» пореформенной эпохи), отрицавшего материю в пользу материализма.

волюция решали все<sup>1</sup>. Чем массовее, образованнее, богаче, профессиональнее, увереннее в себе они становились, тем сложнее ими было управлять и тем тяжелее им казались пути порядка, имевшего черты самодержавно-крепостнического (навевавшего о нем воспоминания).

Именно общество (образованная, европеизированная, сознательная часть социума/петербургская Россия) стало проводником мировоззрения XX в. Оно соответствовало столетию (слышало музыку той революции, что он в себе нес). На этом созвучии строило собственную идентичность. Это придавало особую остроту тому противостоянию, что зашифровано в формуле «Петербург против Петербурга»<sup>2</sup>. Столетие, взвихрившее страну, привело к полному отчуждению общества от власти («Петербург – *против* Петербурга»)<sup>3</sup>. Все – и «левые», и «правые», и анти-, и просамодержавные – были ею недовольны, пытались ею руководить, ее направлять (именно потому, что стали осознать себя обществом). Новые российские «верхи» особенно интенсивно искали и новых способов самореализации – не самодержавно-крепостнических. Успех в этих поисках означал бы для них последнюю свободу, окончательное совершеннолетие.

---

<sup>1</sup> При всей общности культурных реакций на Современность везде все-таки были свои дороги в XX в. («особые пути»). В Германии, к примеру, торжествовал техницизм. Берлин на рубеже веков превращается в мировую столицу высоких технологий; университетская наука «срачивается» с производством. Как говорят о себе сами немцы, нацию поэтов и философов сменила нация ведущих исследователей природы, открывателей новых миров [см.: Schröder, 2004, S. 126]. Россия тоже находилась в процессе научно-технической революции, была здесь успешна; известно, к примеру, что на Парижской выставке 1900 г. публика восхищалась немецкими пароходами и российскими локомотивами [см.: Wien: Metropole der Kunst, 2010, S. 141]. Но первенство естествоиспытателей и инженеров еще не было так очевидно; властителями дум оставались поэты и философы. Поэтому революция именно в литературе, искусстве (детонации, производимые веком в *этом* пространстве) имела для нее решающее значение.

<sup>2</sup> У XX века была психология революционера. Но и у русского общества была такая же психология. Оно созрело для строительства своего, нового мира (в этом, кстати, его отличие от позднесоветских общественных сил; их субъектности хватило для разрушения старого, но быть субъектом созидания они не могли – этому препятствовал весь опыт их адаптации к советскому порядку; история «съела» их потенциалы; в этом смысле они – жертва XX в.). Это и было содержанием конфликта – общественная претензия: стать тем, чем было в петербургской России самодержавие – единственным социальным творцом (преобразователем, революционером), строителем России как Европы (европейцем).

<sup>3</sup> Ощущение отчужденности (разности и розни) лучше всего выразил О. Мандельштам: «С миром державным я был лишь ребячески связан,/Устриц боялся и на гвардейцев глядел исподлобья,/И ни крупницей души я ему не обязан,/Как я ни мучал себя по чужому подобию». «Дворец» перестал быть для «Петербурга» сцепкой (в эстетическом, символическом, социально-властном смыслах). Потерял оправданность Творца, который, несмотря ни на что (аристократическую фронду, дворцовые перевороты, разного рода оппозиции, восстание разночинного «элемента»), в XVIII–XIX вв. вел страну в истории. Поэтому: теперь в этой роли общество видело себя.

Новый (рубежный/рубежа веков) Петербург имел все черты России XX в. Нередко они были выражены в гипертрофированном (до карикатурности) виде. – Ведь столица. Не случайно он оказался центром русского культурного ренессанса (того, что принято называть Серебряным веком). Это «город символистов, акмеистов и вообще изысканной и утонченной культуры и обостренной чувствительности к предвестиям грядущего» [Шлегель, 2010, с. 143]<sup>1</sup>. Здесь создавались эстетика, стиль, образность, язык русского XX в. – творилось столетие.

### **Бывают странные сближенья...**

Творить – вот оно, главное слово, намерение, экзистенция эпохи. Когда речь идет об истоках/формах недовольства/протеста в предреволюционной России, говорят обычно о бунташности масс («низы не хотят») и политиканстве политиков (слабостях «верхов», умыслах «контрэлит»). Однако общественную атмосферу во многом формировала культура, захваченная одним порывом: созидать новый мир. Это действительно культурный взрыв (сродни вулканическому извержению)<sup>2</sup>, оказавший огромное влияние на тогдашнее европейское (имевшее европеизм своей основой) общество, на все социальные слои, потому что у него была масса «кинструментов» (от «высокого» искусства до массовых «жанров» – рекламы, кинематографа, цирка, уличных зрелищ),

Разворачиваясь, столетие везде творило новую реальность, агрессивно и даже навязчиво демонстрировало: социальный мир – это не нечто изначально заданное; он постоянно определяется и переопределяется, создается и пересоздается. Эпоха требовала творцов – и они явились: как-то враз, словно были вызваны, изобретены. 1900–1910-е годы – исключительно талантливое время (не только в России – во всей Европе) – и по скоплению талантов, и по «воздуху». Поэтому в ней заметно какое-то безумие – не клиническое, конечно; так проявлялась сильнейшая потребность в преодолении рациональных (прежде считавшихся рациональными) барьеров<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> «Не случайно, – продолжает К. Шлегель, – Белого, автора романа “Петербург”, Блока, “поэта целой эпохи”, а позже Ахматову и Мандельштама обвиняли одновременно в буржуазном декадентстве и аристократической холодности», аристократическом эстетизме [Шлегель, 2010, с. 143–144]. Этот город формировал определенный тип личности, в которой благородная стильность соединялась с буржуазностью.

<sup>2</sup> Ю.М. Лотман говорил, что русская культура «осознает себя в категориях взрыва» [Лотман, 2000, с. 148]. Под это определение подпадает вся европейская культура рубежа XIX–XX вв.: она взрывала наличный мир и творила новый. Эта модерна нервность и эта лихорадка перемен передавались обществу – настраивали его на социальное творчество (звали в неведомые дали).

<sup>3</sup> Творцы эпохи намеревались потрясти основы, поэтому метафизикой их искусства был вызов, протест. Это естественно: чтобы не походить на «классику» (признанное, во-

Творцы и творчество начала XX в. – особый феномен в истории; весь тот мир экспериментален, отягощен стремлением к новым идеалам (идеалистичен) и в этом смысле революционен<sup>1</sup>. Непреодолимая тяга – *преступить* – была общеевропейской; характерна для всей европейской науки, искусства, всех областей и направлений. Творцы XX в. противопоставляли себя классической науке, академическому искусству, завязанным на порядке и иерархии, расшатывали общепринятые правила, привычную гармонию. Их новый мир пугал угрозой (пафосом) дезорганизации<sup>2</sup>. И они действительно взрывали «старые» искусство, науку, отправляли XIX век в прошлое<sup>3</sup>. Это и была *революция* – культурная, эстетическая, этическая. Она не могла не иметь *социальных* последствий.

Россия ощущала эту детонацию, находилась в этом поле, ее творцы играли в этой «лиге». Петербург, переживавший сложнейшую эпоху «пе-

---

шедшее в канон), не выглядеть последователем/копией – *чтобы быть*, искусство должно стать вызывающим, менять (отменять) старую образность, прежнее видение мира, опровергать предшественника. Но тогда всего этого было слишком, через край.

<sup>1</sup> По накалу, взрывоопасности с эпохой 1900–1920-х схожи, пожалуй, только 1960-е: новая философия, Битлз, новый язык (в литературе, политике, моде), целая серия революций (потребительская, сексуальная, мировоззренческая), молодежь штурмует «старый мир», везде новые лица (лидеры, «авторитеты»). Снова: время, вперед!, намерение – преступить, потрясти; рационализмы, пессимизмы, «охранительные хитрости» – не в ходу (не в них – сила эпохи). Кстати, на этом фоне хрущевская идея: коммунизм – через 20 лет – выглядит не такой уж и безумной. Спутник, Гагарин, коммунизм – это символы эпохи, советский вклад в Современность, советская революция в общей мировой серии.

<sup>2</sup> О. Вейнингер, автор бестселлера начала века «Пол и характер», доказывал, что нет чистых гендерных полюсов, «М» и «Ж» суть некие абстракции (идеальные типы), любой человек – смешение в разных пропорциях этих начал. З. Фрейд занимался «хаосом души», показал человечеству, что человек – не хозяин самого себя. Это шокирующее, магнетическое знание – революция. Но что может быть страшнее этой революции? И другие перевороты (поиски, открытия) века имели тот же смысл, те же последствия. Чем дальше, тем больше в новом искусстве, науке, культуре чувствовался дух тоталитарности – в том смысле, что оно не терпело несогласия, не хотело знать ограничений.

<sup>3</sup> Вот как, к примеру, оценивается значение «Мира искусства»: «За шесть лет своего существования... *радикальным образом изменит* русскую художественную жизнь. Этот журнал, исходный посыл которого заключался в протесте против дряхлого академизма и передвижнического провинциализма, в стремлении к большему европеизму, вскоре был объявлен “декадентским”. Однако в его деятельности не было ничего упадочнического; напротив, он сумел изменить нравы творческой среды, *поколебать ранее незыблемые постулаты, сформировать новую моду, начать борьбу за независимость художника и художественных институтов*» [Берар, 2016, с. 65]. В литературе намерение «переменить» заявило о себе еще раньше – едва ли не в начале 1890-х. Одним из первых (по времени и по качеству) реформаторов русского стиха был И.Ф. Анненский. Среди «идейных колебателей» выделялся Д.С. Мережковский с его протестом против «плоского материализма старой интеллигенции». И его стихи, эссеистика, историческая проза вызывали эффект скандала и язвительную критику – и их новизна шокировала. И т.п. «Радикально изменить», «сформировать новую моду», «начать борьбу» – все это совсем не «странные», а естественные для времени «сближения». Так рождался новый мир, «новый Петербург».

рехода» (транзита – кризиса старого города и рождения нового), в культурном отношении был уже городом XX в. Поэтому так велика была тяга к культуре, бывшей лабораторией столетия, так сильно ее воздействие. Никогда еще творчество (художественное, интеллектуальное) не имело такой социальной власти. И никогда еще не хотело большей – не было настолько смело, самоуверенно и безответственно. Потребители такого творчества, подобно творцам, перестали быть рациональными (в чем-то утратили рациональность, опасливость) – хотели какого-то прорыва.

Культурный взрыв (взрыв культуры) начала прошлого столетия имел значение революции – и работал на революцию. Здесь создавалась философия перемен, лежащая абсолютно вне рамок существующей системы и уже потому против нее направленная. Вся метафизика революции – отсюда. «Новый Петербург» (петербургская Россия) 1900–1910-х годов был перенасыщен этой энергией, этим электричеством. Время было настолько заряжено на поиск, эксперимент, переворот, что не позволяло избежать этого в политике, экономике, социальной практике.

И здесь новаторы проверяли на прочность старый мир – тем азартнее и ожесточеннее, чем старше он был (выглядел), чем упорнее держался. И здесь главной темой новых сил была не безопасность, а самореализация, развитие; доминировало стремление творить, строить и перестраивать, менять мироустройство. С этим во многом связана какая-то странная приглушенность чувства самосохранения, которую эти силы так очевидно проявили в революции 1917 г. (от Февраля до Октября).

### Список литературы

1. Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге, 1894–1914. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 344 с.
2. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб. : Искусство–СПб., 2000. – 704 с.
3. Малия М. Локомотивы истории: революции и становление современного мира. – М. : РОССПЭН, 2015. – 405 с.
4. Морен Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. – М. : РГГУ, 1995. – 218 с.
5. Пастернак Б. Темы и вариации: Стихотворения. Роман в стихах. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 352 с.
6. Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформенной России // Политическая культура России. – М. : ИНИОН РАН, 1990. – Вып. 4. – С. 78–150.
7. Про А. Двенадцать уроков по истории. – М. : РГГУ, 2000. – 336 с.
8. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М. : Весь Мир, 2003. – 416 с.
9. Шлегель К. Постигая Москву. – М. : РОССПЭН, 2010. – 312 с.
10. Schlogel K. Petersburg: Das Laboratorium der Moderne, 1909–1921. – München : Carl Hanser Verlag, 2002. – 702 S.
11. Schröder J. Im Rausch der Erkenntnis // Geopoche. – Hamburg, 2004. – N 12 : Deutschland um 1900. – S. 125–133.

12. Wien: Metropole der Kunst // Geopoche. – Hamburg, 2010. – N 46 : Die Macht der Habsburger. – S. 144–147.

## IRINA GLEBOVA

### **FROM PETER'S RUSSIA TO ST. PETERSBURG'S RUSSIA : CULTURAL SPLITS AND CULTURAL REVOLUTIONS**

**Abstract.** *This text is about the typology of Russian «transits» (from one historical time to another). The author points out that these transitions are taking place in Russia according to a revolutionary scenario: they are associated with the split of national forces into «old» and «new», their fierce clash (a kind of cultural war). A textbook example is the Peter the Great revolution, the «great leap» from Moscow Russia, «old regime», to modern Petersburg's Russia. We see a typologically similar conflict between the traditional and the modern («traditionalists» and «modernists») at the transition to the 20 th century – and to the new world: industrialism, urbanism, the masses. But if at the beginning of the 18 th century. the government acted as a revolutionary, then two centuries later – a society that wanted to become the main director of Russian modernity. Peter's revolution is symbolically encoded in the formula «Petersburg against Moscow». At the turn of the 19 th and 20 th centuries, one essence («Petersburg») split already – sociality, which was a consequence of that revolution, was created by European cultural grafting. «Petersburg versus Petersburg» – this is one of the main faults along which the lava of the Russian revolution passed. The origins of the revolutionary conflict should be sought in culture. She always had a strong passion for ruptures, splits, a nihilistic fuse; modernity with its radical futurism intensified these tendencies, brought them to the extreme. All metaphysics of the revolution of a society striving towards new social horizons, against the «old power» (autocracy) – from here.*

**Keywords:** *revolution, temporality, modernity, St. Petersburg, autocracy, society, creativity, «new man», freedom.*



**И.И. ГЛЕБОВА**

**РАКУРСЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ :  
ОБРАЗЫ ВЛАСТИ В КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XX в.**

*Аннотация.* Конец XIX – начало XX в. – рубежное время для России. Эпоха «богоборчества» – избавления от прежних «богов» (авторитетов, ограничений, принуждения и контроля) в политике, экономике, науке, культуре. В этом смысле «Долой самодержавие!» – политический эквивалент лозунга поэтов «Бросить Пушкина с корабля Современности». Поэты, как и политики, хотели вырваться из прошлого – для этого убрать его главный стержень: царя, старую власть. Одни намеревались ее переустроить, другие – «перепридумать». Политики искали свой идеал в «географии» (политическом устройстве передовой, демократической Европы), поэты – в культуре. И обрели его в Петре – революционере на троне, демиурге петербургской России. За этим культом, для той культуры, вроде бы органичном, скрываются ожидания, которые политически могут быть расшифрованы как «диктатура развития». Станный выбор для «богоборцев», проповедовавших свободу во всем и для всех. И в то же время объяснимый (едва ли не закономерный): именно петровская модель преобразований была принята культурой в качестве нормативной для России. Революция и новый («октябрьский») мир с его апологией будущего, диктаторством, культом вождей станут ответом на эти выводы и эти ожидания, их проверкой.

**Ключевые слова:** «богоборчество», долой самодержавие, культ Петра I, диктатура, развитие, творцы, жертвы.

Чертежный рейсфедер  
Всадника медного  
От всадника – ветер  
Морей унаследовал.  
Каналы на прибыли,  
Нева прибывает.  
Он северным грифелем  
Наносит трамваи.  
Попробуйте, лягте-ка  
Под тучею серой,

Здесь скачут на практике  
Поверх барьеров...  
Б. Пастернак («Петербург», 1915)

Все, кто блистал в тринадцатом году, –  
Лишь призраки на петербургском льду.  
Г. Иванов

### Время «богоборчества»

В 1908 г. А.Н. Бенуа писал в «Золотом руне»: «Переживаемая нами эпоха вся поглощена богоборчеством» [Бенуа, 1908, с. 100]. Эти слова можно было бы поставить эпиграфом к данной работе. «Богоборчество» – вот сцепка искусства, науки, политики и проч.; вообще – точка сборки для той социальности (точнее, для ее образованных, думающих, политически чувствительных элементов). Намерение убрать (свергать) прежних творцов мы видим тогда везде; в этом культура созвучна политике – они звучали в унисон, говорили об одном.

О чем этот знаменитый призыв (вызов) «пощечины» поэтических авангардистов: «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч., и проч. с Парохода Современности»? – О власти: старом, износившемся со временем и потому постыдном самодержавии. «Самодержавие» здесь – и социальная, и художественная (эстетическая) идея; Бог, ограничивающий Творца (художника, ученого, поэта). Место Пушкина (потом Достоевского, Толстого) в русской культуре («солнце»/«наше все») подобно положению царя во властно-социальном пространстве. Это – боги; чтобы рвануть вперед, в Современность, от них следовало избавиться. «Новые люди» XX в., новая Россия рождались в борьбе со старыми богами (в политике, экономике, науке, культуре) – и в конечном счете с «Богом» как некоей внешней, ограничивающей их идеей. Творчество не имеет ограничений, Творец – вот Бог XX столетия.

Политика, появившаяся в стране в 1905 г., стала (вслед за культурой) полем этой борьбы. Новые политические силы (Россия, которая хотела и могла быть политической), при всем их разнообразии (а потому несовпадениях, конфликтах и противоречиях), были так же одержимы идеей антисамодержавной, демократической революции, как художники своим творчеством<sup>1</sup>. И они, томимые тоской по идеалу/идеальному, страстно ис-

---

<sup>1</sup> Конечно, в обществе были разные тенденции, течения, группы, политические пристрастия. Но все-таки антисамодержавность была его состоянием (идентичностью), его воздухом; революция против самодержавия – образом мыслей, способом самоутверждения. Вокруг этой идеи *формировалась* – в рамках «Петербурга» – «политическая нация». «Новый человек» (XX в.) – против контроля, несвободы, обветшалых властно-политических, государственных форм.

кали последней красоты, последней правды<sup>1</sup>. Идея революции – нерв русской политики; здесь разрыв между «старым» и «новым» мыслился таким же грандиозным, как и в культуре модерна. Для общественников/общества это – произведение, акт творчества (проект, как сейчас принято говорить). Замышляя (умышляя) свою революцию, они руководствовались не только (а, может быть, и не столько) впечатлениями реальной жизни, сколько подчинялись «законам» проектирования<sup>2</sup>.

Отрицание самодержавия (как идеи и практики) одинаково характерно для политики и для культуры той эпохи. Несколько утрируя, можно сказать, что это и есть русский модерн. Он сверг эту власть с той высоты, на которой она исторически стояла – критикой и невниманием, борьбой и непризнанием. В смысле эстетическом, этическом она пала гораздо раньше, чем в политико-правовом. В современной культуре это – власть, которой не было<sup>3</sup>. Она пережила себя, лишилась потенциалов развития; ей не место на «пароходе Современности» – она должна уйти. Нужны новые люди, философия, язык, стилистика – власть нового типа.

И если политика была занята поиском новых технологий властвования<sup>4</sup>, то в мире художественном искали новой образности власти, образ-

---

<sup>1</sup> «Долой самодержавие!» – это не о прошлом, а о будущем (о перспективах); своего рода, формула «перехода». Но ее радикализм: новый мир – следствие взрыва (долой!) – окрашивал будущее в нигилистические тона (накладывал такой отпечаток). Россия антисамодержавная – это прежде всего о том, чего не будет, а не о том, что должно появиться. Этим и была опасна эта перспектива. Однако атмосферы опасности вокруг нее нет; все в тогдашнем художественном и политическом творчестве не предостерегало – вдохновляло.

<sup>2</sup> И как проект (замысел/умысел) она была идеальна: всеобщность свободы и прав, абсолютная демократия, общее социальное творчество. Все испортилось, сломалось, когда на нее наложилась реальность (революционная практика не соответствовала высоте замысла – обернулась против него).

<sup>3</sup> «Этот офицер был – точно отсутствовал. Страшно был – и все-таки страшно не был», – писала З.Н. Гиппиус о Николае II [Гиппиус, 1999, с. 493]. Это многократно повторено другими людьми. То, что власть была персонифицирована (власть в России – не «что», а «кто»), делало общество антиниколаевским (долой самодержавие – значит: долой самодержца; антисамодержавная революция всегда – против конкретного персонификатора). Все, чтобы ни предпринимал последний император, автоматически толковалось против него. Но это не все. *Он не признавался властью* – не «соразмерен» месту (Царь и Помазанник), мелок (не физически – хотя и это принималось во внимание, а в социально-властном смысле), а главное: *не ровня* им, творцам XX столетия (лишен «божественной» искры, гения власти). Поэтому его устранение казалось естественным и даже закономерным: революция просто заполнила пустоту – ни жалости, ни сожаления. Даже факт убийства воспринимался сквозь призму этого долгого непризнания.

<sup>4</sup> Здесь было множество проектов, что говорит о том, насколько разнообразным, разноречивым было тогдашнее общество. Но все же доминировала либерально-демократическая перспектива – парламентаризация, федерализация, гражданские и политические свободы, выборы и выборность и т.п. В какой бы форме она ни реализовалась: парламентская монархия или республика, это ставило бы Россию в общеевропейский ряд

цов, вдохновляющих идеалов. Конечно, о «физике» властной перемены можно было говорить лишь предположительно, интуитивно, почти бессознательно («вообразать»). Но и эти «фантазии» на политические темы (политические прогнозы художников) интересны как симптоматика<sup>1</sup>. Что же касается «метафизики», то здесь культура не ошибается в выборе ориентиров. И то, что на ее идеальном горизонте возник тогда Петр I, – скорее, закономерность. Эпоха богоборчества не могла не вспомнить (обойтись, вызвать) одного из главных «богоборцев» (ниспровергателей, бескомпромиссных борцов с традицией) в русской истории.

### «Петр» как вызов и предчувствие

«Петр» – не просто историческая сноска (комментарий) к «петербургскому конфликту», но его фундамент, метафизическое основание. У этого образа – двойная нагрузка: общественный аргумент против власти действующей, «старой», «одряхлевшей» (тот высокий образец, которому она должна, но не способна соответствовать) – и манифестация общества как новой социальной силы. Иначе говоря, «Петр-XX» – не мир, но война; он не примиряет – разделяет: на «петровцев», новаторов и творцов, и «антипетровцев», предавших дело «родоначальника». Общество-«петровец», как истинный наследник, присваивает «Петра» – символ, память, наследие; заявляет о своем монопольном праве на петербургскую традицию, о намерении «выписать» из «Петербурга» «антипетровское самодержавие». Так, через апелляцию к «Петру» творцы XX в. обосновывали свое право на богоборчество.

Особенно острым это ощущение: мы – «петровцы» – стало в августе 1914 г., когда Петербург вдруг превратился в Петроград. Пожалуй, лучше всего его выразил А.Н. Бенуа, что вполне закономерно – это один из творцов и пропагандистов нового (XX в.) петербургского культа. Он оценил эту перемену по высшей мере – как наше первое серьезное поражение в войне, как попытку не просто «омосквить» имя столицы, но извратить самую идею Петра<sup>2</sup> (подменить сущность). Для него Петербург – «не мираж, не

---

передовых держав. Тем самым решалась главная задача тогдашней российской политики – вырвать Россию из прошлого (в политико-правовом смысле), вписать в Современность.

<sup>1</sup> В дневниках Гиппиус, к примеру, есть такой эпизод: она видит в зеркале портрет Николая – и ей вдруг мерещится Керенский. Угадала? Или приписала позже – как догадку, чтобы подтвердить репутацию пророчицы? Не важно. Главное – желание нового лица, а также то, что это – *общественное* лицо (адвоката, политика, думца, «левого», с артистическим чувством и талантом). Общество хотело *своей* власти; революция, случись она в России, должна была быть ради этого. И случайный выбор лиц оказывался в конечном счете совсем не случаен.

<sup>2</sup> Это было очень важное – и *оппозиционное* настроение (в начале войны!); оно если и не господствовало, то было распространено в творческой среде. Пожалуй, только

призрак» (не «мнимость», как у Достоевского), а «полная» и высокая «действительность»<sup>1</sup>. Потому выбор «Петербург или Петроград» – и впрямь выбор по высшему счету<sup>2</sup>. Бенуа выбирает Петра – «великого строителя вселенской России, революционной России, России мирового гражданства, России щедрого труда и просвещенного подвига»<sup>3</sup>. И клеймит «недостойного, жалкого наследника», умыслившего опровергнуть петровский замысел, посягнувшего на эту великую идею – Петербург. Но это не частный выбор – это выбор исторический: Петр у Бенуа – то новое, что и станет знаменем петербургской революции («Петербург – против Петербурга»); Николай/анти-Петр с его Петроградом – «темное прошлое», которое она уничтожит (свергнет)<sup>4</sup>.

Тучи, как волосы, встали дыбом  
Над дымной, бледной Невой.  
Кто ты? О, кто ты? Кем бы ты ни был,  
Город – вымысел твой ...

А.А. Ахматова сразу приняла эту перемену; почувствовала, что столица с лета 1914-го уже не Петербург – Петроград. Мобилизация, суровое дыхание фронта, госпитали, массы солдат, черно-белые тона и тональность – всему этому «Петербург» не соответствовал. Надо признать, последний монарх дал точное имя городу войн и революций – «нагадал».

<sup>1</sup> Это «город-памятник, город-крепость, город-мастерская, город-университет», «рожденный ударом волшебного жезла» (дерзкий замысел – всему вопреки, в этом смысле – явление почти иррациональное), «навсегда утвержденный» [Бенуа, 1917].

<sup>2</sup> «Это вся история России, все ее будущее, весь ее исторический смысл: «свободная творческая воля» или «рабская покорность», «движение вперед, вширь, в мир» или «замкнутость китайской стеной», «вселенность» или «местность», «столичность» или «провинциализм» [Бенуа, 1917].

<sup>3</sup> Конечно, исторический Петр не был таким; Бенуа (новый Петербург) назначил его на эту роль. Это *эстетическое* (не реалистическое) прочтение истории; выражение того духа, который в конечном счете определил собой «петербургскую эпоху». «Эстетика», будоражившая чувства, подчинявшая умы, победила «реализм» – массовое восприятие Петра в значительной степени определено той культурой. Этого влияния (зависимости от образности, навязанной культурой) не избежали даже историки. Вот характерная оценка петровских намерений – чем был для него Петербург: «Петру требовалось такое место, куда достигал бы свет Просвещения, способный стимулировать рост образованной и деятельной элиты и... стать источником европеизации всей страны» [Берар, 2016, с. 60]. Это – не Петр, но идея Петра, взятая из петербургской культуры. А также (в данном случае) дань вольтеровскому образу (из его знаменитой биографии Петра) – просветителя, настоящего европейского монарха (т.е. предтечи Екатерины II).

<sup>4</sup> Опубликовав этот военный опус только в марте 1917 г. в кадетской «Речи» (газете победителей), Бенуа с уверенностью заявил, что в том «оздоровлении мысли и чувства России», которое принесла революция (что и есть революция), Петербургу будет принадлежать первая роль. Иначе говоря, *между идеей Петербурга (идеей Петра, как он ее видел) и идеей Февраля ставился знак равенства.*

Как план, как ландкарту  
На плотном папирусе,  
Он город над мартом  
Раскинул и выбросил ...

А это о Петре и его творении – Б.Л. Пастернак (цикл «Петербург», октябрь 1915 г.) [Пастернак, 2004, с. 75]<sup>1</sup>. Москвич, из молодых (ему – 25, «мирискусники» для него – не вполне свои, уже прошлое), а интонация та же, что у Бенуа, – тоже «петровец»<sup>2</sup>.

Он тучами был, как делами, завален,  
В ненастья натянутый парус  
Чертежной щетиною ста готовален  
Врезалась царская ярость ...

... И знали: не будет приема. Ни мамок,  
Ни дядек, ни бар, ни холопей,  
Пока у него за чертежный подрамок  
Надеты таежные топи ... [Пастернак, 2004, с. 73].

Вот она, идеальная власть для творцов русского XX в. (они создали себе власть – сотворили, как Петр свой город): захвачена трудом – «умышляет» столицу, другую страну, нового человека. Занята только этим; Петр и вправду венчан на своей России – вся его энергия направлена только сюда.

Он не ждет новых времен – сам ломает время (вторгается в него, разворачивает – как русло реки). Петр у Пастернака – явление революционное (по-человечески и властно); ему «тесны» прошлое, любые ограничительные рамки. Петр – то, что «поверх барьеров»:

---

<sup>1</sup> В книге о Пастернаке Д. Быков называет «Петербург» «мрачным триптихом», где за фигурой Петра – восхищение и страх автора. Но нет – в этой серии зарисовок (стихотворном впечатлении от поездки в столицу) ни тени мрачности (хотя это реакция уже на военный город) или страха. Эти стихи полны энергии, оптимизма, свежести, как и вся та эпоха. Предощущение конца, ей, якобы, по общепринятому мнению, свойственное, – это напряженное ожидание будущего, большой перестройки, особенно заметное у творцов, а с 1914 г. – естественный социальный «ответ» на невыносимо долгую и тяжелую войну, ломка войной.

<sup>2</sup> Здесь Пастернак независим от географии, «демографии», творческих противостояний «стариков» и «авангардистов»; он – петербуржец, как все люди той культуры. И еще – иррационально точен (угадал, как Гиппиус): он видит город на фоне марта; за этим – как бы призрак мартовской (1917) революции.

Как в пулю сажают вторую пулю  
... Или бьют на пари по свечке,  
Так этот раскат берегов и улиц  
Петром разряжен без осечки.

О, как он велик был! Как сеткой конвульсий  
Покрылись железные щеки,  
Когда на Петровы глаза навернулись,  
Слезы их, заливы в осоке!.. [Пастернак, 2004, с. 72–73]<sup>1</sup>.

Для общества начала XX в., рвавшегося в современность, новый (их) Петербург – это Петр, потому что он – поверх барьеров. Он, как никто, близок им, творцам России XX в., тоже одержимых желанием «преступить», порвать все путы, готовых поразить мир, «догнать и перегнать» Европу/Америку (экономически, культурно, политически). Это – точно выстроенная родословная, естественный, понятный выбор. И в то же время – странный, даже пугающий.

Пастернаковская «ода» Петру на удивление созвучна Маяковскому (его «Разговору с товарищем Лениным»). Творец не просто восхищен другим творцом – он чувствует в Петре завораживающую магию власти, покорен ее величием (не масштабом личности – но масштабом власти). Такого властителя можно принять – его деспотизм искупается творчеством<sup>2</sup>. Ему хочется покоряться (быть простым подмастерьем, «винтиком») – от него веет силой, в нем источник социальной энергии.

В общественном культе Петра неожиданно прорывается та нотка: романтизации подчинения (при- и подвластности), которую в тогдашнем обществе трудно предположить. Ведь быть против «самодержавия» («сверхВласти», тирании, всевластия одного – против такого способа властвовать) – его принципиальная позиция<sup>3</sup>. Тем не менее «Петр» – это

---

<sup>1</sup> Таков же Петр на знаменитом полотне В.А. Серова (1907): рвется вперед, сквозь ветер, весь – в движении (в этом – его суть, его дар; и его Россия – движение во времени, прорыв в историю), один – хоть и окружен людьми (они – не в счет; никто ему несоразмерен, не«сомасштабен»); он «выше» всех – сверх человеческой нормы, необычен, не«нормален») и, кажется, тоже на фоне марта.

<sup>2</sup> Вот что писал В. Иванов В. Брюсову 24 октября 1905 г. в связи с появлением манифеста, воспринятого им (и справедливо) как конец самодержавия: «Что до самодержавия, – мы, художники, конечно, знаем, какой вместимости разбился сосуд для гениальной силы. Но ведь наш Петр не только Первый, но и единственный. Уже давно самодержавие – «личина пустоты», маска, из-за которой искаженно и хрипло говорит не личность, а чужая воля. Ведь уже Александр III был только фонографом общенародной реакции восьмидесятих годов, а он был все-таки личностью» [Серебряный век., 2019, с. 27].

<sup>3</sup> Намерение уйти от такого типа властвования, помимо прочего, – в основе «петербургского конфликта». «Петербург против Петербурга» – это о том, как освободиться от

нечто большее, чем художественный образ, запрос на «революцию сверху» (при том что Россия-XX уже знала другие революции), на «диктатуру развития» (крутую модернизацию с крутым модернизатором). Видимо, Власть (именно так, с заглавной) – слишком сильный аргумент для русского сознания (окончательный<sup>1</sup>, побивающий все другие). А уж если тирания, она еще и «созидает» (берет Россию в проработку<sup>2</sup>), то признать ее готов и интеллигентский ум (увидеть в ней лучшее, пропагандировать).

Поразительно, что *именно они*, творцы-XX, богоборцы, – и ждали (звали) Власть-Творца. Поразительно и то, *кого* выбрали в образцы (признавали властью, ставили в пример). Что такое Петр? – Это не европейский, а новоордынский порядок, развернутый на Европу<sup>3</sup>. Его инструментарий – дыба (пытка), крепостное право (*эти* – наиболее эффективные, поэтому они – в основе системы, ее *суть*), его муза – война. Петр – то, что оторвет голову любому оппоненту, всему самостоятельному, от него независимому (т.е. обществу)<sup>4</sup>. При нем не может быть общества – только инструменты в его мастерской, которая – вся Россия. И мастерит он не Европу, а – свой мир (соединение крепостного, военно-полицейского порядка с Немецкой слободой – европейской образностью/внешностью, современными технологиями<sup>5</sup>). В этом смысле общественный выбор (мы – «петровцы») был самоубийственным.

---

самодержавия (в идеалтипическом смысле слова, т.е. от того, что противоположно полиархии). Не только политически (хотя, в первую очередь, все говорили об этом – о парламентаризации, федерализации и т.п.), но прежде всего культурно, ментально – как от идеи, склонности, исторической привычки.

<sup>1</sup> Вроде бумажки, которую требовал у властей профессор Преображенский.

<sup>2</sup> И пусть «работает» с нетерпением, ожесточенностью, безжалостностью к «старому» (а ведь оно, кстати, тоже есть Россия). Его (этого «старого») слишком много, оно слишком сильно – поэтому «не будем жалеть». К этому звали такие разные люди (творцы), как Философов и Дягилев, Горький и Чехов. Оставим «вишневый сад» прошлому – и вперед, в Будущее!

<sup>3</sup> Не случайно Александра Федоровна твердила Николаю II (настойчивее всего – в войну, когда все особенно разошлись в желании самоуправляться): будь Петром Великим, будь Иваном Грозным. При этом хотела ровно противоположного тому, чего ждало от него общество – развернуть в тираническую сторону: чтобы подчинял, диктовал свою волю, заставил замолчать другие голоса. Действовал как «предки» – показал обществу деспотическую самодержавную руку.

<sup>4</sup> В самом последнем, решающем смысле конфликт «Петербург против Москвы» – это: самодержавие со своими подручными – против тех, кто мешал ему быть самодержавием, творить свою волю. Петр уничтожил все силы, которые могли (в потенциале были способны) стать обществом – то новое, что появилось в допетровской России. Просто потому, что они – не-петровские (не Петром созданы); для них важнее другие (свои) идентичности, чем быть «петровцами».

<sup>5</sup> Такого рода «гибридность»: соединение *идеи* развития с практикой репрессии (в разных формах, соответствующих своему времени) вообще характерна для диктаторских режимов. В России – своя традиция, где Петр – скорее, предчувствие. Наш современный



Но тогда – почему? Дело, вероятно, все-таки во времени: оно направляет, диктует ориентиры. «Тираноборчество» (понимание всего ужаса диктатур, диктаторов, диктаторства, постоянная борьба с любыми социальными движениями в эту сторону) – вывод из XX в. Нам теперь (в XXI, в 2020-м) особенно понятно, как сложно бороться с этим чудовищем – самодержавием/самовластием/деспотией. Что здесь недостаточно одного только политического и социально-экономического инструментария – необходим демонтаж культа Петра (а также Грозного – как его «предтечи» и опоры, власти более дикой, лютой, архаической и демонической, средневековой в культурном значении этого слова). Это было необходимо и тогда, чтобы потом не появился культ Сталина (вообще: не появлялся «сталин»). И творчество, как бы ни абсолютизировали его творцы, все же служит гуманизации наличной социальности, преодолению и диктатуры, и хаоса (всего хаотического, иррационального, тех социальных «черных дыр», темных энергий, что внеположны культуре).

Но тогда никто не знал, что будет потом; тогда довели другие необходимости. Для «людей «первого необыкновенного десятилетия»<sup>1</sup> прошлого века важнее всего – развитие, экспансия (в этом – нерв времени). Главными «болезнями» той России считали все, что этому препятствует («темноту», историческую отсталость, «старый порядок»). «Петр» – своего рода инструмент их преодоления, метафора высоких замыслов, больших целей. Они вообще «петровцы» по «рождению» – по принадлежности к петербургской культуре, которая задолго до новых творцов подняла Петра на невиданные высоты – при этом «укротила», «подработала» под себя<sup>2</sup>. Они лишь продолжили дело. Исторический Петр не то, чтобы никого не интересовал; *эти* «птенцы» хорошо знали, как он далек от со-

---

«гибрид» имеет источником большевистско-советский опыт; отчасти поэтому постоянно взывает к «Сталину» (не к реальной фигуре – к образцу, прообразу).

<sup>1</sup> Это – В.В. Набоков в «Других берегах». Причем – без идеализации (тогда «фантастически перемешивались новое со старым, либеральное с патриархальным, фатальная нищета с фаталистическим богатством»).

<sup>2</sup> За два столетия с «Петром» происходили разные метаморфозы; он знал и любовь, и охлаждения. Постпетровская власть и постпетровская культура самоутверждались через «Петра». В елизаветинско-екатерининской и пушкинской традициях Петр – родоначальник (скорее, объединял); там все – и сочинители, и цари – «боги», творцы новой России, а потому – наследники (в равной степени уравнились). В XIX в., поднимаясь и самоопределяясь, они все больше расходились – и отдалялись от «Петра». Охладели и цари («самодержавие/православие/народность», скорее, возвращали к «Москве»), и общество (славянофильский «Петр» – альтернатива, новая идентичность). А вот Великие реформы вновь склонили к «богоборцу»; рожденное в них общество увлеклось Петром, а власть, напротив, как «старый бог», не желала вспоминать о «революциях сверху», бежала «богоборчества».

творенного ими идеала<sup>1</sup>. Однако их времени, как никогда прежде, нужен был не Петр-тиран, а Петр-титан.

Конечно, внутри той культуры были разные течения: и те, что прошли мимо этой темы (как И.А. Бунин, например), и ярые «антипетровцы» (слово Мережковского: «Антихрист: Петр и Алексей», 1904/1905 – в одну силу с теми проклятиями, что слали этому «мореплавателю и плотнику» все жертвы его «славных дел», отверженные – гонителю). Притом и равнодушные, и ниспровергатели тоже определяли эпоху. Однако ее атмосфера все же в целом – петровская. У той эпохи с Петром – один масштаб (сверх всякой нормы), одна «лихорадка» (творить!). Поэтому творцы и взяли Петра в свой («новый») Петербург, «отдали» ему все лучшее, что было в петербургской монархии (реформационно-революционное, просвещенческое), «списав» все худшее (самодержавно-деспотическое) на «наследников по прямой».

«Культура взрыва» не нашла для идеи развития другой образности, метафоры. Не разрешила того противоречия, на которое наталкивался каждый «петровец»: оправдан ли (а значит, допустим ли) Петр (это – тема целей и средств, жертв и палачества). Точнее, разрешила по-пушкински – в свою пользу. Путь в новый (XX в.) мир «мыслился» (воображался) по петровскому сценарию: разрыв, революция. Однако преобразовать Россию должен был «их» Петр: «неутомим и тверд» – Творец-деспот, чей деспотизм («самодержавие», «диктаторство») все же как-то умерен, не разнуждан (вообще второстепенен, хотя и подразумевается как некая неизбежность).

### Творцы – за «диктатуру развития»?

1917-й стал исторической проверкой современных поисков, предвестий, потребностей. Метафизика культуры столкнулась с физикой революции – и «забуксовала». История, с одной стороны, раздувала в ней «боготорческий» пафос, с другой – ставила ее самое (ее цели, оправданности, достижения) под вопрос. Проблему: а возможна ли «диктатура развития» (нуждается ли Россия-XX в пришествии «нового Петра»?) – революция предъявила как центральную, бытийную и бытийственную. Дала разные решения – выбирай.

---

<sup>1</sup> Руководящее и направляющее значение имели для петербургской культуры знаменитые пушкинские «Стансы» (1826): «В надежде славы и добра/Гляжу вперед я без боязни:/Начало славных дней Петра/Мрачили мятежи и казни». – «Но правдой он привлек сердца,/Но нравы укротил наукой...»; «Самодержавною рукой/Он смело сеял просвещение,/Не презирал страны родной;/Он знал ее предназначенье». А дальше – хрестоматийное: «То академик, то герой,/То мореплаватель, то плотник»; «На троне вечный был работник». – Да, в Петре есть тираническое начало, но – этому есть оправдание/искупление: Петербург. И – Пушкин.

Февраль явился двойным искушением для «нового (т.е. февралистского) Петербурга». СвERG «старых богов», снес все запреты, распахнул для страны двери в XX в. Показал, как сладко творчество без ограничений – у творцов закружились головы. И сразу сдал – не смог экспансировать; все его творчество (весь его новый мир) оказалось фикцией. Февральская власть была слишком «петербургской», слишком общественной, чтобы быть властной – совершенно не умела править (не управлять – хотя и это оказалось непросто, а именно править: в петровском смысле – с «кулаком», с «грозой», с уменьем подчинять), диктаторствовать<sup>1</sup>.

Если сравнить Февраль с другими европейскими революциями, можно сказать, что он в общем ряду («локомотивы истории») и в то же время стоит особняком. Не из-за бездарности, которую все ему ставят в упрек<sup>2</sup>, – из-за победившего в нем идеализма. Эта идеалистическая линия оказалась выражена ярче, настойчивее, определеннее, чем где бы то ни было. Русский Февраль *поставил «средства» выше «целей»* – потому проиграл. Петровские неумолимая жестокость в «творчестве», самодержавное тиранство оказались с ним несовместимы. Эта революция – за «Петербург», а потому – против тирании, всевластия<sup>3</sup>. Она выбросила наверх Керенского – а кто может быть дальше от всего этого, чем он? Плод этой культуры, а также нового искусства, Петербурга-XX<sup>4</sup> даже из самосохра-

---

<sup>1</sup> Правда, только-только свалив монархию, Временное правительство сосредоточило в руках всю власть (все «ветви» сплелись в этой институции) [см.: Гайда, 2003, с. 312]. Вышло что-то вроде коллективного царя (и уже без Думы). – Все-таки нельзя совсем убежать от традиции (полностью избавиться от ее давления). Однако дальше дело не пошло – не может диктаторствовать петербургская демократия.

<sup>2</sup> Был амбициозен, шумен, безалаберен, не охранителен, в чем-то даже смешон. Об этом – Мандельштам (правда, уже в 1927-м – вспоминая, намеренно легкомысленно): «Стояло лето Керенского, и заседадо лимонадное правительство» («Египетская марка»). Февраль разочаровал всех – но главное: потенциальных февралистов – на десятилетия вперед. В нынешней России в Феврале-1917 не видят исторического смысла, государственного масштаба – опасаются (как «оранжевой угрозы»), презирают за слабость.

<sup>3</sup> Иначе говоря, Февраль – за Петра (того, которого создала русская постпетровская культура: «веселого великана» А.Н. Бенуа, творца России-Европы) и в то же время против Петра (преображенного мучителя, крепостника, переводившего людей без счета).

<sup>4</sup> Вспоминая о России 1900–1910-х, Б.Л. Пастернак заметил: «Северянин повелевал концертными залами и делал, по цеховой терминологии артистов сцены, полные сборы с аншлагами» [Пастернак, 2004, с. 50]. Это – Керенский. Его язык, тип поведения (эксцентрический, а отчасти даже и истерический) – из нового искусства. Манерность Керенского-1917, как у героев немного кино (наблюдение Ю.С. Пивоварова), нового театра (не МХТ, а мейерхольдовского, революционного), его стилистика – концертная, зрелищная (площадная), политический акционизм сродни художественному. Политические кумиры были подобны культурным (повелителям сцены); сделаны из одного материала; производили эффекты, на которые была падка их публика (Керенский в той же мере, что и Игорь Северянин, – ее отражение, ее зеркало).

нения не станет стрелять, подавлять, властвовать по-петровски; подаст руку народу<sup>1</sup> – отдаст себя в руки народа. Если «Петр» – это гражданская война (или/или), то Керенский – компромисс (и/и). Этот тип (человеческий, политический) совершенно не соответствует ситуации гражданской войны. Не случайно его в ней – нет (как и большинства февралистов – это уже не их время). В этой связанности «Петербургом» – и поражение, но и победа Февраля. В революции, делавшей ставку на человека, не могла восторжествовать власть («Петр»).

Февраль не смог преступить – в последнем, окончательном смысле этого слова: перемолоть все и вся, что мешало строительству февральской России. Его ограничителем стал человек – не в том смысле, что мешал намерениям (а он мешал – он-то и был главной помехой), а в том, что для реализации целей на него следовало смотреть как на абстракцию – не жалеть, «окоротить», использовать, терроризировать. Февралисты не смогли<sup>2</sup>. А тот самый человек, которого они не бросили в топку своей истории, презирал их за слабость. Все вдруг вспомнили о «петровском кулаке» (революция должна защищаться) – качнулись к «диктатуре развития» (и даже просто – к диктатуре: чтобы остановить развал, прекратить бардак, почувствовать властное во власти)<sup>3</sup>.

А вот большевики оказались готовы на все; их ничто (Петербург, культура, прежние связи, дружбы) не останавливало; гуманистические слабости они презирали<sup>4</sup>. В них сразу чувствовалась петровская суть: не

---

<sup>1</sup> Известно, что знаменитая поза Керенского: рука за обшлагом полувоенного френча (по-наполеоновски) – не позерство (или не только оно). В Кронштадте в майские дни 1917-го ему так часто и от души жали руку, что он вынужден был обратиться к врачу, а потом вот так придерживать ее (держать в покое).

<sup>2</sup> И дело здесь не в умении – наверное, сумели бы, если бы захотели. Для этого просто требовались другие люди – с другими ценностями, идентичностями, с другой историей. Оказалось, что петербургская культура, вполне созрев, состоявшись, не выращивала тиранов – ее плодом могла стать только «бархатная революция».

<sup>3</sup> Все (от «бывшего императора» до З.Н. Гиппиус) искали в «верхах» того (Личность), *кто* мог бы играть роль царя – демократического (роль уже была десакрализована – в прежнем смысле), но царя. Уже к маю из «коллективного руководства» выделился один – революционный вождь [об этом культе см.: Колоницкий, 2017]. А в обществе сетовали, что его руки так слабы, ненадежны, что он играет – не царствует. Не тем ли ощущением (угроза распада, всеобщего расстройств) определялся перебор людей в наследники Ельцину? Потому и шли «по прямой» – по «силовикам», «госбезопасности». Да, были и угроза, и расстройство (в 1917-м – бесспорные). Но разве выбор себя оправдал? Последствия ведь по сути (не по форме и масштабу) подобны: тоталитаризация. Такие режимы разлагают, убивают, снижают все потенциалы социума; выход их них всегда чреват хаосом.

<sup>4</sup> В этом мы – их наследники; всех февралистов считаем слабаками, все они высмеяны (Керенский – бежал в женском платье, Милуков – Киса Воробьянинов и т.п.), нам – не пример. «Россией пыталось управлять мультяшное временное правительство, основным властным ресурсом которого были “понты”», – вот она, квинтэссенция этого отношения [Пастухов, 2021].

та, которой его наделила постпетровская культура, а подлинная, тираническая (та, что у Пушкина – в «начале»), антипетербургская<sup>1</sup>. Они были безжалостны; страну опалило дыхание диктатуры.

Пожалуй, определеннее всех на это явление ответила самая яркая модернистка культуры начала XX в. – М.И. Цветаева:

Вся жизнь твоя – в едином крике:  
На дедов – за сынов!  
Нет, Государь Распровеликий,  
Распорядитель снов,  
Не на своих сынов работал, –  
Бесам на торжество!..

Не ладил бы, лба не подьемля,  
Ребятных кораблев –  
Вся Русь твоя святая в землю  
Не шла бы без гробов...

Соль высолил, измылил мыльце –  
Ты, Государь – кустарь!  
Державного однофамильца  
Кровь на тебе, бунтарь!

Но нет! Конец твоим затеям!  
У брата есть – сестра...  
На Интернационал – за терем!  
За Софью – на Петра!<sup>2</sup>

---

<sup>1</sup> В этом смысл парадоксального (в логике, предложенной мною) высказывания Мандельштама о падении Керенского: «Как будто слышу я в октябрьский тусклый день: «Вязать его, щенка Петрова!» («Когда октябрьский нам готовил временщик/Ярмо насилия и злобы ...», ноябрь 1917). Речь здесь – об *их* «Петре»: Петре в том смысле, который *они* ему назначили, приписали (о Петре «славных дней», о Петербурге как памятнике, университете, культуре), *о них*, «петебуржцах», как о социокультурном явлении. Все люди той культуры – «щенки Петровы»; «вязать *его*» – против них *всех*. За ними пришли наследники того, *исторического* Петра – мрачного, с казнями; петербургская Россия закончилась.

<sup>2</sup> «Петру» – из цикла «Лебединый стан» (1920). Поразительный для модерна выбор – за «старый мир». Однако Цветаева здесь точна – не художественно, а исторически: *большевистская революция высветила всю модерность «старого мира»* – и прошла по ней сапогом, раздавила.

Это голос жертвы<sup>1</sup> и в то же время зов к сопротивлению. Петербургский ответ (в культурном – не в географическом смысле): «на Петра!»

Этой бескомпромиссностью (однозначностью выбора) цветаевское слово резко отличается от другого, не менее (а может быть, и более) известного – волошинского. Казалось бы, и здесь все точно – куда уж яснее: в поэме «Россия» (1924).

Великий Петр был первый большевик,  
Замысливший Россию перебросить,  
Склонениям и нравам вопреки,  
За сотни лет к ее грядущим далям.  
Он, как и мы, не знал иных путей,  
Опричь указа, казни и застенка,  
К осуществленью правды на земле.  
Не то мясник, а может быть, ваятель –  
Не в мраморе, а в мясе высекал  
Он топором живую Галатею...

Большевизм – новое (по-новому страшное) самодержавие, новое пришествие «Петра-деспота». Его наследие – вовсе не просвещенный труд: волошинский Петербург – полная противоположность тому образу, что восторжествовал в петербургской культуре, в столице победившего Февраля:

Я нес в себе – багровый, как гнойник,  
Горячечный и триумфальный город,  
Построенный на трупах, на костях  
«Всея Руси» – во мраке финских топей...  
И с озаренным лаврами и гневом  
Безумным ликом медного Петра...<sup>2</sup>

---

<sup>1</sup> Цветаева числит себя жертвой – она и была ею: таков весь ее послеоктябрьский путь – без просветов. Это роднит ее с Ахматовой и Мандельштамом. Они так и остались голосом жертв – и стойко держались этого выбора: против диктатуры, тирании. Зафиксировали свою внеположность всему этому – и человечески, и поэтически. И сполна за этот выбор заплатили.

<sup>2</sup> Город Волошина – это не Петербург. Даже не Петроград времен Первой мировой, Февраля. Это город Гражданской войны (горячечный, багровый), безжалостный к человеку и говорится о нем без жалости. Но вот совсем другие слова о том же городе, том же времени – О.Э. Мандельштама: «Чудовищный корабль на страшной высоте/Несется, крылья расправляет.../Зеленая звезда, – в прекрасной нищете/Твой брат, Петрополь, умирает!» (март 1918). Это – истинный «петровец», в петербургском значении этого слова; он не предаст свой город. О Петербурге – только с любовью: это плач о той жизни, что ушла, не продолжилась в постреволюционном XX в. Петербург у Мандельштама постоянно звучит и по-

На этом, однако, определенность не то чтобы заканчивается, но как-то замазывается. Деспотизм (и новый, XX в., и петровский) теряет свою уникальность – тонет в общей цепи «темных веков», к которым сводится вся русская история<sup>1</sup>. Волошин как бы загоняет ее под большевизм, пишет на полях этой революции (делает простой сноской к ней). В этой безумной круговерти казней и застенков неоткуда взяться Февралю (он попросту запрограммирован на поражение); все («книголюбивый новиковский дух», «горячка и озноб Виссариона», «русские грамоты на благородство, как Пушкин, Тютчев, Герцен. Соловьёв», чаяния свободы) тонет в петровской колее<sup>2</sup>. А сам Петр на этом страшном фоне вдруг неожиданно поднимается<sup>3</sup> – оказывается выше и города, и истории: безумен гневом, но велик; знает, в чем «правда», – к ней и ведет, чрез казни и застенки. Так куда же – за ним? Уверовать в его правду? Она у него хотя бы есть (есть?).

В до- и предреволюционной культуре была слишком сильна эта установка: все искупается творчеством. Она так напряженно ждала нового мира, так верила, что он родится из взрыва, что ей показалось: творцы пришли<sup>4</sup>. В комиссарах в кожанках (кстати, из царских еще времен) многие увидели петровское негибимое намерение: творить. А то, что они с маузером, – значит, все всерьез; это – сила, без которой власть ничто (мяг-

---

том; в 1920-е и 1930-е; возникает не как воспоминание, а как настоящее – параллельное той страшной реальности, в которую тот попал: «В Петербурге мы сойдемся снова./Словно солнце мы похоронили в нем./И блаженное, бессмысленное слово/В первый раз произнесем» (1920); «Вы, с квадратными окошками, невысокие дома, – /Здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая зима» (1924). И, конечно, в «Ленинграде» («Я вернулся в мой город, знакомый до слез») – сразу после «ленинградских... фонарей»: «Петербург, я еще не хочу умирать» (1930) ...

<sup>1</sup> «И нет истории темней, страшней,/Безумней, чем история России». Ее алгоритм однообразен (это не история даже – движение вне времени, вопреки времени): «Народ цивилизуют под плетьюми/И обучают грамоте в застенке.../А в Петербурге крепость и дворец/Меняются жильцами, и кибитка/Кого-то мчит в Березов и в Пелым».

<sup>2</sup> Вот как «конкретизирует» Волошин эту модную сейчас метафору: «Грядущее – извечный сон корней:/Во время революций водоверти/Со дна времен взмывают старый ил/И новизны рыгают стариною./Мы не волны в наследии отцов,/И, вопреки бичам идеологий,/Колеса вязнут в старой колее».

<sup>3</sup> Как портрет Сталина в финальной сцене фильма Н. Михалкова «Утомленные солнцем»: «Закон самодержавия таков:/Чем царь добрей, тем больше льется крови./А всех добрей был Николай Второй,/Зиявший непристойной пустотою/В сосредоточьи гения Петра./Санкт-Петербург был скроен исполином,/Размах столицы был не по плечу/Тому, кто стер блистательное имя» (Выделено мною. – И. Г.).

<sup>4</sup> Об этом – А. Блок в статье «Интеллигенция и революция» (1918): «Что же задумано? Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым, чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью ... Смертельная усталость сменяется животной бодростью...». О революции как акте преображения (теургии) – его «Двенадцать».

котельный феврализм). И, наконец, за ними – народ<sup>1</sup>. Поэтому и примерялась к ним та мерка, с которой Пушкин подошел к Петру («начало славных дней»). В послеоктябрьском 17-м из круга Мережковского (Мережковского!) вышла заметка о Ленине, которая называлась «Ублюдок и титан». Об этом титаническом (не омраченном казнями и застенками) в вожде Октября, пожалуй, лучше всего сказал Пастернак:

Он был как выпад на рапире,  
Гонясь за высказанным вслед,  
Он гнул свое, пиджак топыря  
И пяля передки штиблет<sup>2</sup>.

Ленин – вот голая суть революции<sup>3</sup>. Он подобен Петру – через него передается движение истории (он знает «предназначенье» страны, понимает, в чем «правда»).

Когда он обращался к фактам,  
То знал, что полоща им рот  
Его голосовым экстрактом,  
Сквозь них история орет,  
И вот хоть и без панибратства,  
Но и вольней, чем перед кем,  
Всегда готовый к ней придраться,  
Лишь с ней он был накоротке.  
Столетий завистью завистлив,  
Ревнив их ревностью одной,  
Он управлял теченьем мыслей  
И только потому – страной.

Этот «Ленин» – больше «Петра»: он замыслил невиданный мир для миллионов – что может быть выше, дерзостнее такого замысла?! Что может быть сильнее той власти, которая увлекла за собой «тьмы и тьмы, и тьмы», заставила бредить своим новым миром?! После пастернаковского

---

<sup>1</sup> Главное для коммунистической власти слово в булгаковских «Днях Турбиных» (нужное ей слово) говорит Алексей Турбин: народ не с нами – он против нас. – Приговор «цветаевскому» сопротивлению. – На этой легитимационной почве стоят и нынешние, посткоммунистические властители; их ответ всем оппонентам – народ не с вами (и потому вы – враги народа; в борьбе с вами мы – только исполнители его воли).

<sup>2</sup> Из поэмы «Высокая болезнь» (1923/1928). За этот образ коммунистический Октябрь должен быть вечно признателен поэту. Не в этом ли причина (одна из причин) сталинской «слабости» к Пастернаку?

<sup>3</sup> «... Корпуса его изгиб/Дышал полетом голой сути...».



Ленина «Петр» – уже только исторический эскиз, воспоминание, заготовка. После Ленина можно говорить только о Ленине. – Творцы отдают должное творцу, хотя бы причастны творчеству<sup>1</sup>.

Многие мастера<sup>2</sup>, оставшиеся в Советской России, пережили (восхищенное) увлечение Ильичом, Троцким и другими вождями революции, потом Сталиным (этим – с затаенным, почти животным страхом). Попали под гипноз «большой переделки», «великого обновления»<sup>3</sup>. Но вот – на подъеме советских (сталинских) «славных дней» одному из них вдруг вспоминаются пушкинские «Стансы»:

Столетье с лишним – не вчера,  
А сила прежняя в соблазне  
В надежде славы и добра  
глядеть на вещи без боязни.

Хотеть, в отличие от хлыща  
В его существованьи кратком,  
Труда со всеми сообща  
И заодно с правопорядком.

И тот же тотчас же тупик,  
При встрече с умственной ленью,  
И те же выписки из книг,  
И тех же эр сопоставленья [Пастернак, 2004, с. 193]<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> По-пастернаковски: «...я – часть великого/перемещенья сроков» («Лейтенант Шмидт», 1926).

<sup>2</sup> В булгаковском смысле.

<sup>3</sup> Вот Мандельштам – о прощании с Лениным: «революция... вот самая великая твоя очередь», это – «лицо самой России», «и мертвый – он самый живой» («Прибой у гроба», 1924). – Всего через шесть с небольшим лет после его «октябрьского временщика», после гимна Керенскому («Среди гражданских бурь и яростных личин, / Тончайшим гневом пламенея, / Ты шел бестрепетно, свободный гражданин...»). А попав в Москву времен «большого скачка», Мандельштам был восхищен тем, как меняется город – явлением нового города (правда, потом, перенасытившись этой новизной, скажет: я переогромлен). Грандиозный строительный эксперимент действительно захватывал. Гипнотизировало все – и процесс «коренной ломки» (и то, что рубили исторический русский «лес», и то, сколько «щепок» летело в топку советского паровоза), и страшная сила власти. Вот только наблюдать все это лучше всего было извне – из соображений безопасности. А они-то были внутри.

<sup>4</sup> Б. Пастернак – 1931 (Выделено мною. – И.Г.). Говорить о «Стансах» был повод – им 100 лет.

Здесь речь совсем не о титанах и их революциях – наконец, *о себе*: что делать в ситуации, когда выбора уже не осталось, когда на дворе «эра» казней.

*Но лишь сейчас сказать пора,  
Величьем дня сравнение разня:  
Начало славных дел Петра  
Мрачили мятежи и казни.*

*Итак, вперед, не трепещи  
И утешаясь параллелью,  
Пока ты жив, и не моща,  
И о тебе не пожалели [Пастернак, 2004, с. 193].*

Путь один – попытаться как-то выжить; «параллели» не утешают (это самоугваривание); когда диктатура распространяется, как эпидемия, в ходу только элементарные способы самозащиты (карантин, изоляция). Творец загнан, он ищет спасения<sup>1</sup> – это худший результат революции, которая должна была спасти мир.

А вот «Петр» в ней остался победно – как историческое платье диктатуры (маска для диктатора) и образец. Попал в сталинский «соцзаказ»: роман А. Толстого (не окончен, первые две книги вышли в 1934 г., переиздавался в СССР почти 100 раз), фильм В. Петрова с Н. Симоновым в главной роли (1937–1938)<sup>2</sup>. «Петр» 1930-х вписан в «сталинское дело»: петербургская образность, присвоенная и адаптированная для восприятия миллионов, шла «в пакете» с «врагами»<sup>3</sup>. Петровский культ продолжился в советской культуре и после Сталина – стал ее важной частью. Утратив контекст (связь с диктатурой), он перестал пугать – весь ушел в «славные

---

<sup>1</sup> Все слова Мандельштама, сказанные им в 1930-е, – об этом. Видя катастрофу, он – гибнет (конечно, пытается спастись – он же человек, но все, что он пишет, только об одном – о пути в гибель). Не случайно Пастернак, которому тот прочтет свое «Мы живем, под собою не чуя страны», скажет, что это не поэзия, а акт самоубийства. Пастернак сторонится Мандельштама, как инфицированного, – не хочет его судьбы. Он выживет – чтобы потом дать тот ответ на все эти «славные дни», который станет определяющим для посттоталитарной культуры: альтернативой диким анархическим взрывам и диктаторству (революции как хаосу и диктатуре) может быть только мирная, толерантная, эволюционная повседневная жизнь (доктор Живаго – это и есть нацеленность на общий труд, заодно с правопорядком; это и есть творец, затравленный «новой эрой»).

<sup>2</sup> Сталинскую премию, кроме этих двоих, получили еще М. Жаров – за Меньшикова, образ идеального подручного: эффективен – как царский инструмент, но порочен (казнокрадствует); прощается царем за преданность – ему и его делам.

<sup>3</sup> Фильм «Петр I» пошел историческим фоном к большому террору (художественным сопровождением, как и многое другое, – вклад деятелей культуры): чтобы массы понимали, как глубоко в историю уходят корни всяческих «измен», как тяжок труд вождей – осуществлять «правду на земле».

дни» (на них сосредоточен)<sup>1</sup>. «Враги» откатились на периферию (как бы про запас) – но вот теперь на них снова есть спрос.

Революция показала, что «диктатура развития» (демократическая диктатура) – только художественный образ, политическая идея (утопия); в социальной жизни она не реализуема. Диктатура несовместима с теми силами, которые могут быть источниками развития. Даже нуждаясь в них (чтобы строить свой мир), она их уничтожает – как иное, ей внеположное, от нее независимое<sup>2</sup>. При этом последовательно возвращает, усиливает в социальном организме, в культуре диктаторские начала. Это ее наследие живет десятилетиями – всегда готово восстать.

### Революция победила?

Петербург/Петроград начала XX в. – это молодой, активный город. Здесь шли самые интенсивные поиски нового: рождался новый сложный мир – и адекватный ему человек (модальные типы личности). Потому он и стал местом, где «новый мир» прежде всего восстал против «старого мира», – «колыбелью» революций (этим объясняется выбор революции). И, казалось, новый мир победил.

Вынырнув из Гражданской войны, страна пошла на эксперимент. Маяковский (певец «пролетарской» революции, ее добровольный черно-рабочий) скажет: «Другим странам по сто, / История – пастью гроба. / А моя страна – подросток. – / Твори, выдумывай, пробуй!» Все бурлило, искрило. Триумф нового искусства, творческие пробы масс (о них – тот же Маяковский: «массовым действием заменим мхаты!»). Старые, обветшалые формы сброшены (без жалости и сожаления – ура, революция!), Будущее, о котором мечталось пионерам XX в., – уже здесь, рядом, определяет собой настоящее.

---

<sup>1</sup> Советские образы и есть наши представления о Петре, петровском времени – и об идеальном русском властителе. А потому «европейское» в них – всегда под вопросом (полезно, но чуждо и даже враждебно). Главное – величие целей и то, как делаются «славные дни».

<sup>2</sup> «Эх, Петруха, не дорубил!»: в этой сталинской реакции (резюме диктатора петровской «революции сверху») – резон всех диктатур. Они всегда – в процессе рубки (должны расширяться – в этом их суть); их всегда преследует это ощущение – не дорубили. И оно – верное: естественная жизнь (которая предполагает в человеке и обществе множество других идентичностей, кроме той, что требует от нее диктатура: быть с ней, в ней – покориться, исполнять, не размышлять), пробивается даже сквозь «эры» казней, исторически мгновенно восстанавливается после них. Но, срубая все, что было накоплено до нее (т.е. культуру в самом широком значении этого слова), диктатура низводит жизнь до «биологического» роста, тем самым отбрасывает социум назад, тормозит развитие. А потому никакие «стройки» не могут служить для нее искупительным призом.

Новый мир был построен, но это не был тот мир, приход которого возвещал Петербург 1900–1910-х. Через него перешагнули, его отбросили – в расходную ведомость советской истории пошли и «культура взрыва», и ее творцы. Советский XX в. обернулся против них; у него – свои целеполагания. Там все культурно-гуманитарное, научное, технологическое не самоценно, не самостоятельно, не самодеятельно; он вообще – против «самости» (против «Я» – как того, что нельзя контролировать). Его культурная революция подчинена политической прагматике (удержания власти, «затачивания» страны под властителей); «новая культура» – только инструмент (из «темной породы» высекает «нового человека», у которого только одна идентичность – советская), творчество утилитарно («утилит», как в современных средствах связи)<sup>1</sup>.

Революция творцов закончилась<sup>2</sup>. Стала наследием (ушла в архив, библиотеку, музей – большей частью, в запасники), перестала быть жизнью. И их Петербург исчез – как манифестация творчества, вызова, разно-

---

<sup>1</sup> «Начинается культурная революция... Литература объявляется делом слишком важным, чтобы его можно было поручать писателям... Писатели ищут пути ликвидации литературы. РАПП объявляет, что искусство – это «могучее оружие в классовой борьбе». Маяковский требует, чтобы писателю дали «социальный заказ». Лефовец С. Третьяков заявляет: «Мы не можем ждать вечно, пока профессиональный писатель будет метаться в кровати, чтобы родить что-нибудь известное и полезное ему одному». Литературовед-марксист В. Переверзев [постулирует]: «Мы вовсе не обращаемся с заказом ни к лефовцам, ни к рапповцам, мы просто, как власть имущие, приказываем петь, кто умеет петь нужные нам песни, и молчать тем, кто не умеет их петь» [Геллер, Некрич, 2000, с. 261–262]. Тогда, как сказал Пастернак, «не стало поэзии», «прекратилась литература» [Пастернак, 2004, с. 52]. Вот он, алгоритм советского творчества: творцы не нужны – более того, они опасны; мало ли чего натворят. Творцы не нужны даже «под руководством» – слишком много хлопот; для «соцзаказа» и «приказа» требуется что-то попроще. В советском творчестве – те, кто служит, а не те, кто творит.

<sup>2</sup> Некой символической датой в этом смысле можно считать смерть Маяковского (14 апреля 1930 г.). По существу, это двойное самоубийство: он покончил с собой сначала творчески (Творец перестал быть Творцом), потом физически. И в то же время – убийство: большевистская революция прикончила его и творчески, и социально. Не случайно певец Октября в свои последние времена опасался, что его посадят. Символично: за несколько дней до его гибели (7 апреля 1930) был создан ГУЛАГ (Главное управление трудовых лагерей). Скоро Сталин действительно посадит, уничтожит всю эту революцию (персонально, по спискам, и символически – сотрет из массовой памяти, создаст свой Октябрь). Поэтому «случай Маяковского» – это еще и побег: в то единственное место, где система достать его не могла. За это она его «утилизировала» – превратила в памятник, монумент. «Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине, – пишет Пастернак. – Это было его второй смертью. В ней он неповинен» [Пастернак, 2004, с. 53].

голосия, сложности<sup>1</sup>. Петербургские голоса в городе еще звучали, но – в унисон, как трагедия (похоронный звон)<sup>2</sup>.

О судьбе этого города в советском XX в. скажет тот, кого хочется назвать ленинградским петербуржцем: «Жил-был когда-то мальчик. Он жил в самой несправедливой стране на свете. Ею правили существа, которых по всем человеческим меркам следовало признать выродками. Чего, однако, не произошло. И был город. Самый красивый город на свете. С огромной серой рекой, повисшей над своим глубоким дном, как огромное серое небо – над ней самой. Вдоль реки стояли великолепные дворцы с такими изысканно-прекрасными фасадами, что если мальчик стоял на правом берегу, левый выглядел как отпечаток гигантского моллюска, именуемого цивилизацией. Которая перестала существовать» [Бродский, 2002, с. 97]<sup>3</sup>. Петербург/Петроград – город, которого нет: памятник, воспоминание, образ...

Здесь можно было бы поставить точку (остановиться на этом многоточии). И тосковать. Может ли быть более сильный повод для тоски, чем утрата этого?

Но нет. История сложилась так, что мы попросту не можем этим ограничиться. Тот XX, что так внезапно оборвался, не продолжился, состоялся. Его творцы не потерпели поражения – мир пошел по их пути: безоглядности, безрассудной свободы и смелости в творчестве, таких побед и свершений, что сейчас невозможно понять, как это могло быть? А мальчик, который увидел в своем городе их «цивилизацию», стал преодолением того, что пришло все это усмирить, опростить, зачистить. И не только он.

---

<sup>1</sup> Вот слова простого русского человека, услышанные летом 1917 г. (когда этот человек заговорил публично и во весь голос) И.А. Буниным: «Да *его*, Петроград-то, и так давно надо отдать (немцам. – *И.Г.*). Там только одно *разнообразие...*» [Бунин, 2006, с. 129]. Немцев не понадобилось – справились сами. Сначала уничтожили разнообразие, а это и есть синоним города, способ его существования. Потом вообще ушла жизнь. Петроград первым из больших российских городов вошел в Гражданскую, стал ее первой жертвой. «Петербург: Руины революции» – так называлась книга городского художника П. Шиллинговского (вышла в 1923 г. под отцензурированным названием: «Руины и Возрождение»). Точнее было бы: Петербург – руина революции.

<sup>2</sup> «...Мы с тобою поедим на “А” и на “Б”/Посмотреть, кто скорее умрет...», «...И ненужным привеском болтался/Возле тюрем своих Ленинград...» Итог подвел Г. Иванов (издалека): «Все, кто блистал в тринадцатом году, –/Лишь призраки на петербургском льду».

<sup>3</sup> Замечу: Бродский имел право на те слова о стране и ее правителях, которые своей последней резкостью (звучат как приговор) бьют по зрению и слуху. Как гений, он говорил за тех, кто был ему ровень и кого уничтожили, безжалостно стерли (за Манделштама, Цветаеву, Гумилева...). В то же время это – голос потенциальной жертвы: в расход прежде других отправлялись люди именно этого типа (склада, умонастроения, культуры).

Со смертью Сталина (его конец – это пример того, как социальное божество почти мгновенно превращается в идола) созданная им система лишилась какой-то высшей санкции. Он был оправданием зла, которое в ней возобладало, того зла, которое она творила. Теперь оправдания не было – зло стало очевидным. Диктатура закончилась – началась эпоха социальной нормализации (преодоления зла). А творец (художник, интеллектуал, революционер в культуре, науке) возродился. Но не через богоборчество – напротив: через возвращение к идее «Бога» в себе и через попытку напомнить об этой идее обществу, в котором он жил. В советском творчестве 1950–1980-х ценнее всего это намерение: *гуманизировать* – поправить то, что натворил XX век, исправить социальные последствия тотальной дегуманизации.

Этот опыт – самый большой вызов для российского человека нового порубежья (конца XX в. – третьего десятилетия XXI), который застрял между началом и концом, старым (советским) миром и новым (каким?), Современностью и отрицанием Современности, который не хочет сдвинуться, вырваться, хотя бы попытаться переменить себя и мир вокруг.

### Список литературы

1. Бедуа А. Ответ Философам // Золотое руно. – СПб., 1908. – № 3/4. – С. 99–103.
2. Бедуа А. Петербург или Петроград // Речь. – Пг., 1917. – 25 марта. – № 73.
3. Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге, 1894–1914. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 344 с.
4. Блок А.А. Интеллигенция и революция // Блок А.А. Собрание сочинений : в 8 т. – М. ; Л. : Художественная литература, 1962. – Т. 6. – 556 с.
5. Бродский И. Меньше единицы // Бродский И. Поклониться тени : эссе. – СПб. : Азбука-классика, 2002. – С. 69–98.
6. Бунин И.А. Окаянные дни. – М. : ЭКСМО, 2006. – 635 с.
7. Быков Д. Борис Пастернак. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 892 с.
8. Гайда Ф. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). – М. : РОССПЭН, 2003. – 432 с.
9. Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. – М. : МПК, 2000. – 856 с.
10. Гиппиус З.Н. Дневники. – М. : Интелвак, 1999. – Т. 1 : Синяя книга (1914–1917). – 732 с.
11. Колоницкий Б.И. Товарищ Керенский: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 г.). – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 511 с.
12. Набоков В.В. Другие берега. – М. : Азбука, 2017. – 378 с.
13. Пастернак Б. Темы и вариации : стихотворения, роман в стихах. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 352 с.
14. Пастухов В. «Столыпинский галстук» вместо «зубатовщины». – URL: [https://echo.msk.ru/blog/pastuhov\\_v/2775156-echo/](https://echo.msk.ru/blog/pastuhov_v/2775156-echo/) (дата обращения: 11.02.2021).
15. Серебряный век : письма и стихи. – М. : АСТ, 2019. – 304 с.

**IRINA GLEBOVA**

**PERSPECTIVES OF THE RUSSIAN REVOLUTION :  
IMAGES OF POWER IN THE CULTURE OF THE BEGINNING  
OF THE XX CENTURY**

***Abstract.** The end of the XIX – beginning of the XX century – a milestone time for Russia. The era of «god-fighting» – getting rid of the former «gods» (authorities, restrictions, coercion and control). In politics, economics, science, and culture. In this sense, «Down with the autocracy!» is the political equivalent of the poets' slogan «Throw Pushkin off the ship of Modernity». Poets, like politicians, wanted to break out of the past – to do this, remove its main core: the tsar, the old government. Some intended to retrain it, others – to «rethink» it. Politicians sought their ideal in «geography» (the political structure of advanced, democratic Europe), poets – in culture. And they found it in Peter the revolutionary on the throne, the demiurge of St. Petersburg Russia. Behind this cult, which seems to be organic for that culture, there are expectations that can be politically deciphered as «the dictatorship of development». A strange choice for the «God-fighters» who preached freedom in everything and for everyone. And at the same time, it is understandable (almost natural): it was Peter's model of transformation that was adopted by culture as a normative one for Russia. The revolution and the new («October») world, with its apologies for the future, its dictatorship, and its cult of leaders, will be the answer to these conclusions and these expectations, and will test them.*

***Keywords:** «God-fighting», down with autocracy, cult of Peter I, dictatorship, development, creators, victims.*

**Ю.С. ПИВОВАРОВ**

**О ТРЕХ РОССИЯХ XX ВЕКА :  
К СТОЛЕТИЮ БОЛЬШОГО РУССКОГО ИСХОДА**

*Аннотация.* В статье рассматривается вопрос о роли и месте в российской истории послереволюционной Эмиграции. Если Гражданская война была вооруженным противостоянием Февраля (в широком смысле) и Октября, то Эмиграция – идейным и моральным противопоставлением Октябрю и тому, что из него произрастало. Эмиграция – это другая историческая возможность России. Это строительство новой, демократической страны, которое было прервано на родине. История России XX в. есть история трех России – Эмиграции, Совдепии, ГУЛАГа. Постсовдеповская Россия стоит перед выбором: ориентироваться на Эмиграцию или ГУЛАГ. Важнейшая задача современного русского сознания – освоить достижения Эмиграции, результаты и «продукты» ее культурно-интеллектуальной деятельности.

**Ключевые слова:** Эмиграция, Совдепия, ГУЛАГ, Февраль, Октябрь, новая демократическая Россия, «лаборатория современности».

Не станем... пенять на изгнание. Повторим...  
слова того древнего воина, о котором пишет Плутарх:  
«Ночью в пустынных полях, далече от Рима,  
я раскинул шатер, и мой шатер был мне Римом».  
В. Набоков

«Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри – тот потеряет ее лишь вместе с жизнью», – писала Марина Цветаева, оказавшись в эмиграции. Она вернулась – и потеряла жизнь, как и все ее близкие.

В 1967 г. в предисловии к американскому изданию «Король. Дама. Валет» В. Набоков с самоиронией и горечью говорил: «Мне было двадцать восемь лет (т.е. шел 1927 год. – Ю.П.). К этому времени я прожил в Берлине... лет шесть. В числе многих других интеллигентных людей я был совершенно уверен, что не пройдет и десяти лет, как все мы вернемся



в гостеприимную, раскаявшуюся, тонущую в черемухе Россию». И он вернулся – через пятьдесят лет, своими текстами, став воспитателем новых советских поколений. Но родину больше никогда не увидел. В СССР Набокова не печатали, но читали; Тамиздат и Самиздат работали исправно.

К середине 80-х годов (начало перестройки) основные идеи Эмиграции были известны в кругах интеллектуалов Москвы и Ленинграда. Бердяев, о. С. Булгаков, Бунин, Набоков и другие во многом определяли умственную и эстетическую атмосферу, царившую в верхушке столичной интеллигенции.

С конца 80-х началось массовое освоение творческого наследия Эмиграции. Казалось, то, к чему стремились деятели русского Зарубежья, свершилось. Десятилетиями нарабатывавшееся ими явилось во многом основой современного российского миропонимания. Но загвоздка состоит в том, что Эмиграция повлияла на идейное измерение русской жизни, а политический, государственный уклад, т.е. практическое измерение, этим влиянием затронуты не были. Говоря старым марксистским языком, надстройка в какой-то мере обэмигрантилась, базис же – нет.

Именно поэтому (хотя и не только *поэтому*) перед нами стоит неотложная задача по прояснению роли и места Эмиграции в отечественной истории и культуре.

\*\*\*

Вот некоторые темы, предлагаемые мной для обсуждения.

I. Историю России нередко рассматривают через «призму» СССР. Раз такой страшный режим был возможен, то его корни надо искать в прошлом. Однако хочу обратить внимание: из революции вышел не только СССР, но и Эмиграция. Она тоже результат и продукт этого события. В таком случае необходимо обнаружить в истории основания и для нее. Кстати, в первую очередь, в этом нуждаются те политики и идеологи, которые озабочены поиском исторического фундамента (или исторических предпосылок) современного российского либерализма. Скажут: Эмиграция – осколок традиционной России, которому удалось не быть уничтоженным большевиками. Хорошо. Согласны. Вот из этого осколка и будем выращивать либеральную демократию.

II. Итак, констатируем. В результате революции и Гражданской войны родились две России – Совдепия и Эмиграция. В предреволюционные годы отечественную историю до XVI в. изучали как историю двух Росий – московско-ордынской и литовской (прямой наследницы Киев-

ской Руси). Сегодня русская история XX столетия – это история СССР и эмиграции.

III. Эмиграция состояла из людей разных воззрений, в ее рамках постоянно шла идейная полемика, из-за ментальных противоречий, несогласий эмигранты переставали здороваться друг с другом. Но для наших целей продуктивнее говорить об Эмиграции в целом – как о целостном явлении. И как о «факте» русской истории, русской культуры.

Если Гражданская война была вооруженным противостоянием Февраля (в широком смысле) и Октября, то Эмиграция – идейным и моральным противостоянием Октябрю и тому, что из него произрастало. В нашем сознании она навсегда останется как опыт сопротивления.

В известном смысле Эмиграция есть феномен, сравнимый с «золотым веком» и «серебряным веком» отечественной истории и культуры. Во всяком случае – из этого ряда. Мы говорим о России «великих реформ», России пореформенной. Россия же постреволюционная – это Эмиграция. Таковы ее хронологические и смысловые контексты.

IV. Эмиграция (с большой буквы) – это не просто эмиграция. Это – другая Россия. Это – другая русская возможность. Это – прошлое и будущее вместе. Это – конденсация и преумножение духовных, интеллектуальных эстетических, научных богатств русской культуры. Это – свидетельство того, что со временем мы имеем шанс стать равноправными участниками европейского процесса.

Эмиграция «унаследовала» мощный подъем, переживавшийся страной в конце XIX – начале XX в. Волна, на которой будущие эмигранты оказались за пределами родины, шла вверх, а не вниз. То есть это была энергия повышательного, а не понижающего движения.

В XIX в. русские спорили: Россия – Европа или нет? И вот: Россия – в Европе. Это тоже – вызов. Двудеиная задача: адаптация и сохранение (развитие) самости. Пройти европейскую школу жизни, ума, науки – и остаться русскими. Дать «прирост» русскому. Учиться не только на европейских достижениях, но и ошибках.

Интенсивность культурной жизнедеятельности Эмиграции необычайно высока. Европу (Германия, Франция, Сербия, Болгария, Чехословакия и т.д.) покрыла сеть русских учреждений: газеты, журналы, издательства, научные институты, театры, школы и т.д. В 20-е годы в Берлине было около сорока русских издательств, каждое из которых выпустило более тысячи названий. Выходили три ежедневные газеты. Тогда же в Париже было примерно триста русских организаций. Издавалось семь газет (различных направлений – от правых до леволиберальных и социалистических).

V. Эмиграция сама по себе есть испытание. Одно дело – уезжать (даже надолго) и знать, что можешь вернуться, другое – никогда. Ностальгия – болезненное, а иногда – разрушающее состояние. Эмиграция – это спасти души и тела, но и нанести раны душам и телам. Это, безусловно, – трагедия. Видимо, Россия должна была пройти через нее, чтобы «очиститься».

В Эмиграции договаривали то, что не договорили дома. Решали то, что не решили дома. Это было строительство новой России, которое прервали на родине. Эмиграция внесла в это строительство свой опыт – революционных лет и жизни за рубежом.

При этом Эмиграция – не только открытие нового и продолжение уже бывшего, но и подведение итогов (к примеру, система философии С. Франка).

То, что произошло в России в 1917–1920 гг. (революция и Гражданская война) и большевистский тоталитаризм, который вырос из этого, стало предметом пристального изучения Эмиграции – до известной степени, смыслом ее существования.

VI. Новая Россия строилась несколько столетий. И расцвела в Эмиграции. Не в институтах и процедурах, а в людях. Она показала, *каким* может быть русский человек. То, что не удалось (не успели) реализовать в социальном измерении, свершилось в личностном. И этот *новый* мир, *новый* человек явились не только продолжением, но и шагом вперед даже в сравнении с пушкинско-блоковской традицией. Главное же здесь, что *эти* русские осуществились и как все набирающее силу пушкинско-блоковское начало, и как «граждане мира». И уже не в пророческо-экзальтированном видении Достоевского (Пушкинская речь 1880 г.), а в натуральном, практическом.

VII. Это глубоко и ностальгически почувствовал Василий Аксёнов в романе «Остров Крым». Реальная история оказалась иной, чем в вымысле писателя. *Они* не зацепились за «Крым» – они построили его в себе, разнесли по свету. Г. Федотов (один из блестящих представителей Эмиграции) говорил о беспочвенности русской интеллигенции. Так вот, в изгнании она обрела самую прочную основу – русскую культуру как часть мировой, русский исторический опыт как уникальный опыт. За этими людьми не стояли империя, самодержавие, экономика и пр. Лишь «реял над нами / Какой-то особенный свет, / Какое-то легкое пламя, / Которому имени нет» (Г. Адамович).

VIII. Вот параметры этого «нового» мира. В. Набоков: «Эмиграция сохранила для России свободу духа. Все дыхание человечества в этом сочетании слов». «Волна России, вышедшая из берегов». «В этой особенной России, которая нас невидимо окружает, живет и держит нас, пропитывает душу, окрашивает сны, нет ни одного закона, кроме закона любви к ней, и нет власти, кроме нашей собственной совести». «Мужественная тоска по родине». «Такой свободы, какую знаем мы, не знал, быть может, ни один народ». «...Тоска по родине не всегда мешает нам насладиться чужой страной, изошренным одиночеством в чужую электрическую ночь на мосту, на площади, на вокзале». «Мы, свободные граждане нашей мечты». «...Когда-нибудь мы благодарны будем слепой Клио за то, что она дала нам возможность вкусить... свободы и в изгнании пронзительно понять и прочувствовать родную нашу страну». «Наше рассеянное государство, наша кочующая держава»...

Многие мыслители, литераторы, ученые, в том числе противники Совдепии, видели в ней пример общественного новаторства. Даже гениальная Марина Цветаева уговаривала (в стихах) своего сына ехать в СССР, в мир будущего, в страну какого-то неведомого, но очень интригующе-зовущего, небывалого строя, в «на-Марс-страну». – А вышло все совсем не так. «Россия в изгнании» (П. Струве) дает нам пример русского современного человека. Русского и современного. Свободного. Всемирного. СССР же «вдруг» оказался unreformierbar, запутался в антагонистических противоречиях, сгнил, раскрошился. Всё, что ни делал этот СССР, – некачественно. Здания, дороги, промышленность, сельское хозяйство и, самое главное, – человек. Советский человек.

Вот почему для нас, постсовдеповских русских, важны свидетельства *других* русских. *Как* они все это видели? В *каком* контексте рассматривались ими советские дела? *Какой* язык для понимания они выработали? То есть речь идет об Эмиграции.

IX. Выше я высказал предположение, что история России прошлого века состоит из историй двух России – СССР и Эмиграции. Однако следует уточнить это мнение. Речь должна идти о трех Россиях – СССР, ГУЛАГ, Эмиграция. Мне возразят: ГУЛАГ и есть СССР, его порождение. – Согласен, но добавлю. ГУЛАГ – квинтэссенция СССР-России, как Эмиграция – квинтэссенция не-СССР-России.

ГУЛАГ отменяет социальную историю – остается только психология доведенного до ужаса бытия индивида. Если Эмиграция – кочующая держава свободы, то ГУЛАГ – люди, забытые (вместо свай) в вечную мерзлоту. – Не «жариться» на огне, а «вечно» замерзнуть в холоде и голоде. Это осуществление ада на Земле. Зеркально-противоположное коммуниз-

му, который мыслился как рай на земле. «Ад» оказался достижимым, «рай» – нет.

В ГУЛАГе коммунистам удалось их планы. Нет Бога, семьи, денег, собственности, государства, права. Нет и языка. – Идеальный коммунизм.

Сила ГУЛАГа в том, что он – везде, а не только за колючей проволокой. Квантовая физика открыла структуру материи – ГУЛАГ нуждается в квантовой социологии. Ибо он пронизывает и весь социальный организм, и каждого человека в отдельности. Все пока известные терапии оставляют последствия, сравнимые по опасности с самой болезнью (смотри историю Российской Федерации). Иначе говоря, ГУЛАГ предполагает не только квантовую социологию, но и социопсихологическую вирусологию. Причем, если квантовая социология обнаруживает его повсеместное распространение – в городах, душах, тюрьмах, школах, институтах, то социопсихологическая вирусология показывает, *как* вирус ГУЛАГа пожирает живое, *как*, используя инструменты сверхмучений и страха, расчеловечивает человека, пожирает результаты многотысячелетней эволюции.

ГУЛАГ – обнуление истории, культуры, свободы, выбора.

Х. Россия в изгнании (Эмиграция), Россия в беде (СССР), Россия в аду (ГУЛАГ). – Вот три России, в контексте которых может быть понята Эмиграция.

Эмиграция – это сохранение русского: нормально-традиционного – и русского-на-вырост, т.е. выращивание новой России с учетом наличия СССР.

Эмиграция и ГУЛАГ – две возможности эволюции пост-СССР.

XI. В Эмиграции русская мысль и культура в некоторых сферах (многих!) достигает своих вершин. Эти достижения носят непреходящий характер и по сей день оказывают влияние на наше сознание. Вот некоторые из них.

### «Современные записки» (№ 1–70, 1920–1940, Париж)

«Das Laboratorium der Moderne» – так назвал свою книгу о Петербурге начала XX в. известный немецкий историк Карл Шлегель. Журнал «Современные записки» – тоже «Das Laboratorium der Moderne». Здесь публиковались люди самых разных политических и мировоззренческих ориентаций. Не было только крайне левых и крайне правых. Зато были лучшие поэзия, проза, эссеистика, наука, философия Эмиграции. Причем как тех, кто «состоялся» еще до революции, так и тех, кто в 1920–1930-е только начинал.

Некоторые имена: Бунин, Ремизов, Цветаева, Набоков, Ходасевич, Вяч. Иванов, Бальмонт, Шмелев, Зайцев, Газданов, Осоргин, Алданов, Бердяев, Шестов, Федотов, Степун, Флоровский, Мережковский, Гиппиус, Н. Лосский, Зеньковский, Вейдле, Муратов, Мочульский, Бицилли, Вишняк и др. В одном немецком «спецхране» (Köln, BIOST, начало 90-х) мне достался почти новый, почти никем не читанный комплект. И было какое-то сюрреалистическое ощущение себя – первым читателем «Дара», себя – участником всей этой сложной и трагической русско-европейско-парижской жизни.

Этот журнал действительно стал лабораторией, в которой русская мысль и культура вырабатывали свое новое содержание, облик и форму. В сферах политической, правовой, философско-исторической, социальной, экономической русский ум пытался освободиться от обветшалых и уже узких ему идеологий – неонародничества, неославянофильства, неомарксизма, кадетского либерализма и т.п. С известными оговорками и с известными историями (изъятие главы о Чернышевском в «Даре», «редактирование» Федотова, Шестова, Цветаевой) «Современные записки» были, пользуясь языком начала XX в., поверх «направленства».

Там выковывалось новое русское мировоззрение, значение которого не устарело и сегодня. То есть оно совершенно актуально. Это был синтез либеральных, консервативных, христианско-демократических, социал-демократических идей. Там право признавалось не функциональной, а онтологической ценностью. Характерный пример – воззрения М.В. Вишняка (бывший эсер, юрист, секретарь Учредительного собрания).

Помимо этого, журнал оказался центром сопротивления тем силам русской эмиграции, которые встали на позиции поражения перед врагом рода человеческого (по терминологии Т. Манна). То есть именно здесь был дан беспощадный бой всем, кто хоть как-то склонялся к и перед теорией и практикой тоталитаризма (коммунизма, нацизма). В том числе это была борьба и с «евразийским соблазном».

### Семен Людвигович Франк (1875–1950)

Самый выдающийся русский философ «вообще»; «его система... самое значительное и глубокое, что мы находим в развитии русской философии»; «высшая точка развития русской философии ...» (В.В. Зеньковский. История русской философии).

В 1925 г. Франк пишет две принципиально важные работы – «Сущность и ведущие мотивы русской философии» и «Русское мировоззрение». Пишет по-немецки.

Франк подводит итог развития русской религиозной мысли от Чаадаева, славянофилов, Соловьева и т.д. Он систематизирует наработанное его предшественниками и современниками. Но, конечно, не отменяет. Делает как будто невозможное. Систематизирует то, что принципиально противостоит всем и всяким системам.

Дает формулу русской философии. «Мы – философия» в России; «Я – философия» на Западе. «МЫ», а не «Я» – последнее основание жизни духа и его сущности. «Я» вырастает из «МЫ». В каждом «Я» внутренне содержится «МЫ». «МЫ» полностью присутствует в своих частях. Но «Я» в его свободе и своеобразии этим не отрицается. Из этого следует: «я»-демократия (Запад») и «мы»-демократия (Россия).

Так либерал Франк обосновывает возможность в России не западной, иной демократии. Для кого-то это может прозвучать увлекательно, но по сути, на практике – опасно. Все «самобытные» демократии вырождаются в нечто противоположное.

Другое дело, в этих своих итоговых работах Франк видел главную свою задачу – «аутентично» и систематически представить русскую мысль.

«МЫ»-мировоззрение. «Русским мыслителям совершенно чуждо представление о замкнутой на себе самой индивидуальной личностной сфере». Франк – это попытка облечь в классические философские категории и понятия то, что, казалось бы, «не облакаемо». – Рационализация «иррационального». «Философия истории – эта область русской мысли представляет собой нечто вроде чаши, в которую вливаются все русские философские идеи».

Франк отвергает «*cogito ergo sum*» и чеканит: «*sum ergo cogito*». «Онтологический примат жизненного факта над мышлением».

Выступая против «индивидуалистического персонализма» Запада, Франк выдвигает «соборный персонализм» России. «МЫ» мыслится не как внешнее единство большинства «Я», только потом приходящее к синтезу, а как первичное... неразложимое единство, из лона которого только и вырастает «Я» и посредством которого это «Я» становится возможно. «Я» и «ТЫ», мое сознание и сознание, чуждое мне, мне противостоящее и со мной связанное, оба они образуют интегрированные, неотделимые части первичного целого – «МЫ»... Своеобразие и свобода «Я» образованы... связью с целым, жизненность «Я» создается сверхиндивидуальной целостностью человечества».

### Евразийство

Кн. Н.С. Трубецкой – филолог (фонолог), философ. П.Н. Савицкий – экономгеограф, философ. Н.Н. Алексеев – правовед, государствовед, по-

литолог, историк. Г.В. Вернадский – историк России, граф П.П. Сувчинский – музыковед, литературовед. И многие другие...

Начало – 1921 г., София, сборник статей «Исход к Востоку». Новое самоопределение России. Критика петровского режима и цивилизации. Россия (Евразия) – антиЕвропа, антидемократия. Философия истории, политики, права. Месторазвитие (как природно-климатические условия определяют историю). Принятие СССР как системы управления – и его духовно-идеологическое отвержение. Необходимость замены атеистического большевизма православием. Жесткая, военно-монархическая власть. Евразийское право – в первую очередь не о правах, а об обязанностях. Евразийская, а не европейская элита. Евразия – борьба и сотрудничество Степи и Леса. История Евразии – громадные империи, сменяемые множеством небольших государств, и наоборот. Циклы евразийской истории.

Должен сказать: я не сторонник философии С.Л. Франка и – тем более! – евразийства. Но не могу не замечать ни их выдающихся достижений, ни их новаторской научной и интеллектуальной роли.

\*\*\*

З. Гиппиус, которая около четверти века провела в эмиграции, говорила: мы не в изгнании, мы в послании. – Чтобы рассказать миру о том, что произошло в стране, что не вся Россия поддерживает чекистскую диктатуру. Это послание было и достоверной информацией о достижениях русской культуры за последние сто лет. Это было также посланием детям (о. А. Шмеман, С. Зеньковский) и внукам (Н. Струве), которые знакомили послевоенные советские поколения с идеями и духом эмиграции. Мое (люди родившиеся в середине столетия) точно было сформировано эмигрантской мыслью. Бердяев, Булгаков, Франк, Струве, Федотов определили не только наше мировоззрение, но даже и – как это случилось со мной – профессию: политико-культурная история России, история отечественной мысли. Несколько лет назад я нашел свою записную книжку 1974 г. Мне было двадцать четыре. В ней стояло: «Бердяев освобождает меня от рабства». Советского рабства.

## YURIY PIVOVAROV

### **THREE RUSSIANS OF THE XX CENTURY : TO THE CENTENARY OF THE GREAT RUSSIAN EXODUS**

*Abstract.* The article deals with the role and place of post-revolutionary Emigration in the Russian history. If the Civil War was an armed confrontation between February (in a broad sense) and October, then Emigration was an ideological and moral opposition to October and what grew out of it. Emigration



*is another historical opportunity for Russia. This is the construction of a new, democratic country, which was interrupted at home. The history of Russia in the twentieth century is the history of three Russias-Emigration, Sovdepiya, Gulag. Post-Soviet Russia faces a choice: focus on Emigration or the Gulag. The most important task of the modern Russian consciousness is to master the achievements of Emigration, the results and «products» of its cultural and intellectual activities.*

**Keywords:** *Emigration, Sovdepiya, Gulag, February revolution, October revolution, new democratic Russia, «laboratory of modernity».*

**О.В. БОЛЬШАКОВА**

***ИСПАНКА (1918–1920) : НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ***

*Аннотация.* В статье рассматривается глобальная история пандемии «испанки», выделяются узловые вопросы ее изучения: влияние на ход и итоги Первой мировой войны, правительственная политика, историческая память и др. Намечаются дальнейшие перспективы исследований в рамках экоистории, объединяющей специалистов в области социальных, гуманитарных и естественных наук.

*Ключевые слова:* пандемия «испанки», 1918–1920 гг., Первая мировая война, историческая память, экоистория, эпидемиология.

Через 100 лет после окончания самой смертоносной в истории эпидемии гриппа, получившего название «испанка», человечество вновь столкнулось с вирусной угрозой высокого напряжения. 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о начале глобальной пандемии<sup>1</sup>, вызванной новым штаммом коронавируса, или COVID-19, как его стали называть для краткости. На этот раз ВОЗ оказалась права, поскольку заражаемость пока растет и смертность остается высокой. Дать сколько-нибудь надежные прогнозы развития событий не представляется возможным. При этом драматичности ситуации придает явное бессилие современной медицины перед лицом, казалось бы, не самой страшной болезни, с одной стороны, и высокая смертность среди медиков – с другой.

Далеко не все восприняли эту угрозу всерьез. Действительно, ну что такое грипп (или его разновидность – коронавирус)? В обыденном сознании он ассоциируется с самыми «домашними» вещами: горячим питьем, теплыми носками, с лимоном и малиной. В общем, с простудой. Какой разительный контраст с образом чумы, за которой тянется шлейф самых ужасающих и грозных ассоциаций! То, что в течение 1918–1920 гг. «какой-то грипп» унес, по разным подсчетам, от 50 млн до 100 млн жизней (превышает потери в Первой и Второй мировой войнах), как-то не укладывается в голове. А ведь по своей губельности испанка должна была бы

---

<sup>1</sup> Пандемия – эпидемия, затронувшая несколько и более стран.

встать в один ряд со знаменитой Черной смертью XIV в. Однако, собрав свою жатву, она исчезла через два-три года, не оставив и следа в исторической памяти.

Этот парадокс ставит в тупик историков, которые называют испанку «самой документированной и наименее известной пандемией» [The Spanish influenza, 2003, p. 3]. Действительно, сведения о ней сохранились в официальной документации, а также в прессе, но этот источник требует очень серьезной, профессиональной интерпретации. Будучи основным инструментом формирования национальной памяти, пресса не «присвоила» пандемии статуса события, достойного остаться в истории. Память о ней сохранялась на индивидуальном уровне; источники по истории испанки – воспоминания тех, кто ее пережил (прежде всего медиков) и семейные рассказы, передававшиеся из поколения в поколение. Их начали собирать в 1970–1980-е годы, и в последнее время они аккумулируются в Сети на тематических сайтах. Испанка зафиксирована и в художественной литературе – и это тоже переработанный личный опыт.

Большое значение для осмысления той пандемии имеют публикации в научных журналах 1920-х годов. Главным образом это статьи, разбросанные по множеству крупных и мелких журналов и посвященные конкретным сюжетам (кейсы, как говорят медики). В их задачи входило реконструировать «историю болезни», чтобы, во-первых, понять причины такой колоссальной смертности, а во-вторых, предоставить историко-эпидемиологический материал, на который могли бы опираться медики и политики в случае будущей пандемии (ее высокая вероятность никем и никогда не оспаривалась). Весь этот богатый материал анализировался в основном вирусологами, эпидемиологами и историками медицины. Фактически речь шла об узкоспециальном знании, которое не предполагало ни выхода в публичный дискурс, ни серьезных обобщений. Тем не менее имплицитно мысль об «уроках истории» там всегда присутствовала.

Изучение испанки и ее «уроков» историками, так сказать, общего профиля, казалось бы, должно было иметь все шансы на успех, учитывая их квалификацию в области критики источников и стремление к широким обобщениям. Однако долгое время эта тема находилась на обочине исторической науки, занимавшейся политикой, социумом, культурой разных общественных слоев и групп. История эпидемий вошла в круг ее интересов только с возникновением новой дисциплины – экоистории. Ведь эпидемия – одновременно и биологическое, и социальное событие; ее медицинские аспекты нельзя отделить от исторического, природно-географического и культурного контекстов.

Первой (и долгое время единственной) монографической работой, в которой рассматривались географические, биологические и медицинские

факторы «забытой пандемии Америки», была книга американского историка Альфреда Кросби (1931–2018). Она вышла в 1972 г. и затем неоднократно переиздавалась [Crosby, 2003]. Тема испанки утратила свой маргинальный характер только в 2000-е годы, когда человечество столкнулось с угрозами эпидемий атипичной пневмонии и птичьего гриппа. В период празднований столетия Первой мировой войны интерес к испанке только усилился. «Жесточайшая пандемия современности» вышла в публичное пространство: о ней издаются все больше книг и книжек – с явным налетом сенсационности; факты в них нередко соседствуют с вымыслом.

В последние десять лет хорошо поработали и историки-профессионалы [Davis, 2013; Opdycke, 2014; The Spanish influenza, 2003; The Spanish influenza, 2014]. На основании официальной документации и источников личного происхождения была реконструирована событийная канва пандемии в разных регионах мира. Сформировался исторический нарратив, позволяющий расставить все по своим местам и выделить узловые вопросы, требующие глубокого анализа. В их числе – влияние пандемии на ход и итоги Первой мировой войны, правительственная политика, формирование публичного дискурса и пропаганда, а также «наследие» испанки – как социальное, так и медицинское. Немаловажное место занимает изучение проблем исторической памяти и тех непосредственных уроков, которые дала человечеству та трагедия.

У исследований испанки большие перспективы – в особенности потому, что на фоне разразившейся пандемии коронавируса информация об эпидемиях прошлого становится актуальной как никогда. Она придает глубину нашему пониманию происходящего; современные же события, в свою очередь, предоставляют дополнительную возможность лучше понять, что же случилось 100 лет назад. Даже фактологическая сторона истории испанки приобрела сегодня особое значение. На нас, переживающих пандемию-2020, она производит впечатление дежавю. И одновременно напоминает о том, что уроки прошлого не были выучены.

### Нулевой пациент

Для понимания сценария развития пандемии считается важным найти ее источник (или «нулевого пациента»), а это далеко не так просто. В ходе реконструкции истории испанки пока не удалось дать однозначный ответ на вопрос, кто же был этим «нулевым пациентом». Чаще всего таким признают Альберта Гитчелла, военнотруженика в лагере Фанстон, Форт Райли в штате Канзас, где перед отправкой в Европу находилось не менее 100 тыс. человек. Однако это – лишь первый официально зафиксированный случай. В тот же день, 4 марта 1918 г., в медицинскую часть лагеря стали один за другим поступать все новые заболевшие. Симптомы

были одни и те же: высокая температура, затрудненное дыхание, насморк, кашель. В течение пяти недель заболели более тысячи человек, но смертность была не слишком высокой – умерло 48, а болевшие легко и выздоравливающие были отправлены во Францию, на фронт [Breitnauer, 2019, p. 2–3].

Но есть и другие данные. Известно, что еще в январе 1918 г. локальную эпидемию довольно специфического гриппа зафиксировал в Канзасе местный врач, сообщивший об этом в Американскую службу здравоохранения. Он обратил внимание, что все заболевшие работали с животными. Его сообщение было опубликовано только в апреле, однако к 11 марта вирус уже достиг Нью-Йорка (района Куинс), где смертность оказалась куда выше [ibid., p. 12].

В поисках ответственного за эпидемию американцы немедленно указали на Китай, где осенью 1917 г. в провинции Шаньси действительно была вспышка заболевания со схожими симптомами. А поскольку почти 100 тыс. китайских рабочих обходным путем через Канаду были направлены во Францию на строительство фронтовых укреплений, Китай и стали считать источником эпидемии [Breitnauer, 2019, p. 9].

Сейчас, когда сведены воедино эпидемиологические данные, указания на Китай как источник пандемии больше не кажутся убедительными. Так, известно, что в феврале 1917 г. очаг респираторной инфекции, которая не поддавалась никакому лечению, был зафиксирован в военном лагере англичан Этабль во Франции. На сообщения о ней, опубликованные в июле 1917 г. в «Ланцете», обратили внимание военные медики из Олдершота в Великобритании, где в казармах появилась неизвестная и очень заразная болезнь, названная ими «гнойным бронхитом» [ibid., p. 11].

Иначе говоря, источник гриппа не был найден. Но то, что в распространении и эволюции вируса большую роль сыграла Первая мировая война и связанные с ней перемещения войск и мирного населения, не подлежит никакому сомнению. Война явилась тем контекстом, в котором разворачивалась эпидемия, и даже самый известный вариант названия болезни – «испанка» – отражает парадоксы войны. Его возникновение принято связывать с тем обстоятельством, что в условиях военной цензуры только нейтральная Испания могла свободно сообщать о случаях заболеваний. И после того, как гриппом в мае 1918 г. заболели король Альфонсо XIII, его премьер-министр и весь испанский двор, новости заполнили прессу, дав ему название, которое и осталось в истории.

### **История болезни**

Хроника пандемии изучена достаточно хорошо; как и все известные пандемии гриппа, она имела три волны (вторая – самая тяжелая) и длилась

около двух лет. Первая волна, разразившаяся в марте 1918 г. в США и во Франции, а в апреле – в Великобритании и к концу мая докатившаяся до Испании и других нейтральных стран, была довольно слабой, хотя смертность явно превышала обычную. В группе риска находились старики и дети, и кривая смертности была традиционной, подковообразной (U-shape). Однако вторая волна, накрывшая в сентябре 1918 г. весь мир – от Рио-де-Жанейро до Новой Зеландии, была поистине жесточайшей. Вирус оказывался смертельным для молодых и крепких, убивая человека иногда в течение нескольких часов – все чаще сообщалось о внезапных смертях на улицах, в городском транспорте, дома. У погибших был синеватый («гелиотропный») цвет лица, что современные исследователи считают результатом «цитокинового шторма» – гиперактивной иммунной реакции. Легкие зараженных мгновенно заполнялись жидкостью, что и вело к быстрой гибели. Исследования 2000-х годов показали, что вирус испанки был не просто убийцей – он приводил к тому, что тела наиболее здоровых людей убивали себя сами [Breitnauer, 2019, p. 20–21].

Довольно быстро стало понятно, что болезнь исключительно заразна и протекает тяжело, что это не «обычный» грипп. Помимо высокой температуры, насморка, кашля, боли в горле и мышцах, характерными его особенностями наряду с крупозной пневмонией и сердечной недостаточностью были помрачение сознания, головокружение, бессонница и припадки страха и отчаяния, потеря обоняния, нарушения зрения и слуха, кровохарканье и кровотечения, цианоз (посинение) лица и конечностей, их постепенное почернение, распространявшееся на все тело [Witte, 2003, p. 53–54]. Это затрудняло диагностику: в Китае грипп спутали с легочной чумой, вспышка которой произошла там в 1910–1911 гг., в других странах – с тифом или тропической лихорадкой [Spinney, 2017, p. 69–70]. Но даже если болезнь диагностировалась верно, то как ее лечить и выхаживать заболевших, оставалось неясным. В условиях взрывного роста заболеваемости и высокой смертности в медицинском сообществе «царили неразбериха и паника» [Ibid., p. 6].

Не в последнюю очередь это было связано с тем обстоятельством, что возбудитель болезни тогда выявлен не был. Довольно долго медики находились под влиянием концепции Рихарда Пфайффера, ученика Роберта Коха, выделившего в 1892 г. у больных гриппом бактерию, которую он и считал возбудителем. Это ошибочное мнение приводило к недооценке опасности испанки, а зачастую – к применению неверных способов лечения и ненужным затратам (правительства Франции и США, в частности, финансировали в 1918 г. поиски вакцины против этой бактерии) [Breitnauer, 2019, p. 6]. Предположения, что возбудителем испанки является вирус, не удавалось надежно подтвердить проводившимися тогда ис-

следованиями, в то время как антибактериальная терапия снижала смертность от пневмонии.

Только в 1933 г. была доказана вирусная природа гриппа, затем, после изобретения электронного микроскопа, вирус смогли увидеть; еще позднее была установлена связь между птицами как «инкубаторами» и животными как переносчиками мутировавших вирусов человеку. В настоящее время известно о трех типах вируса гриппа – А, В и С (и подтипе D) – и о том, что пандемии вызывает вирус А. Изучая структуру вируса А, исследователи обнаружили на его поверхности два белка – гемагглютинин (H) и нейраминидазу (N). Вирус испанки получил название H1 N 1, вирус азиатского гриппа в Китае в 1957 г. – H2 N 2, в Гонконге в 1968 г. – H3 N 2 [Супотницкий, 2006].

В XX в. была разработана концепция приобретенного иммунитета. Опираясь на нее, Дж. Брейтнауэр описала реакцию организма на вторжение вируса как «борьбу крошечных титанов»: первыми в бой вступают цитокины, за ними следуют антитела. При повторном вторжении вируса антитела уже готовы к битве с врагом (именно на этом принципе основано действие вакцин). Однако такой способ хорош для борьбы с бактериями, но не с постоянно мутирующими вирусами, замечает она [Breitnauer, 2019, p. 16–17].

Как теперь понятно, мутации вируса произошли и в ходе эпидемии испанки, именно поэтому вторая волна оказалась столь жестокой. Смертность от второй волны описывалась W-образной кривой, края которой были ниже, чем средний пик, который приходился на возраст 15–44 года (по другим данным – 20–40 лет, с максимумом в 28 лет). Историки гриппа хорошо знают такую его особенность: она отмечалась еще в XVIII в., однако тогда все внимание врачей было сосредоточено на борьбе с оспой [Ibid., p. 5]. Сегодняшние историки испанки резюмируют: чем сильнее была иммунная система человека, тем тяжелее оказывалось течение болезни.

Стандартные объяснения ситуации с испанкой даются сегодня с позиций концепции приобретенного иммунитета и не выглядят убедительными. Считается, что старики приобрели иммунитет, пережив «русский грипп» 1889–1891 гг.<sup>1</sup>, а грудных младенцев поддерживал иммунитет матери. Для отдаленных же уголков земного шара, население которых просто не встречалось с подобными вирусами, завезенный войсками европейских армий грипп оказался абсолютно смертельным [Ibid., p. 17–18].

---

<sup>1</sup> Так называемый русский грипп, завезенный в Бухару китайскими торговыми караванами и затем распространившийся по Европе, привел к смерти 1 млн человек (при населении земли 1,5 млрд). По последним данным, его возбудителем был коронавирус.

Врачи и медицинский персонал приняли на себя удар и стали основной группой риска; в особенности это касалось сельских врачей, которые в тот момент оставались единственной надеждой для своих пациентов. Докторов не хватало не только потому, что в воюющих странах они были мобилизованы (во Франции – 80%), но и потому, что они заболели и умирали первыми. На помощь призвали студентов-медиков. Врачи самоотверженно исполняли свой долг, пытаясь при этом понять, как лечить новую болезнь. Несмотря на общее замешательство и неразбериху, собирались и обобщались симптомы. В результате было выявлено два типа течения испанки: молодые умирали быстро, старые – долго, от осложненной пневмонии.

В своих наблюдениях врачи опирались на опыт борьбы с «русским гриппом», который дал ценный материал о ходе течения болезни и ее последствиях, включая нервно-психические осложнения (вплоть до депрессии и суицидов) [Spinney, 2017, p. 30]. Симптоматика испанки была описана с исключительной подробностью, и эти наблюдения помогали поставить диагноз и дать прогноз. В то же время сама интенсивность и краткосрочность пандемии не дала возможности врачам испытывать разнообразные средства для лечения болезни; они просто не успели в полной мере понять ее особенности [The Spanish influenza, 2003, p. XX].

В поисках средств использовали аспирин, хинин, препараты мышьяка. Начали практиковать кровопускание – и заметили, что у больных необычно густая и темная кровь. Предпринимались попытки лечения тяжелых форм испанки препаратами ртути (поскольку пациенты венерологических отделений в госпиталях, получавшие такое лечение, не заболели гриппом). Много спорили по поводу алкоголя и курения. Известно, что будущий знаменитый архитектор Корбюзье провел самые опасные дни эпидемии в парижской квартире, наливаясь коньяком и выкуривая несметное количество сигарет [Spinney, 2017, p. 121–123].

В осенние месяцы 1918 г., когда больницы были переполнены, и могильщики не справлялись с количеством умерших, настроения были паническими. Особый страх вызывало то, что, как выяснилось, за один-два дня до появления первых симптомов человек уже был заразен для окружающих. По выражению одного медицинского чиновника из Бомбея, грипп подкрадывался «как тать в ночи» [Ibid., p. 88]. Однако было замечено, что те, кто переболел в первую волну весны 1918 г., если и заболели вновь, то не погибали [Breitnauer, 2019, p. 17–18].

Уровень медицинского знания не позволял в то время с точностью диагностировать заболевание, выяснить его этиологию и определить вред, наносимый организму. Тем не менее собранный тогда материал представляет большую ценность – и не только для исторической эпидемиологии.



### География и хронология пандемии

По сравнению с предыдущими пандемиями испанка захватила земной шар «в мгновение ока», однако ее распространение шло неравномерно.

Первая волна затронула центр Европы и США. На европейской и мировой периферии все началось позже (со второй волной конца лета-осени 1918 г.), но и продолжалось дольше – до лета 1920 г. (как, например, в Швеции). Третья волна испанки, начавшаяся в январе 1919 г., была гораздо слабее, и в странах, первыми принявших удар, сошла на нет к лету того же года.

Ход эпидемии всегда определяется способами передачи инфекции. В условиях мировой войны основным источником заражения стали войска европейских армий. Так, в Индии, принимавшей активное участие в войне, первые случаи гриппа были зафиксированы уже в июне 1918 г., а после небольшой летней передышки начался взлет заболеваемости. В Швецию болезнь была занесена с прибывшим в конце июня в Гётеборг из Лондона транспортным кораблем «Торстен», в Швейцарию – поступавшими туда на долечивание военнопленными. В нейтральной Испании источником инфекции стали сезонные рабочие, возвращавшиеся по железной дороге из Франции. Несомненно, железнодорожное сообщение намного ускорило передачу вируса, но в принципе за заражение целых континентов летом 1918 г. были, как и в прежние времена, «ответственны» корабли<sup>1</sup>.

«Трехволновой» характер пандемии гриппа – это, конечно, «идеальный тип». В конкретных обстоятельствах испанки далеко не все страны вписывались в эту схему. В Японии, например, принято различать «раннюю эпидемию», осени 1918 г., и «позднюю», конца 1919 – начала 1920 г. [Spinney, 2017, p. 49]. В Бразилии была лишь одна волна, начавшаяся осенью 1918 г., в то время как в Перу их было три: осенью 1918, затем через год, в 1919 г., и третья, растянувшаяся на весь 1920 г. и оказавшаяся самой смертоносной для столицы государства [The 1918–1920 influenza..., 2011].

В Австралии, в отличие от Новой Зеландии, очень быстро был введен жесткий карантин, что помогло отодвинуть и умерить распространение инфекции. Сняли его в начале 1919 г. – как выяснилось, преждевременно, поскольку в странах Европы в этот момент началась третья волна гриппа, хотя и достаточно умеренная по вирулентности. В итоге Австралия потеряла в течение декабря-февраля 1918/1919 гг. приблизительно 12 тыс. человеческих жизней [Spinney, 2017, p. 48].

Основной пик смертности от испанки пришелся на исключительно короткий срок – всего 13 недель с середины сентября до середины декабря

---

<sup>1</sup> Практика карантина для кораблей (40-дневная – *quarantena*) известна со времен Венецианской республики.

1918 г. Иначе говоря, потери были сжаты во времени, но при этом растянуты в пространстве. Свои поправки внесла война. В странах Западной Европы, наиболее активно участвовавших в боевых действиях, потери от гриппа были относительно невелики. Соотношение погибших в целом и умерших от испанки во Франции было 6:1, в Германии 4:1, в Англии 3:1, в Италии 2:1 [Spinney, 2017, p. 14].

В остальных частях света от гриппа умерло больше людей, чем от войны. Основную смертность дали колонии: в Африке, где разразился также и голод (эпидемия пришла на посевную в сезон дождей), в течение 10 месяцев было около 50 млн смертей. В Индии за 1918–1920 г. – 18 млн [Breitnauer, 2019, p. 81]. Один из самых высоких показателей смертности был в Иране – 21%. Смертность среди коренного населения в таких странах, как Новая Зеландия, Канада, США (на Аляске), оказалась в несколько раз выше, чем среди белых [Ibid., p. 23].

Крайне низкой была смертность в Китае, где выздоровело 97% заболевших, а самой низкой в мире – в Японии. Этому феномену даются социокультурные объяснения. Говорится об общей приверженности японцев к чистоте, об особых бытовых привычках и социальных нормах, включая убеждение, что здоровье – это коллективная ответственность. При, казалось бы, низком уровне смертности эпидемия испанки произвела сильное впечатление на японцев. С тех пор в Японии укоренилась традиция ношения масок. В Китае большую роль сыграли многовековой опыт борьбы с эпидемиями, внимание к гигиене, но главное – уровень доверия населения своей медицине, которая давала людям совершенно определенные и четкие рекомендации [Ibid., p. 100]. Это выгодно отличало Китай от европейских стран, где явно ощущалась нехватка санитарного просвещения населения.

### Россия – «особая страна»?

Пандемия испанки в России «блистает своим отсутствием» как в исторических нарративах, так и в общественном сознании. Сейчас в связи с разразившейся пандемией коронавируса эта тема вполне предсказуемо возникла в публичном пространстве. Доминируют поверхностные суждения, а главное – убежденность в том, что той эпидемии в России не было. Действительно, кажется, что «нам тогда было не до гриппа»: жесточайшая Гражданская война, разруха, наконец – тиф и холера, голод и чума. Грипп меркнет на фоне таких почти апокалиптических бедствий.

В психологически тяжелой сегодняшней ситуации наша пресса застрела победоносными заголовками: «Русских грипп не взял»; «Почему испанка пощадила революционную Россию?» и т.п. [Антонюк, 2020; Зотов, 2020]. Не пощадила. Во всяком случае, прошла по стране достаточ-

но основательно, и информации об этом предостаточно. Это и записи в дневниках, и письма, и сообщения в прессе о том, что «вымирают домами», «болеют целыми хуторами». Это и официальная документация, и статистика созданного в июле 1918 г. Наркомздрава, который вопреки убеждениям нынешних журналистов работал и очень активно<sup>1</sup>. Тогда еще продолжали собираться и Союзы врачей (городские, уездные, губернские) – обсуждали ситуацию с эпидемиями тифа, холеры и испанки, о которой поступало много сведений и вопросов «с мест».

О том, что в России началась эпидемия испанки, было хорошо известно и за рубежом. В октябре 1918 г. в телеграмме министра иностранных дел Японии, направленной министру внутренних дел, сообщалось, что на Юге России умерло две или три тысячи человек от болезни с симптомами высокой температуры, пневмонии и сердечной недостаточности [Kang, 2018, p. 55–86]. В Польше, где испанка развернулась вовсю, ее называли «большевистским гриппом», указывая тем самым на Советскую Россию как источник инфекции [Słomczyn'ski, 2012, p. 73–93].

Испанка была занесена на Украину ранней весной 1918 г. германскими и австрийскими войсками, а также возвращавшимися с фронта солдатами и бывшими военнопленными. Они же, равно как и мирное население (преимущественно так называемые «мешочники»), распространили ее на всю Россию. Осенняя волна шла широким фронтом с юго-запада на северо-восток. Как сообщала газета «The London Times», в начале августа испанка появилась уже в Петрограде. По словам американского историка А. Кросби, на европейский Север России испанка была завезена интервенционным корпусом, прибывшим в Архангельск 4 сентября 1918 г. [Crosby, 2003, p. 145–150]. К этому времени Наркомздрав начал получать сообщения о случаях заболеваний со всей подконтрольной ему территории страны. Наибольший «урожай» в Центральной России испанка собрала во Владимирской губернии, где, по данным Наркомздрава, в 1918–1919 гг. заболело почти 90 тыс. человек [Перуанский, 1919, с. 32–33].

Данные об эпидемии на других территориях бывшей Российской империи разбросаны по разным источникам и литературе. Известно, что в Одессе испанка появилась в мае вместе с германскими и австрийскими оккупационными войсками. Немного затихнув летом, она вспыхнула вновь в начале сентября. Борьбу с эпидемией в условиях полного отсутствия интереса к ней оккупационных властей взял на себя самый знаменитый тогда на Юге России врач, микробиолог Яков Юльевич Бардах, уче-

---

<sup>1</sup> Народный комиссариат здравоохранения, который возглавил Н.А. Семашко, собрал под эгидой государства многочисленные ветви российской медицины – земскую, военную, ведомственную, частную – и на этой основе начал строительство современной системы медицинской помощи, общедоступной и бесплатной.

ник и соратник И.И. Мечникова, сооснователь первой в России бактериологической станции и станции скорой помощи в Одессе [Honigsbaum, 2013]. Бардах развернул кампанию по санитарному просвещению населения, объясняя, что испанка – отнюдь не новая форма чумы (ее хорошо знали и боялись одесситы), а очень заразный грипп, от которого можно и нужно защититься. Главной базой для приема пациентов стал прекрасно оснащенный Еврейский госпиталь, а также Старый городской госпиталь. Туда же поступали заболевшие тифом, чумой и проявившейся к этому времени холерой [Spinney, 2017, p. 163].

Карантин в Одессе, прекрасно знакомой, как всякий крупный портовый город, с карантинными мерами, введен не был. Жизнь бурлила, несмотря на сменявшие друг друга власти (после австрийцев пришли украинцы, затем французы и «белые»). Работали театры и кинематографы, рестораны и ночные клубы были переполнены. Пик эпидемии, как объявил Бардах, был пройден 8 октября. В ноябре на заседании Общества одесских врачей он сделал подробный доклад, в котором сопоставил испанку с «русским гриппом» 1890 г. [Honigsbaum, 2013]. Однако в феврале 1919 г. испанка вернулась; тогда ее жертвой (среди прочих) стала звезда немого кино Вера Холодная, приехавшая в Одессу еще летом. Похороны кинодивы собрали огромные толпы ее почитателей всех классов и национальностей. Другой яркий пример – председатель ВЦИК Яков Свердлов. Известно, что, несмотря на предупреждения врачей, умирающего навещил Ленин. Судя по тому, что и другие видные большевики не задумывались о карантине и с высокой температурой ездили на совещания (как жена Бонч-Бруевича врач Вера Величкина, член коллегии Наркомздрава), отношение к «гриппу» было несерьезным. При всей тяжести и грозности нового заболевания в него не верили.

С Гражданской войной, как мы ее знаем не только по учебникам, но и по художественной литературе, ассоциируется прежде всего тиф. В начале XX в. тиф был признанной социальной болезнью – болезнью бедных. Он был связан с антисанитарией и переносился вшами, так что борьба с этими насекомыми – спутниками войны – велась ожесточенно. О том, в какой мере стереотипы (часто политизированные) влияли на реальность, свидетельствует тот факт, что в Чили, например, врачи даже не допускали мысли, что у них свирепствует испанка. На пике эпидемии гриппа власти (и либеральные политики) начали борьбу со вшами в бедных кварталах. Это был настоящий «крестовый поход» против, как считалось, сыпного тифа – вплоть до поджогов трущоб [Spinney, 2017, p. 70].

Не очень замечали испанку в Советской России и на Украине. В Киеве, например, цифры заболеваемости были чрезвычайно высоки [Супотницкий, 2007], но в знаменитом романе «Белая гвардия», во многом почти документальном, о ней нет ни слова. Несомненно, тиф, чума и холе-

ра, смертность от которых была во много раз выше, затмевали «грипп», так что с самого начала испанке не нашлось места в истории Гражданской войны. Причины тому следует искать в общем интеллектуальном и идеологическом контексте, крайне политизированном в то время. Для радикального дискурса (как правого, так и левого) какая-то «болезнь» не являлась фактором истории, социально значимым явлением. Скорее всего потому, что человеческая жизнь (и тем более здоровье) для этих радикализмов – по разным причинам – не так важны.

Исправить положение и «вписать» испанку в историю Гражданской войны трудно, но возможно. Бесценным источником в данном случае является пресса; она пока что всерьез не анализировалась – в том числе в силу труднодоступности провинциальных изданий. Сегодня эта проблема решается. Благодаря оцифровке газетных фондов ИНИОН РАН в ходе выполнения совместного проекта с фондом «История Отечества» в научный оборот вводится огромный массив данных, ставший доступным онлайн [газеты периода Первой мировой и Гражданской войн]. Хотелось бы только пожелать будущим исследователям не замыкаться на изучении подконтрольных большевикам территорий, как это делалось прежде, а рассматривать историю испанки в общемировом контексте, сопоставляя по разным параметрам российские источники с зарубежной прессой.

При этом следует учитывать, что имеющаяся статистика смертности более чем неудовлетворительна. В свое время Паттерсон и Пайл «навскидку» дали цифру в 450 тыс. человек [Patterson, 1991]. Для огромной страны это немного. Вероятно, существует возможность уточнить эти данные, опираясь на локальный статистический материал (к примеру, по той же Одессе). Это позволит хотя бы отчасти скорректировать ошибки в диагностике. Патологоанатом Тизенгаузен, работавший в двух госпиталях Одессы, свидетельствовал, что вскрытие показывало картину испанки у тех, кому диагностировали холеру или чуму. Иногда испанка шла в сочетании с тифом, туберкулезом и другими инфекционными заболеваниями. В то же время необходимо учитывать, что Одесса, по-видимому, была самым пострадавшим от испанки городом в бывшей Российской империи; по некоторым подсчетам, в течение месяца там умерло 6 тыс. человек [Spinney, 2017, p. 165]. Прямая экстраполяция этих данных на всю территорию страны дала бы смертность почти в 3 млн человек что совершенно некорректно. Однако в любом случае цифра в 450 тыс. явно занижена.

### **Война и пандемия**

Влияние Первой мировой войны на ход пандемии испанки не подлежит сомнению. Но в какой степени пандемия повлияла на ход и итоги войны? Историки в большинстве случаев не обращали на это особого

внимания. При этом медикам было хорошо известно, что во время военных действий от болезней гибнет больше солдат, чем на поле боя<sup>1</sup>. Однако этот факт не фигурирует ни в профессиональном историческом, ни в публичном дискурсе. Он не вяжется с образом войны, существующим в массовом сознании.

В ситуации с испанкой, разворачивавшейся на исходе Первой мировой войны, имело место еще и целенаправленное ее замалчивание в воюющих странах. Военная пропаганда играла ведущую роль в патриотической мобилизации населения, и сообщения о болезнях, тем более об эпидемиях, пресекались военной цензурой. Неудивительно, что историки дают разноречивую картину эпидемии на линии фронта и в воюющих странах. Так, отмечается, что «развитая санитарная дисциплина во французских войсках привела к тому, что с первой волной заражений удалось справиться достаточно быстро» [Breitnauer, 2019, p. 34]. Насколько это верно, остается только гадать, держа в уме, что первая волна была достаточно слабой.

Статистика заболеваний в армии совершенно неудовлетворительна. Во-первых, потому, что солдаты не стремились сообщать о своем заболевании, если оно не было слишком тяжелым. Во-вторых, отделить испанку от свирепствовавшей весной 1918 г. на Западном фронте дизентерии было трудно, да и врачам было не до тонкостей. Даже за линией фронта, в Париже, сочетание «кишечной и легочной инфлюэнцы» затрудняло постановку диагноза и наводило докторов на мысль о холере [Breitnauer, 2019, p. 158].

Кроме того, трудно свести воедино данные даже по армиям союзников. В Англии, например, до 5 октября 1918 г. испанка не входила в число регистрируемых заболеваний. По данным А. Кросби, в течение сентябрь-ноября 1918 г. во французской армии заболело приблизительно 130 тыс. человек, умерло 10 тыс., в американской – 100 и 9 тыс. соответственно, в британской – 60 тыс. и 4 тыс. [Crosby, 2003, p. 159].

Статистика, однако, дает лишь общее представление о положении дел; в каждой конкретной ситуации все могло выглядеть иначе – лучше или хуже. Болезнь или смерть командира и его наиболее компетентных офицеров, зачастую незаменимых, выбивала из строя целую часть. В любом случае количество выбывавших в связи с болезнью было достаточно велико, чтобы дезорганизовать работу военной машины. Военно-медицинский персонал работал за пределами своих возможностей. В войсках союзников, где смертность от пневмонии как осложнения гриппа составляла 35–45%, принимались все возможные меры для изоляции и выхаживания

---

<sup>1</sup> Например, боевые потери США на европейском театре военных действий составили 34 тыс. человек, в то время как от испанки в войсках умерло 43 тыс. [Супотницкий, 2007].

больных. Специфического лечения, как хорошо понимали тогда, не существовало [Crosby, 2003, p. 160–161].

Влияние пандемии на боеспособность войск союзников, где потери от нее были относительно невелики, изучено достаточно хорошо. С Германией дело обстоит сложнее. С 1918 г. там была запрещена публикация любых статистических материалов; сообщения об эпидемии гриппа пришли туда в конце мая из испанских газет<sup>1</sup>. И власти, и медики предпочли «не заметить» испанку; она отсутствовала в официальном перечне инфекционных заболеваний, получивших тогда широкое распространение на фоне голода. Фактически эпидемию держали в секрете и всячески преуменьшали угрозу. Карантин осенью 1918 г. объявлялся на местном уровне; он в основном заключался в закрытии школ «при необходимости» и «проветривании кинематографов». Эпидемию испанки назвали «позорной страницей» в истории германской медицины, поскольку и медицинские чиновники, и ведущие врачи проводили время в теоретизировании по поводу номенклатуры новой «модной» болезни, но не выработали серьезных мер для борьбы с ней [Witte, 2003, p. 49–57].

Что же касается непосредственно хода военных действий, то общеизвестно, что после заключения Брестского мира и выхода России из войны у немцев возникла возможность бросить все силы на Западный фронт и в кратчайшие сроки разгромить союзнические войска. Военные историки склонны писать о провале этих планов по причине «проблем с логистикой», но, по признанию самого Людендорфа, именно эпидемия гриппа не позволила их реализовать. Огромное количество заболевших привело к поражению при Реймсе. Исследователи эпидемии испанки подсчитали, что в марте-июле 1918 г. переболело приблизительно 2 млн германских солдат. Новая волна инфекции в сентябре-октябре, когда заболело почти 80% личного состава армии, довершила коллапс Германии. К моменту объявления перемирия, по данным статистики, более полутора миллионов германских солдат умерли от гриппа [Breitnauer, 2019, p. 55]. Существенный вклад в военный и политический коллапс Центральных держав внесла обстановка общей разрухи, которую можно было бы назвать катастрофической. И испанка сыграла тут немаловажную роль.

Касаясь непосредственных итогов Первой мировой войны, подводившихся на Парижской мирной конференции, историки подчеркивают, что болезнь ключевых участников (и прежде всего американского президента Вудро Вильсона, который после гриппа так и не вернулся к полно-

---

<sup>1</sup> В отсутствие информации о ситуации в Германии набирало силу мнение, что новый грипп – секретное оружие, изобретенное немцами. На такую мысль наводила высокая смертность среди молодых мужчин, да и симптомы напоминали отравление горчичным газом.

ценной деятельности) в значительной мере повлияла на решения по устройству послевоенного мира [Crosby, 2003, p. 192–193]. Считается также, что, если бы не смерть от испанки Майкла Сайкса – одного из авторов знаменитого «соглашения Сайкса-Пико», иными были бы решения конференции по Ближнему Востоку. Через 100 лет они приведут к конфликтам, кульминацией которых станет «арабская весна» 2011 г. [Breitnauer, 2019, p. 78].

### Политика властей

Картина второй волны эпидемии в разных городах мира была примерно одинаковой. В Лондоне к концу октября 1918 г. жизнь замерла; транспорт почти не ходил, почта и магазины работали ограниченное время, больницы были переполнены, а похоронные бюро не справлялись с заказами. Треть офицеров полиции по болезни не выходили на службу [Breitnauer, 2019, p. 31]. В большинстве стран, охваченных эпидемией, местные учреждения власти были парализованы; не хватало людей, при этом отсутствовало централизованное руководство. Несостоятельность центральной администрации и фактическое делегирование власти на местный уровень – характерная черта кризисов, вызываемых эпидемиями. Не следует, кроме того, забывать, что в то время политика в области здравоохранения как часть общего политического курса находилась в стадии становления – она оформилась после Первой мировой войны (и после пандемии испанки). Не существовало и эпидемиологической политики как таковой.

Однако к тому времени уже была разработана и хорошо известна система противоэпидемических мероприятий, включавшая в себя меры по изоляции – закрытие границ и морских портов, ограничения для общественного транспорта и торговли, закрытие театров, рынков, церквей и других мест большого скопления людей, а также соблюдение правил общегигиенического характера, включая социальную дистанцию. Тем не менее фактически повсеместно меры по обеспечению санитарных норм не были приняты своевременно, а многие из них не были приняты вовсе. Где-то власти запаздывали, где-то не хватало людей для осуществления указаний правительства. Обеспечение соблюдения карантинных мер является составной частью эпидемиологической политики. Но если в «западных» государствах население хоть как-то соблюдало карантин, то в бедных странах так называемого «глобального Юга» – в очень малой степени.

Большую роль играл и фактор информированности. Далеко не везде опасность ситуации была осознана сразу. В ряде стран поначалу считали, что произошла вспышка простудных заболеваний, вызванная необычно холодной и ветреной погодой. Так, в Испании эпидемия стала неожидан-



ностью, поскольку воюющие державы не сообщали о ней. Первую официальную информацию об этом Министерство здравоохранения Испании получило только в июне, когда грипп уже всюду свирепствовал в стране и в соседней Португалии.

Невозможно преувеличить значение санитарного просвещения населения. Советы: как уберечься от заражения – включали в себя общие гигиенические рекомендации, в том числе «культурное» поведение на улицах (скажем, просьба «не плевать» в той ситуации означала не распространять инфекцию). Свежий воздух стали считать главной панацеей, призывая как можно чаще проветривать помещения. Предлагалось всеми силами избегать скученности и скопления людей. Как известно, перемирие 11 ноября 1918 г., когда люди в Лондоне, Париже, Окленде и множестве других городов и городков мира высыпали на улицы, сыграло роковую роль в распространении эпидемии. После этого были зафиксированы пики смертности. Внесли свой вклад и местные праздники, приуроченные к осеннему урожаю или почитанию святых, как в католической Испании. Нередко перед санитарными инспекторами вставала дилемма: запретить тот или иной праздник или объявить карантин лишь после его окончания? Экономические соображения, столь важные в условиях инфляции и падения доходов населения, как правило, брали верх [Breitnauer, 2019, p. 42].

В то же время и в самом медицинском сообществе не было единого мнения по поводу мер по защите от инфекции. Под вопрос ставились польза медицинских масок и применение дезинфекции, дискутировались карантинные меры – в частности, закрытие школ. Аргументы противников этой меры сводились к тому, что дети мало подвержены гриппу, и пусть уж лучше они проведут день в чистой школе, где будут накормлены и где за ними будут наблюдать учителя. Наиболее жаркие дискуссии разворачивались по поводу вакцинации. Американская медицинская ассоциация призывала врачей не слишком доверять вакцинам и прибегать к проверенному способу изоляции больных от здоровых, который всегда работает [Spinney, 2017, p. 98].

Поэтому нет ничего удивительного в том, что каждая местность справлялась с эпидемией по-своему. Наиболее полно изучена эпидемиологическая политика по отношению к испанке в США, где за период с весны 1918 по январь 1919 г. испанка убила около 700 тыс. человек. В ряде работ проанализировано разнообразие принимавшихся местными властями стратегий. В Вашингтоне, к примеру, администрация действовала быстро и слаженно: были закрыты общественные места, введен масочный режим со штрафами, что, как считается, минимизировало потери. То же самое было сделано в Сан-Франциско, причем за отказ носить марлевые маски, которые раздавал Красный Крест, грозил арест. В Филадельфии не пред-

принималось никаких действий, что привело к настоящему коллапсу (особенно в негритянских кварталах, где власти просили выносить трупы на улицу и собирали их фургонами, как в Средние века).

Власти 5-миллионного Нью-Йорка, в том числе комиссар здравоохранения Коупленд, прекрасно понимали серьезность происходящего. Однако в борьбе с эпидемией они поставили во главу угла военные и экономические приоритеты. Морской порт, отвечающий за отправку войск и торговлю, не был закрыт, так же как и школы. Работали театры – для поддержания духа горожан и «предотвращения истерии». Нью-Йорк сосредоточился на надзоре за населением (выявлении заболевших) и его санитарном просвещении, а не на обеспечении мер по изоляции. Только 4 октября городские власти наконец признали, что эпидемия в разгаре: больницы не справлялись, было развернуто 150 центров медпомощи. Однако количество заболевших и нехватка врачей уже не позволяли осуществлять необходимые меры в полном объеме. При этом уровень смертности в Нью-Йорке осенью 1918 г. оказался ниже, чем в других крупных городах США [Breitnauer, 2019, p. 59–60].

Политика Коупленда, только что получившего этот пост и со всем энтузиазмом взявшегося за дело, – вопрос в литературе дискуссионный. Так, отмечается, что он действовал в русле многолетней практики городских властей по борьбе с туберкулезом в бедных кварталах и руководствовался новейшими веяниями, в частности не закрыл школы. При оценке политики Коупленда учитывается, что система санитарных мер сама по себе не так бесспорна и однозначна и, кроме того, зависит от множества социальных и политических условий и условностей. Помимо общего соображения, что «карантин и демократия несовместимы», для политиков любого уровня существует категорический императив – отвечать на нужды и запросы конкретного населения в конкретной местности. Те, кто считает избранную Коуплендом политику успешной, подчеркивают также, что он действовал в совершенно определенных рамках властной структуры Нью-Йорка и был вынужден мириться с рядом ограничений [Crosby, 2003; Spinney, 2017]. Но существует и иное мнение, объясняющее низкую смертность в Нью-Йорке не успехом политики Коупленда, а иммунитетом, приобретенным горожанами в первую волну испанки [Breitnauer, 2019, p. 60].

Насколько действенна та или иная линия, выбранная администрацией, сказать с уверенностью невозможно. Известно, например, что в Марселе местный городской совет не делал ничего, в Лионе – очень много, но показатели смертности там мало различаются [Ibid., p. 34].

### Наследие

Пандемия испанки оставила после себя весьма основательное наследие, однако в его оценках следует соблюдать особую осторожность: в ряде случаев отделить его от итогов Первой мировой войны слишком сложно. Пандемия вызвала кризис, затронувший практически все стороны жизни переживших ее стран, но он наложился на кризис, вызванный войной. В странах – участницах боевых действий проанализировать наследие испанки особенно сложно. Чем меньше страна была затронута Великой войной, тем ярче видны последствия пандемии.

Казалось бы, главнейшей темой исследований должно было бы стать разрушительное влияние испанки на национальные экономики. Тем не менее оно изучено «точечно», главным образом на местном материале. С уверенностью экономисты говорят лишь о потерях и убытках в краткосрочной перспективе, непосредственно на пике эпидемии и самых строгих карантинных мер. Так, в Великобритании «Prudential insurance company» в течение ноября-декабря 1918 г. выплатила 650 тыс. ф.ст. для покрытия промышленных потерь от гриппа – против 279 тыс., выплаченных в этот же период за военные потери [Breitnauer, 2019, p. 31]. В США в течение нескольких месяцев осени 1918 г. бизнес потерял до 50% дохода; в основном это касалось сферы услуг и развлечений, а также транспорта. Однако довольно быстро после эпидемии доходы достигли своего обычного уровня. Отмечается, что в связи с сокращением рабочей силы на какое-то время возросли зарплаты [Garrett, 2008, p. 89].

Экономисты предпочитают использовать данные по испанке для прогноза будущих пандемий. Так, в широко известной статье 1999 г. смертность в США в случае глобальной пандемии прогнозируется на уровне 207 тыс. человек, а потери для экономики (без прямых потерь для коммерции) рассчитываются в интервале от 71,3 млрд до 166,5 млрд долл. В качестве самой быстрой и эффективной меры по возмещению убытков предлагается вакцинация 60% населения [Meltzer, Cox, Fukuda, 1999, p. 659].

Историки медицины отмечают такие очевидные итоги пандемии испанки, как реформирование в большинстве стран систем здравоохранения. Они указывают, что тогдашняя медицина, по преимуществу частная, рухнула под напором кризиса. Как выяснилось, она лишь усугубляла возникшие проблемы, поскольку не позволяла оказывать помощь тем, кто больше всего в ней нуждался [Breitnauer, 2019, p. 35].

Действительно, пандемия испанки значительно активизировала тенденции, наметившиеся еще в XIX в. (и в самой полной мере, причем в кратчайшие сроки, осуществившиеся в Советской России). Глобальный кризис здравоохранения лишь подтвердил уже распространенное убежде-

ние, что бремя ответственности за здоровье своих граждан должно нести государство, обеспечивая доступность медицинской помощи и лекарств и осуществляя организационные меры по борьбе с эпидемиями. Система государственного (общественного, народного) здравоохранения начала создаваться во многих странах, и делалось это в рамках так называемого социального государства (welfare state). Достаточно быстро это произошло в «нелиберальных» системах. Что касается стран так называемой западной демократии, то они реализовали проект общественного здравоохранения после Второй мировой войны.

Яркий пример связи между пандемией испанки и реформами системы здравоохранения – Мексика, где грипп разразился во время «активной фазы» революции, но уже после принятия Конституции 1917 г. Ответом на эпидемиологический кризис стали, казалось бы, импровизированные (временные, «частные») меры со стороны нового правительства: введение «санитарной диктатуры» Высшего совета народного здравоохранения, организация санитарных бригад, регулирование цен на лекарства. Однако взятые в совокупности, они явились первым примером реализации «революционного проекта» с его акцентом на государственной и политической централизации [Alexander, 2019].

Еще одним прямым следствием пандемии считается усиление социальной напряженности, которое было вызвано недовольством действиями властей по борьбе с испанкой. Оно вылилось в подъем социалистических и национально-освободительных движений, в том числе в странах, не участвовавших в Великой войне. Швейцария оказалась на грани гражданской войны, в Швеции и Испании разворачивалась классовая борьба, в Японии на фоне эпидемии шли «рисовые бунты», в Бразилии общественное недовольство приняло форму уличных выступлений против республиканского правительства.

Итоги этих движений были разными; какие-то из них (прежде всего краткосрочные) можно увязать с опытом испанки, другие, более отдаленные, скорее ассоциируются с ней – не всегда здесь присутствует прямая причинно-следственная связь. В Швейцарии, например, в итоге сформировались исключительно сбалансированные отношения между трудом и капиталом, что сделало экономику страны одной из самых стабильных в мире [Breitnauer, 2019, p. 48]. В Индии в экстремальных условиях пандемии (с высочайшей смертностью) началось преодоление кастовых границ, что позволило Махатме Ганди развернуть свое движение, окончившееся через много лет обретением независимости. А в Южной Африке пандемия, жертвами которой стало главным образом черное население, напротив, внесла свой вклад в формирование политики апартеида [Ibid., p. 73]. Иными словами, каждая страна по-своему отвечала на кризис, вызванный пандемией, исходя из особенностей государственной и социальной струк-

туры и в соответствии с конкретным культурным и идеологическим контекстом.

Сегодняшний интерес к изучению человеческих эмоций как исторического фактора позволяет по-иному посмотреть на социальные протесты 1918–1919 гг. Замечено, что карантинные меры и паника осени 1918 г. побуждали людей к выплескам энергии, к выходу на улицы, причем с разными целями. Хорошо известно, что в Рио-де-Жанейро в октябре 18-го, когда с улиц только-только убрали трупы, а эпидемия еще не кончилась, состоялся невероятный карнавал, сопровождавшийся буквально оргиями. Родившихся после него детей называли «детьми карнавала». И действительно, историки не только обнаружили резкий подъем сексуальных преступлений в этот период, но и подтвердили всплеск рождаемости в Бразилии [Spinney, 2017, p. 137]. Рост рождаемости начался и в других странах – правда, по другим причинам. Он обозначил очередной этап демографического перехода, переживавшегося планетой с начала XX в. Для современников рождение детей стало тем «позитивом», в котором так нуждался послевоенный мир.

Но были и иные, отложенные последствия испанки, которые имели медицинскую подоснову. В 1919 г. Британское Королевское общество медицины фиксировало у постгриппозных пациентов депрессию, неврастению и симптомы неврологического характера. Так что царившие в послевоенной Великобритании депрессия, тревожность и чувство безнадежности следует относить не только к разряду психологических проблем в связи с пережитой войной, но и к долгосрочным травмам пандемии [Breitnauer, 2019, p. 112]. Сегодня наблюдения тогдашних врачей приобретают практическую ценность – их необходимо вводить в научный оборот.

### **Механизмы «забывания» и перспективы исследований**

Вопрос, поставленный много лет назад исследователем истории испанки А. Кросби: почему миллионы личных трагедий не слились в одну общемировую историческую трагедию – пока не получил ответа. Причины игнорирования человечеством опыта испанки пытаются понять специалисты по разным дисциплинам: историки, психологи, литературоведы.

Историки полагают, что главными факторами, сформировавшими феномен «коллективной забывчивости», являлись краткосрочность эпидемии и ее глобальный географический охват. Испанка прокатилась по планете за два с небольшим года; собирала свою жатву то тут, то там в течение нескольких месяцев – и исчезла так же внезапно, как появилась.

Считается также, что испанка осталась в глубокой тени, которую отбросила на мир Великая война. Люди скорбели о погибших в славных сражениях, но не об умерших от «обычного гриппа». Правда, о войне

помнят прежде всего на главном театре военных действий – в Западной Европе. Для остальных это – абстракция из школьных учебников.

Выдвигаются также предположения, что главные «субъекты» памяти об испанке – это прежде всего женщины (именно они ухаживали за больными и растили сирот) и те «молчаливые субалтерны» в бывших колониальных странах, что больше всего пострадали от пандемии. – А их голоса в истории почти не слышны [Ranger, 2003; Spinney, 2017].

Думается, для «воссоздания» испанки (актуализации этих воспоминаний) следовало бы понять, как воспринимали ее современники. Тут многое может сказать психология. Наиболее общее, обыденное объяснение забвения той трагедии таково: люди стараются вытеснить тяжелые воспоминания и двигаться дальше. Это, естественно, понятно. Однако история испанки могла бы значительно обогатить наши представления о человеке (человеческом). Она позволяет изучать реакции не только на болезнь и смерть близких, но и на вынужденную изоляцию; дает возможность анализировать сложнейшие эмоции – панику перед лицом неведомой инфекции, ощущения безнадежности и беспомощности, да и многое другое,

Об этом можно прочитать в материалах личного происхождения и в художественной литературе (в основном англо- и испаноязычной). Богатейшим источником для такого анализа (в том числе массовой психологии) является пресса. Историками, к примеру, исследован сюжет о «когнитивной инерции» американцев, проживавших в районах, не затронутых пандемией до сентября 1918 г. Тревожные сообщения прессы не могли поколебать их спокойствия или побудить как-то подготовиться к эпидемии. Главная причина этой всеобщей слепоты – стереотипное восприятие гриппа как обычной сезонной простуды [Dicke, 2015].

Представление о том, как реагировали на испанку современники, дает публичный дискурс того времени. Это – целый компендиум стереотипов и ходячих мнений, социальных и гендерных норм, мыслей о «должном» и «правильном». Такого рода исследования ведутся литературоведами. Так, изучение нарратива об испанке в стране, давшей название болезни, позволяет сделать вывод о двойном кризисе: политическом и кризисе идентичности, в результате преодоления которого сложился вполне буржуазный конструкт «испанскости» [Davis, 2013].

Изучение пандемии испанки может высветить новые грани такого феномена, как военная пропаганда. Исследования этой темы набирают популярность; среди прочего, предлагается анализировать пропаганду как инструмент регулирования эмоций в кризисные для нации моменты [Honigsbaum, 2013].

Пока пандемия испанки как объект исследования скорее поставила множество серьезных вопросов, чем дала ответы. Среди них – вопросы о

возможностях государства (либерального и не очень) в чрезвычайных ситуациях, о свободе индивида и о насилии «в интересах большинства», о ценности человеческой жизни (о чем забывают политики и ученые, разговаривающие на языке цифр). Это, наконец, вопросы о беспомощности науки в период кризиса и о вере в научный прогресс, позволяющий (вроде бы) человечеству справиться с любыми болезнями. Новая пандемия, несомненно, напомнит об этих вопросах и предоставит еще одну возможность найти на них ответы.

За прошедшие сто лет наука многое узнала об испанке. Был воссоздан вызывавший ее вирус – причем из образцов тканей погибших в первую и вторую волну эпидемии. Их сравнение подтвердило: действительно произошла серьезная мутация; неудивительно поэтому, что осенью 1918 г. многие думали – пришел не «старый грипп», а какая-то новая болезнь. В то же время, как показал опыт сегодняшней пандемии, в вопросе о лечении болезни медицина серьезно не продвинулась. Безуспешные поиски противовирусных препаратов свидетельствуют о том, что выбранная стратегия неверна. Требуется серьезный пересмотр представлений об иммунитете, эпидемиологии гриппа и вирусных заболеваний в сторону их усложнения.

Здесь могут помочь новые технологии: с одной стороны, прогресс геномики, с другой – биоинформатики. Эта наука, оперирующая «большими данными», способна с легкостью преодолевать границы между природой и социумом, ставить неожиданные вопросы и давать на них неожиданные ответы [Большакова, Кинишевский, 2019, с. 47]. Новые технологии сулят прорыв и в нашем понимании истории и значения пандемии испанки – в частности, есть надежда, что будет все же выявлен «нулевой пациент». Свое слово могут сказать и климатологи, которые фиксируют краткосрочные (двух-трехлетние) изменения глобального климата, происходящие приблизительно каждые сто лет.

Пандемия испанки вызывает все больший интерес в обществе. В настоящее же время он, по понятным причинам, взлетел до небес. Можно сказать, что испанка начинает проникать в коллективную память – во всяком случае, в англоязычном мире.

Не исключено, однако, что после окончания ажиотажа вокруг пандемии коронавируса испанка вновь вернется на обочину коллективной памяти. На такую мысль наводит сериал о владельце знаменитого британского универмага «Селфриджес», снимавшийся в 2013–2016 гг., когда подготовка к юбилею Первой мировой войны шла в Великобритании полным ходом. Это не помешало его создателям почти полностью «пропустить» год войны – в том числе историю о том, как жена мистера Селфриджа организовала на свои средства госпиталь и, ухаживая за ранеными,

заразилась испанкой и умерла в мае 1918 г. Ее деятельность оценивается биографами как подвиг, но этот подвиг был фактически вычеркнут из фильма, в центре которого – романтика потребления, восхваляющая и прославляющая вещи, а не высоты человеческого духа.

Прогнозы экономистов предсказывают безудержный рост потребления после окончания нынешней пандемии, что, несомненно, повлечет за собой вытеснение «неприятных» воспоминаний. И все же профессиональный интерес к испанке не угаснет – об этом свидетельствует множество диссертаций по этой теме, защищенных за последние пять лет в англоязычном мире.

### Список литературы

1. Антонюк Е. Незамеченная эпидемия: почему испанка пощадил революционную Россию. – 2020. – 24 марта. – URL: <https://ruposters.ru/news/24-03-2020/pochemu-iskanpa-poschadila-revoljucionnuyu-rossiyu> (дата обращения: 23.11.2020).
2. Большакова О.В., Кишиневский Е.В. Что и требовалось доказать: доказательная медицина сегодня : обзор зарубежной литературы // Status praesens. – 2019. – № 5 (61). – С. 41–47.
3. Газеты периода Первой мировой и Гражданской войн. – URL: <https://newspapers.historyrussia.org> (дата обращения: 23.11.2020).
4. Зотов Г. «Русских грипп не взял»: почему Россия устояла во время эпидемии «испанки» // Аргументы и факты. – 2020. – 31 марта. – URL: [https://aif.ru/society/history/russkih\\_gripp\\_ne\\_vzyl\\_pochemu\\_rossiya\\_ustoyala\\_po\\_vremya\\_epidemii\\_ispanki](https://aif.ru/society/history/russkih_gripp_ne_vzyl_pochemu_rossiya_ustoyala_po_vremya_epidemii_ispanki) (дата обращения: 23.11.2020).
5. Перуанский А. Об «испанской болезни» // Известия Народного комиссариата здравоохранения. – 1919. – № 7/8. – С. 32–33.
6. Супотницкий М.В. Пандемия «испанки» 1918–1920 гг. в контексте других гриппозных пандемий и «птичьего гриппа» // Медицинская картотека. – 2006. – № 11. – С. 31–34; № 12. – С. 15–30; 2007. – № 1. – С. 16–22. – URL: <http://www.supotnitskiy.ru/stat/stat51.htm> (дата обращения: 23.11.2020).
7. Alexander R.M. The Spanish flu and the sanitary dictatorship: Mexico's response to the 1918 influenza pandemic // The Americas. – 2019. – Vol. 76, N 3. – P. 443–465.
8. Breitnauer J. The Spanish flu epidemic and its influence on history: Stories from the 1918–1920 global pandemic. – Pen and Sword History, 2019. – XIV, 138 p.
9. Crosby A.W. America's forgotten pandemic: The influenza of 1918. – 2 nd edition. – Cambridge ; N.Y. : Cambridge univ. press, 2003. – XIV, 337 p.
10. Davis R.A. The Spanish Flu: Narrative and cultural identity in Spain, 1918. – Springer, 2013. – 255 p.
11. Dicke T. Waiting for the flu: Cognitive inertia and the Spanish influenza pandemic of 1918–19 // Journal of Hist Med Allied Sci. – 2015. – Vol. 70, N 2. – P. 195–217. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7313928/> (Дата обращения: 23.11.2020).
12. Garrett T.A. Pandemic economics: The 1918 influenza and its modern-day implications // Federal Reserve Bank of St Louis review. – 2008. – March-April. – P. 77–94.
13. Honigsbaum M. Regulating the 1918–19 pandemic: Flu, stoicism and the Northcliffe press // Medical history. – 2013. – Vol. 57, N 2. – P. 165–185. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3867839/> (дата обращения: 23.11.2020).



14. Kang J. «A thorough study of the Spanish influenza»: How Japanese party politics and ministerial conflicts reduced the pandemic // International Journal of Korean history. – 2018. – Vol. 23. – P. 55–86.
15. Kuznetsov V.A. Professor Yakov Yulievich Bardakh (1857–1929): Pioneer of bacteriological research in Russia and Ukraine // Journal of medical biography. – 2014. – August, Vol. 22, N 3. – P. 136–144.
16. Meltzer M.I., Cox N.J., Fukuda K. The economic impact of pandemic influenza in the United States: Priorities of intervention // Emerging infectious diseases. – 1999. – September–October, Vol. 5, N 5. – P. 659–671.
17. Opdycke S. The flu epidemic of 1918: America's experience in the global health crisis. – N.Y. : Routledge, 2014. – XVIII, 215 p.
18. Patterson D.K., Pyle G.F. The geography and mortality of the 1918 influenza pandemic // Bulletin of the History of Medicine. – 1991. – Vol. 65, N 1. – P. 4–21.
19. Ranger T. A historian's foreword // The Spanish influenza pandemic of 1918–19: New perspectives / Ed. by H. Phillips and D. Killingray. – N.Y. : Routledge, 2003. – P. XXX–XXXI.
20. Słomczyński S. «There are sick people everywhere – in cities, towns and villages»: The course of the Spanish flu epidemic in Poland // Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych. – 2012. – T. 72. – P. 73–93.
21. Spinney L. Pale rider: The Spanish flu of 1918 and how it changed the world. – N.Y. : Public Affairs, 2017. – VIII, 332 p.
22. The 1918–1920 influenza pandemic in Peru / Chowell G. [et al] // Vaccine. – 2011. – Jul 22; 29 Suppl. 2 : B21–B26. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3144394/> (дата обращения: 25.10.2020).
23. The Spanish influenza pandemic of 1918–19: New perspectives / Ed. by H. Phillips and D. Killingray. – N.Y. : Routledge, 2003. – XXXI, 357 p.
24. The Spanish influenza pandemic of 1918–1919: Perspectives from the Iberian Peninsula and the Americas / Ed. by María-Isabel Porras-Gallo and Ryan A. Davis. – Rochester, NY : Univ. of Rochester Press, 2014. – VIII, 282 p.
25. Witte W. The plague that was not allowed to happen: German medicine and the influenza epidemic of 1918–19 in Baden // The Spanish influenza pandemic of 1918–19: New perspectives / Ed. by H. Phillips and D. Killingray. – N.Y. : Routledge, 2003. – P. 49–57.

## **OLGA BOLSHAKOVA**

### ***SPANISH FLU (1918–1920) : UNLEARNED LESSONS***

*Abstract.* The article examines the global history of the Spanish flu pandemic, highlights the key issues of its study: the impact on the course and results of the First World War, government policy, historical memory, etc. The article outlines further prospects for research within the framework of ecohistory, which unites specialists in the field of social, humanitarian and natural sciences.

**Keywords:** the Spanish flu pandemic, 1918–1920, World War I, historical memory, ecohistory, epidemiology.



**ГОД 1917 :  
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ  
МОЗАИКА**



---

**И.К. БОГОМОЛОВ**

**ГОРОД В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ**  
**(Обзор)**

*Аннотация.* В обзоре представлены исследования российского до-революционного города, вышедшие в России и за рубежом в последние годы. Наибольшее внимание исследователей привлекают образы городов в литературе, политика памяти и организация городского пространства, межнациональные и межконфессиональные отношения, преступность и асоциальное поведение горожан, низшие слои городского общества («молчаливое большинство»). Большинство исследователей сходятся во мнении, что революция 1917 г. была во многом отражением социальных, экономических, культурных процессов в российском городе позднеимперской эпохи.

*Ключевые слова:* дореволюционный город, преступность, субалтерн, молчаливое большинство, плебейское общество, революция 1917 г., позднеимперская Россия.

В последние годы активизировались исследования российских городов в позднеимперскую эпоху. Новые тенденции связаны с выходом за устоявшиеся социальные, национальные, культурные рамки при изучении городского населения. Российский дореволюционный город все чаще рассматривается как особое пространство, «впитывающее» и «переваривающее» культуры и мировоззрения, классы и сословия, ломающее старые границы и создающее новое общество. Интерес к городам обусловлен, с одной стороны, новым всплеском исследований движущих сил революции 1917 г., а с другой – актуальностью проблемы урбанизации для России и всего мира [Глебова, 2019, с. 81].

Основное внимание по-прежнему притягивает столица империи – Санкт-Петербург. В новой статье Марк Стейнберг обратился к символической роли тумана в истории и репрезентации дореволюционного Петербурга. Туман вносил неопределенность и дезориентацию: размывал «яркие имперские синие и желтые тона столичной архитектуры», «скрывал сложившиеся иерархии и различия», вторгался в «авторитетные способы ви-

дения» и «наводил на мысль о призраках и смерти» [Steinberg, 2020, p. 750]. Болотистая местность и туманы были ландшафтом для «незатвердевшего» времени – того, что русские писатели и журналисты называли безвременьем: безвременье и смутное время, буквально «время без времени» [Ibid., p. 756]. Чувство надвигающейся гибели, иногда апокалиптическое, было особенно сильно накануне мировой войны и революции. Восприимчивость Петербурга к революции была «признаком его рокового духа обреченности, давно кипящего хаоса, который в конце концов взорвался и обрушил старую Россию, капитализм и империю» [Ibid., p. 757].

Повествуя о судьбе царских памятников в раннесоветскую эпоху, Аарон Коэн затронул и тенденции в развитии скульптуры в Москве и Петербурге в начале XX в. Он отмечает, что в позднеимперской России существовала напряженность между официальной и «гражданской» мемориальной культурой. Официальные памятники ставили имперскую власть в центр историописания, при этом династическая культура Романовых вообще исключала образованное общество и простой народ из «героических повествований» [Cohen, 2020, p. 617]. Две столицы в этом отношении выступали как наиболее мощные и последовательные альтернативы официальному дискурсу. Общественные деятели выступали, как правило, за увековечение памяти культурных лидеров и событий «образовательного, научного или антиавторитарного политического значения» [Ibid., p. 618]. Знаковые памятники эпохи – Александру III и М.Д. Скобелеву в Москве, великому князю Николаю Николаевичу-старшему в Петербурге – вызывали полярные оценки, насмешки в обществе, постоянно охранялись полицией и (что характерно) одними из первых были снесены советской властью. В целом борьба за памятники и память, отстаивание своего видения городского пространства во многом отражали политический кризис в империи. Марина Цветаева, к примеру, считала искусственным ритуал открытия в 1912 г. музея императора Александра III в Москве. Цветаева противопоставляла «живые статуи» музея присутствующим на церемонии «куклам» и «марионеткам», хотя, как отмечает Е.А. Правилова, «многие современники могли бы заметить символическое слияние неподлинного искусства с неподлинной властью» [Pravilova, 2018, p. 572].

Однако, подчеркивает Коэн, не следует эту борьбу за памятники и память сводить только к политике. В художественном дискурсе *fin-de-siècle* политика и эстетика слились в общей критике современного общества. Эстетическая критика была гораздо шире в том смысле, что она отходила от традиционной реалистической эстетики конца XIX в. Повествование, реализм и дидактизм были «анафемой» для большинства художников модерна. Для них современный художник был жрецом искусства, а искусство, как носитель вечной красоты, «могло спасти человечество от современной цивилизации, где царили уродство текущих событий,

банальность повседневной жизни и безыскусственность массового производства» [Cohen, 2020, p. 622]. С этой точки зрения только декоративное, неисторическое публичное искусство, интегрированное с городским планированием, «может превратить неестественные города в органические, жизнеутверждающие пространства». Подлинным объектом монументального искусства предполагался не скульптурный объект, а «городская совокупность улиц, зданий, парков и других аспектов общественного пространства» [Ibid., p. 623].

Все чаще историки обращаются к повседневности «молчаливого большинства» городского населения. И здесь следует особо отметить монографию И.В. Герасимова о низших слоях населения российских городов в 1906–1916 гг. Автор подчеркивает, что речь идет не о «городской бедноте», но о «субалтернах» – подчиненных группах населения, которые, как правило, выпадают из поля зрения историографии. Для российского дореволюционного города эта тема была особенно актуальна. Русская интеллигенция еще в середине XIX в. обнаружила, что «“народ” существует в своем полуизолированном мире, в значительной степени не подверженном влиянию идей образованных высших классов и неспособном выражаться на языке, понятном элите» [Gerasimov, 2018, p. 3]. Тургеневский Герасим в этом смысле – классический и наиболее популярный пример «субалтерна» – глухонемого крепостного крестьянина, который из-за конфликта с городским и мещанским миром решает вернуться в деревню. Однако, отмечает Герасимов, это могло быть лишь «временным решением для двух сталкивающихся миров – образованного меньшинства и “немых людей”» [Ibid., p. 3].

После отмены крепостного права «тысячи Герасимов» отправились в города за новыми возможностями, что вызвало изменения в составе городского населения. С 1869 по 1897 г. доля крестьян в населении Петербурга выросла с 31 до 59%. В провинции была схожая ситуация. С 1897 г. по начало 1910-х годов население Нижнего Новгорода выросло на 24% (с 90 100 до 111 600 человек), Казани – почти на 45% (со 130 000 до 188 000 человек), Одессы – на 54% (с 404 000 до 620 000 человек). Особое внимание И.В. Герасимов обращает на сезонные миграции, делавшие городское население «подвижным и недисциплинированным» [Gerasimov, 2018, p. 19]. Российским имперским городам приходилось «принимать, социализировать и аккультурировать» огромное количество людей, которые зачастую даже не говорили на общем языке: каждый третий человек был недавним мигрантом, каждый второй переехал в город за последние несколько лет [Ibid., p. 20].

Даже в этнически однородных городах (Нижний Новгород) не было «выработанных общепринятых русских правил, которые отвечали бы по-

требностям современной городской жизни» [Gerasimov, 2018, p. 58]. В связи с этим старожилы, как правило, не могли навязывать приезжим образ жизни и нормы социального поведения, не создавали барьеры в профессиональной деятельности, а часто – и в личной жизни. Представителям разных народов и конфессий приходилось договариваться о компромиссах, причем эти договоренности рождались стихийно, «снизу». Значимую роль в этом сыграло преобладание в городских обществах «плебейских социальных групп с частичным или полным отсутствием доступа к паниперской публичной сфере» [Gerasimov, 2018, p. 59]. Государство также повлияло на эти процессы, но не своей активностью, а наоборот – пренебрежением к «повседневным делам плебейского общества, независимо от этноконфессионального статуса его членов» [Ibid., p. 59].

Миграционные потоки серьезно меняли социальный облик городов. К началу XX в. в среднем от 2 до 20% городского населения было вовлечено в публичную сферу, имело доступ к «публичным дискурсам на регулярной основе» [Ibid., p. 4]. Остальные, по словам И.В. Герасимова, могли соприкоснуться с государственной политикой через бюрократию, но «не были должным образом социализированы» и «не полагались на дискурсы и текстуальность в своей повседневной жизни» [Ibid., p. 4]. Это большинство не может быть однозначно отождествлено с определенным классом, сословием, профессией, вероисповеданием и «наиболее точно определяется в самых неопределенных терминах, таких как “низшие классы” или “плебейское общество”» [Ibid., p. 4].

Субалтерны, естественно, не были полностью чужеродным элементом, напротив, их жизнь была тесно увязана с существовавшей социальной иерархией и общественными отношениями. При ближайшем рассмотрении эта кажущаяся однородной масса превращается в «высокодифференцированную социальную среду с установленной иерархией, простирающейся от нищих на одном конце до продавцов и мелких чиновников на другом» [Ibid., p. 20]. Месячный заработок субалтернов составлял от 30 до 50 рублей в зависимости от рода занятий. Это ограничивало выбор жилья, выбор одежды, влияло на рацион питания. Тяжелая работа (часто – по 12–15 часов в день) и тяжелые условия быта сказывались на социальном поведении, формах досуга и межличностных отношениях. Самым распространенным развлечением было «сочетание простых плотских радостей еды, обильного питья и секса», субалтерны «предпочитали потреблять те товары, которые можно было испытать немедленно и самым непосредственным образом» [Ibid., p. 23]. Вместо того чтобы подражать «этике жизни и труда среднего класса», субалтерны укрепляли узы родства и дружбы, чаще всего – по этноконфессиональным и социальным линиям. Социальные



знания и личные контакты стали «доминирующей формой капитала – гораздо более важной, чем финансовые активы» [Ibid., p. 80].

Тем не менее у субалтернов не было и не могло быть чувства общей солидарности, не было способа сформулировать свою общность и свои интересы. Здесь, по мнению И.В. Герасимова, требуется фундаментальное переосмысление городского образованного общества. Многие социальные группы, которые «выглядели как мелкая буржуазия (или средний класс) и подражали многим аспектам буржуазного образа жизни, на самом деле имели больше общего с недавними мигрантами из сельской местности, чем с городскими малообеспеченными, но социально активными группами» [Gerasimov, 2018, p. 54]. Герасимов отмечает важность интерпретации «языка тела» как литературного текста, послания субалтернов. Важно, чтобы «перевод» языка тела восстанавливала «субъектность» субалтерна, а не сделанные со стороны выводы о них. Задача эта непростая уже потому, что подавляющее большинство имеющихся источников о повседневной жизни субалтернов составлены не ими самими.

Неизбежное искажение их мыслей и речи И.В. Герасимов предлагает решить за счет более пристального анализа источников о преступлениях. По его мнению, «преступность... открывает уникальное окно в социальные практики как особый язык самовыражения и саморепрезентации, не опосредованный традиционными институтами и не скрытый доминирующими общественными дискурсами» [Ibid., p. 9]. Городская преступность является массовым и доступным историческим источником повседневного жизненного опыта людей, выведенных «за пределы дискурсов». Для решения этой задачи автор обращается к полицейским отчетам, судебным протоколам, криминальным хроникам в прессе за 1906–1916 гг. Используются материалы не столичных, но крупных городов: Казани, Нижнего Новгорода, Одессы, Вильно. На рубеже веков уровень преступности в России неуклонно повышался, и роль городов в этом росте несомненна. Однако давать оценки следует осторожно, так как не всегда можно найти статистику по преступности в конкретном городе. Нужно учитывать и более широкий контекст, например – при анализе преступности в Нижнем Новгороде. Нижегородская ярмарка привлекала десятки тысяч посетителей, ежемесячный уровень преступности удвоился или даже утроился, что отчасти объясняло, почему город занимал первое место в криминальной статистике [Ibid., p. 60].

Криминальная хроника до сих пор недооценена как источник главным образом из-за господствующего фокуса в сторону самого преступного деяния. Между тем именно на рубеже XIX–XX вв., на фоне быстрого роста печати, криминальная хроника стала одной из важнейших рубрик в ежедневных газетах. Сами того не желая, составители криминальных хро-

ник открывали самые разные стороны городской повседневности и социальных практик, чем оказали историкам большую услугу. Как отмечает И.В. Герасимов, «никто не заботился о документировании повседневных взаимоотношений торговых работников разного этноконфессионального происхождения, пока кто-то из них не совершал преступление» [Gerasimov, 2018, p. 12]. Ценность документов полиции проявилась и в их неожиданной сдержанности и нейтральности. Занятые работой, сыщики обычно не имели сил и времени на поиск глубинных причин преступления. Чтобы преуспеть в работе, сыщики «должны были действовать рационально-последовательно, весь комплекс иррациональных (эмоциональных, психологических, идеологических) чувств очень редко оказывал влияние на их документирование инцидентов» [Ibid., p. 33]. В сущности, то же касалось и самих субалтернов. Идея нации как воображаемой общности могла существовать только в публичных дискурсах. Для «плебейского общества» национальность мало затрагивала повседневность, за исключением случаев ограничения свободы проживания, политических и гражданских свобод.

Для субалтернов определение преступника (и шире – «Другого») также имело большое значение. И.В. Герасимов отмечает, что способность и потребность в идентификации «Другого» зависела от того, насколько пестрым и разнородным был состав городского населения. В Казани русское население было склонно к изображению татар как «особо склонных к насилию». В Нижнем Новгороде татары составляли незначительное меньшинство и были сильнее аккультурированы, а местное русское население «не обладало достаточными знаниями о татарах, чтобы приписать им какую-либо заметную роль» [Ibid., p. 63]. Совершенно иначе проявлялось самосознание русских в обоих городах. В Нижнем Новгороде, где 94% населения считало русский родным языком, крайне слабо проявляло себя националистическое движение, а местное отделение Союза русского народа в 1909 г. насчитывало менее двух десятков человек. Напротив, в Казани после 1905 г. появилось четыре монархических и националистических организации с сотнями активистов, регулярно проводились митинги, была популярна националистическая печать (к примеру, газета «Казанский телеграф») [Ibid., p. 63]. Разница видна и в социальном составе националистов и монархистов: если в Нижнем Новгороде ими были по большей части крестьяне, мелкие чиновники, торговцы и духовенство, то в Казани националистами руководили профессор местного университета В.Ф. Залесский и журналист Н.А. Ильяшенко. После октябрьского манифеста 1905 г. Нижний Новгород был одним из немногих крупных имперских городов, где не было крупных беспорядков, в то время как в Казани произошли серьезные столкновения между революционерами и монархистами, вылившиеся затем в погромы.

Тем не менее некорректно говорить о высокой степени «политизации этничности» даже в Казани, так как националистический дискурс (особенно в «мирное» время) почти не выходил за пределы образованного общества [Gerasimov, 2018, p. 67]. Для субалтернов национальность на практике была не самым важным критерием для отношения к «Другому». В источниках неоднократно встречаются примеры как вражды, так и взаимопомощи русских, татар, евреев в самых разных жизненных обстоятельствах [Ibid., p. 75, 76]. Чаше возникали иные обстоятельства, создававшие конфликты, мешавшие экономическим и личным связям. И это касалось не только национальных меньшинств. Даже в Нижнем Новгороде «кажущаяся самоочевидной русскость населения стала проблематизироваться его традиционной ассоциацией с религией» [Ibid., p. 77]. Значительное присутствие старообрядцев в городе делало браки между ними и православными нередкими, но связанные с этим формальности были настолько сложными, что иногда приводили к судебному преследованию. Нередко два «чисто русских» человека имели почти столько же хлопот, вступая в брак друг с другом, как русский и татарка. С другой стороны, постоянное взаимодействие создавало «фактическое табу на любую практическую этническую дискриминацию и растущее знание о “Другом”» [Ibid., p. 78]. Это знание производилось на всех уровнях: в личном общении, в печати (заметки в русскоязычных газетах о татарской жизни). «Плебейское общество» плохо себе представляло национальные различия, выражая отношения по большей части через язык тела: совместное пьянство (сочувствие), драка (враждебность) и т.д. При доминировании в городском населении субалтернов социальная сфера «базировалась на релятивизации конфессиональных границ (а значит, и идентичностей), инстинктивно отдавая предпочтение универсализирующим категориям европейской современности» [Ibid., p. 79].

В Вильно сложилась совершенно особая ситуация, отличная от поволжских городов. Несмотря на свою репутацию старомодного, тихого и патриархального городка, Вильно на рубеже веков оказался в центре нескольких национальных движений (литовского, польского, русского и еврейского), в нем активно развивались социал-демократические организации. Если в демократичной Одессе евреи были «материалистичны» и в значительной степени маргинализированы, то Вильно «мог похвастаться еврейской интеллектуальной жизнью» [Sicher, 2015, p. 226]. Причину такого парадокса И.В. Герасимов усматривает в «демонстративно патриархальном способе повседневных взаимодействий» в Вильно. Язык патриархальности как социальной практики сформировал публичные дискурсы об «архаизме и остановке развития», что способствовало «минимизации конфликтного потенциала современных идеологий классового и национали-

стического толка» [Gerasimov, 2018, p. 86]. Однако с крушением имперского порядка эта архаичная стабильность достаточно быстро сменилась острой политической борьбой и этническими чистками.

Важным и недостаточно исследованным источником по истории городского населения являются доносы. Их гораздо сложнее найти в архивах, тем более – установить их авторов и подоплеку написания. Тем не менее эти письма могут показать «взгляды и стремления, которые в противном случае очень редко записываются на бумаге членами плебейского общества». Более того, найти подлинный «плебейский» публичный дискурс было бы равносильно фальсификации всей концепции субалтерности, «как если бы тургеневского Герасима поймали поющим арию, когда он плыл из Москвы в лодке с Муму» [Gerasimov, 2018, p. 34]. Анонимные письма позволяли субалтернам сохранять свою анонимность и служили редкой возможностью выразить внутренние желания и страхи. Это дает весомый повод говорить о плебейской культуре как о культуре, «заимствовавшей понятия и условности высокой (аристократической или мещанской) культуры, но помещавшей их в свой особый социальный контекст, приспособлявая их к своим собственным потребностям и культурному горизонту» [Ibid., p. 52].

Особенно характерными «анонимки» были в Одессе, где развился целый феномен «эпистолярного терроризма»: богатые люди получали угрозы расправы в случае, если они не дадут деньги «в пользу голодающих» или на «дело революции» [Ibid., p. 36]. В большинстве случаев это был шантаж с целью наживы, плохо подготовленный и быстро раскрывавшийся полицией. В одесских письмах нельзя найти «ни единого связанного дискурсивного пространства, ни единого общего языка для передачи смысла и интересов, ни единого обоснования написания» [Ibid., p. 45]. И.В. Герасимов отмечает, что основная часть таких писем совпала по времени с введением в Одессе военного положения. И чем дальше уходила революция 1905 г., тем сильнее в «анонимках» проявлялось влияние средств массовой информации и массовой культуры: письмам часто придавался вид деловой переписки, они составлялись под влиянием героев популярных детективных романов (Нат Пинкертон, Ник Картер, Арсен Люпен и др.). Вымогатели все реже делали вид, что преследуют политические цели, а само написание анонимных писем «было оторвано от практических действий (кроме сбора денег)» [Ibid., p. 44]. И.В. Герасимов приходит к выводу, что символическое насилие стало «продуктом столь же символической сферы народного воображения, обрамленной прессой, чисто риторическим приемом со своей логикой и языком», мастерски воспроизведенным позднее Исааком Бабелем [Ibid., p. 38].

Пример Одессы и одесских «анонимок» показывает, что политическая мотивация играла незначительную роль в жизни плебейского обще-

ства, являясь скорее ширмой для личных и вполне приземленных интересов. С другой стороны, недооценивать политическую мотивацию тоже не стоит. Прежде всего она позволяла высвободить накопленные эмоции и энергию, была удобным поводом для социального действия. В этом смысле вполне логично, что принцип прямого действия (*action directe*) стал «доминирующим в сфере российской массовой политики» после 1905 г. [Gerasimov, 2018, p. 108]. Не случайно в этот период в российских городах появилось множество экстремистских группировок, не относивших себя ни к одной партии, имевших расплывчатые политические взгляды, но проповедовавших принцип прямого действия. Развернувшийся в 1905–1906 гг. террор (в 1906 г. в России в среднем каждый день от рук террористов погибало 8–9 человек [Ibid., p. 109]) в значительной степени был стихийным и почти не имел четко выраженной экономической, политической или этноконфессиональной основы. Вопрос о том, были ли эти боевики преступниками или революционерами, не имеет большого значения, так как их действия чаще всего служили специфическим языком самовыражения для «преимущественно недискурсивных плебейских социальных групп, которые отбирали элементы доступных тропов и дискурсов, предоставляемых публичной сферой среднего класса» [Ibid., p. 113].

В отличие от одесситов, жители Вильно отправляли «анонимки», как правило, не друг другу, а в органы власти и в полицию, донося о притонах, подпольных домах терпимости, незаконном хранении оружия. Практически все виленские письма содержат призыв к властям покарать асоциальное поведение и восстановить общественное спокойствие. Причины И.В. Герасимов усматривает в разной степени гомогенизации населения двух городов. Более стабильное и однородное население Вильно рассматривало донос властям и как свой естественный долг, и как способ сведения личных счетов. В Одессе население не видело в государстве единственного арбитра, одесситы не использовали правительственные учреждения для разрешения личных конфликтов. В виленском же варианте «анонимок» видны предтечи советской «культуры доносов» [Ibid., p. 113].

Особый случай Вильны проявлялся и в проблеме проституции. В России вплоть до начала XX в. не было единого законодательства о проституции, были лишь отдельные распоряжения местных властей, часто противоречившие друг другу. Власти, включая полицию, «в основном импровизировали регулирование проституции в каждом городе» [Ibid., p. 92]. На практике это означало сохранение молчаливого статус-кво, особенно в таких квазипатриархальных городах, как Вильно. Общественное порицание проституток сильно зависело от места рождения: стыдно было прослыть проституткой в родном селе или городе, но в других местах уже не

представляло большой проблемы. Проституция не всегда была уделом «беднейших, наиболее угнетенных, неразборчивых в связях или морально деградировавших женщин» и во многом отражала взрывной рост женской миграции в крупные города [Gerasimov, 2018, p. 94]. Некоторые чередовали проституцию с другими профессиями (например, горничными), в то время как другие выходили замуж и продолжали зарабатывать на проституции в качестве менеджеров и владельцев борделей [Кончаковская, 2020, с. 76]. С точки зрения экономической эксплуатации женщин проституция являлась «наиболее прибыльным вариантом неквалифицированного женского труда» [Gerasimov, 2018, p. 104].

В той или иной степени услугами проституток пользовались представители всех слоев населения, но в основном это были представители «плебейского общества». Не случайно наибольшее развитие проституция получала в крупных городах, экономических центрах, притягивавших мигрантов из деревень [Ibid., с. 76]. Объяснение причин «падения» в полицейских отчетах и прессе сводилось к обвинению самих женщин, а также не уследивших родственников. Как отмечает С. Хирн, эта распространенная трактовка позволяла властям «игнорировать важнейшие экономические и социальные обстоятельства, которые способствовали широкому распространению проституции» [Hearne, 2020, p. 191]. Основное внимание было сосредоточено на выявлении лиц, зарабатывающих на нелегальной проституции через незарегистрированные бордели. Для городских властей это была существенная потеря доходов, поскольку они должны были «сами собирать средства для надзора за городской проституцией и практически не получали финансовой поддержки от центрального правительства» [Ibid., p. 191].

Вопросы морального осуждения и даже преступности проституции возникали только в официальном дискурсе. Напротив, в плебейском обществе сексуальность воспринималась в «терминах индивидуальных побуждений, регулируемых традиционными нормами и управляемых локально принятыми социальными практиками» [Gerasimov, 2018, p. 96]. Именно поэтому, хотя Вильно не был свободен от проституции, он все равно воспринимался в народе как местечковый и тихий город, тогда как Одесса всегда играла роль «города грехов». Причина крылась в том, что в Вильно не было «развитой сферы сексуальных дискурсов и образов, а в Одессе – была» [Ibid., p. 96]. Морально осуждаемая и юридически стигматизированная в публичном дискурсе проституция во многих аспектах была «неотличима от других привычных социальных практик», например – сожительства или алкоголизма [Ibid., p. 96]. К началу Первой мировой войны большая часть образованной элиты призывала к закрытию всех публичных домов, имеющих государственную лицензию, и полной отмене регулирования [Hearne, 2017, p. 103]. Война лишь усугубила проблему:

многомиллионная армия переносила социальные практики городов на свою фронтальную повседневность, с чем власть уже не могла эффективно бороться.

Преступность вообще имела довольно размытые границы в массовом сознании субалтернов. Нормы поведения, обычаи зачастую играли большую роль, чем даже унифицированные имперские законы. Это не значило, что субалтерн не подчинялся законам, напротив – он мог их даже чтить и благоговеть перед представителями власти. Однако знание о законе и наказании за преступление далеко не всегда было равнозначно оценке преступления как такового. В конкретных условиях человек встречался с новым социальным порядком, который «не может быть полностью понят в категориях старого общинного традиционализма и правового кодекса старого режима» [Gerasimov, 2018, p. 148]. Неудивительно, что в разных обстоятельствах (и в разных городах) фактически один и тот же социальный сценарий мог стать приемлемым или неприемлемым. Социальное положение в этом смысле играло минимальную роль. Когда речь шла о преступлении, «плебейское общество» относилось к представителям высших классов «в соответствии с их практикой социализации, без всякого уважения к официальным различиям» [Ibid., p. 157].

Другим ярким примером размывания старого социального порядка стал кризис контроля над населением через систему документов. Либерализация паспортной системы после революции 1905 г. привела к тому, что государство не могло справиться с возрастающей миграцией в города. Рынок поддельных документов процветал, так как давал полноценную альтернативу затратному и долгому оформлению по официальным схемам [Бойцова, 2014, с. 115]. Расширение сферы нелегальности было вызвано не столько противостоянием старому порядку, сколько неспособностью власти предложить работающие схемы решения проблем. Это касалось и института семьи, который постепенно размывался по мере увеличения миграции. Тысячи женатых мужчин путешествовали за сотни и тысячи километров от дома, вступали в городах во внебрачные отношения и уже «сами решали, поддерживать ли тесные контакты и регулярно ли делиться своими заработками с семьями» [Gerasimov, 2018, p. 165]. Популярность брачных объявлений в газетах демонстрировала небывалую доселе готовность «доверять совершенно незнакомым людям в самых важных личных отношениях» [Ibid., p. 169].

В целом в российских городах на рубеже веков происходил «процесс перманентной самоорганизации», что способствовало постепенной «интеграции различных плебейских групп и слоев населения в единое социальное пространство города» [Ibid., p. 149]. Со временем это должно было привести к развитию массового общества, размывающего старые

границы и условности. Это было «больше, чем статистика, скопление абстрактных чисел: живые люди собирались вместе, чтобы создать реальные толпы» [Gerasimov, 2018, p. 150]. Первая мировая война позволила плебейскому обществу интегрироваться в «политическую нацию, навязывая нормативный дискурс или, скорее, идеологический канон» [Ibid., p. 132].

И.В. Герасимов отмечает, что история позднеимперского города позволяет переосмыслить и революцию 1917 г. С его точки зрения, давно назрело обсуждение 1917 г. как «имперской революции», которая «разрешила некоторые затруднения империи, а не привела к ее концу» [Ibid., p. 173]. Если рассматривать революцию под таким углом, то становится более понятно, откуда берутся «новые люди», как они получают голос и доступ к информации и власти. В позднеимперском «плебейском обществе» насилие не в полной мере высвобождало свою разрушительную силу, способную раскалывать общины или мобилизовывать одну группу против другой. Таким образом, привычная терпимость к насилию и низкий порог его развязывания привели к «поистине ужасным последствиям» [Ibid., p. 132]. Октябрьский переворот удался большевикам во многом благодаря их умению говорить на языке прямого действия. Это позволило достучаться до большинства в городах, которое было менее подвержено абстрактной риторике революционных партий. Большевистский режим развил основные тенденции, зародившиеся в «плебейском обществе», и «уничтожил патрицианскую часть двойной социальной конструкции (включая буржуазную этику), превратив, таким образом, плебейскую культуру в доминирующую форму» [Ibid., p. 188].

### Список литературы

1. Бойцова Ж.А. К вопросу об истории развития российского законодательства об уголовной ответственности за подделку документов // Вестник Московского университета МВД России. – М., 2014. – № 6. – С. 111–116.
2. Глебова И.И. Петербург-XX : о городе и революции // Россияведение. В поисках утраченного времени : сб. науч. тр. – М. : ИНИОН РАН, 2019. – С. 81–122.
3. Кончаковская Н.Б. Проституция в городской повседневности Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. – Пермь, 2020. – № 2. – С. 67–79.
4. Cohen A.J. The Limits of Iconoclasm. The Fate of Tsarist Monuments in Revolutionary Moscow and Petrograd, 1917–1918 // City. – 2020. – Vol. 24, N 3/4. – P. 616–626.
5. Gerasimov I. Plebeian Modernity. Social Practices, Illegality, and the Urban Poor in Russia, 1906–1916. – Rochester : University of Rochester Press, 2018. – 275 p.
6. Hearne S. Sex on the Front : Prostitution and Venereal Disease in Russia's First World War // Revolutionary Russia. – 2017. – Vol. 30, N 1. – P. 102–122.
7. Hearne S. Prosecuting Procurement in the Russian Empire // Journal of Social History. – 2020. – Vol. 54, N 1. – P. 185–209.
8. Pravilova E. The Trouble with Authenticity : Backwardness, Imitation, and the Politics of Art in Late Imperial Russia // Journal of Modern History. – 2018. – Vol. 90, N 3. – P. 536–579.



9. Sicher E. Odessa Time, Odessa Space : Rethinking Cultural Space in a Cosmopolitan City // Jewish Culture and History. – 2015. – Vol. 16, N 3. – P. 221–241.
10. Steinberg M. Ghostly Fogs in a Decaying Empire : Disoriented and Melancholy Experience in Russia's Metropole // Cultural Studies. – 2020. – Vol. 34, N 5. – P. 747–762.

## IGOR BOGOMOLOV

### *CITY IN LATE IMPERIAL RUSSIA*

***Abstract.** The review presents studies of the Russian pre-revolutionary city published in Russia and abroad in recent years. The most attention of researchers is drawn to the images of cities in literature, the politics of memory and the organization of urban space, interethnic and interfaith relations, crime and antisocial behavior of citizens, the lower strata of urban society («silent majority»). Most researchers agree that the Russian revolution was largely a reflection of social, economic, and cultural processes in late Imperial Russia.*

***Keywords:** pre-revolutionary city, crime, subaltern, silent majority, plebeian society, Russian revolution, late Imperial Russia.*

**И.К. БОГОМОЛОВ**

***РЕЦ. НА КН. : РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА  
И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ XX ВЕКА***

Среди многочисленных научных конференций, приуроченных к столетию революции 1917 г., можно выделить несколько центральных: с представительным составом участников, широким охватом поднятых тем, выдвижением новых подходов, концепций и целых направлений. К их числу, безусловно, относится международная конференция «Российская революция 1917 года и ее место в истории XX века», проходившая 27–28 сентября 2017 г. в Москве, в МГИМО и ИВИ РАН [Конференция «Российская революция...». В ней участвовали более 100 зарубежных ученых из 31 страны; обсуждались важнейшие вопросы истории революции – предпосылки, хронологические рамки, периодизация, революционные процессы на окраинах бывшей Российской империи. Значительная часть докладов (прежде всего зарубежных исследователей) была посвящена влиянию российской революции на развитие различных стран и регионов.

В 2018 г. вышел сборник статей, в котором представлены в основном материалы второго дня работы конференции (проходил в главном здании Российской академии наук). Поэтому в издание не вошли некоторые чрезвычайно важные доклады – например, Эрика Лора («Революция 1917 г. как демобилизация и государственный коллапс»)<sup>1</sup> и Дитриха Байрау («Подтексты марксизма-ленинизма в революции, гражданской войне и в период построения социализма») [Международная научная конференция...]. Однако и без того состав авторов – весьма представительный: А.В. Торкунов, А.О. Чубарьян, Ю.А. Петров, А.В. Шубин, А. Рабинович, В. Страда, Р. Валле, Р. Ленгвольд и многие другие известные историки. Основная часть материалов сборника (как и самой конференции) сфокусирована на проблематике зарубежного восприятия революции 1917 г., ее влияния на мировые политические, экономические, социальные процессы. В этом – принципиальное отличие от другой важнейшей конференции

---

<sup>1</sup> Статья Э. Лора на эту тему (в соавторстве с Дж. Санборном) вышла в специальном выпуске журнала «Slavic Review», посвященном столетию революции [Lohr, Sanborn, 2017].

юбилейного года: «Великая российская революция: Сто лет изучения», (октябрь 2017 г.), в центре внимания которой были Россия и российское общество в революционную эпоху [Великая российская революция, 2017]. Кроме того, в названии рецензируемого сборника российская революция не именуется «великой» (притом что в заголовках разделов и публикуемых статьях этот термин встречается) и по-прежнему датируется 1917 г., что, конечно, объяснимо: это – наивысшая точка революции, связующее звено в ее историописании.

Материалы в рецензируемом сборнике сгруппированы по четырем разделам: «Общие вопросы», «Великая российская революция и другие страны», «Восприятие Великой российской революции» и «Латинская Америка». Сама схема систематизации вызывает некоторые вопросы. Так, в тематическом отношении чрезвычайно близки второй и третий разделы издания – речь в обоих случаях идет о восприятии революции в разных странах и регионах мира, об отношении к ней различных политических сил. Поэтому, к примеру, статьи, посвященные реакции на российскую революцию в Испании, оказались и во втором, и в третьем разделах. Не вполне оправдано выделение в особый раздел латиноамериканской проблематики: статьи из него вполне могли быть включены во второй или третий тематические блоки. Однако в целом замысел сборника – от общих рассуждений о российской революции до ее восприятия в отдельных регионах – представляется достаточно логичным.

Раздел «Общие вопросы» открывает статья А.В. Торкунова о значении Великой российской революции для мировой истории XX в. Автор отмечает, что советская концепция двух революций – Февральской и Октябрьской – «глубоко антиисторическая»: искусственно ограничивает исследовательские рамки и подпитывает политизацию уже далеких исторических событий. В этом смысле «очевидной стала польза перехода к интерпретационно более богатой концепции Великой российской революции», включающей в себя и Февраль, и Октябрь, и Гражданскую войну. Она «может иметь и известный “оздоравливающий” социальный эффект, способствуя примирению людей разных политических взглядов» [Российская революция..., 2017, с. 10]. Эту позицию поддержал Ю.А. Петров, указав на пользу нового термина для науки – в постсоветскую эпоху «намечалось формирование диалогического, но единого историографического пространства», объединяющего российских и зарубежных историков [Российская революция..., 2018, с. 28].

По мнению А.В. Торкунова, «величие» революции состоит в ее влиянии на мировую историю. «Обернувшись трагедией для наших соотечественников», российская революция дала «импульс национальной эмансипации», стала «мощным катализатором подъема к сознательной

политической жизни народов колониальных и полуколониальных стран». Под ее идейным влиянием утвердились те принципы политического, социального, экономического устройства, которые «затронули, пожалуй, каждый народ, каждое государство Запада и Востока» [Российская революция..., 2018, с. 14]. Западное социальное государство, «общая демократизация» мировой политики во второй половине XX в. – вот главные последствия нашей революции. Наконец, важнейший ее итог – появление на карте мира СССР: глобальной сверхдержавы – стабилизирующего фактора, позволившего избежать новых мировых войн.

Более подробно концепцию «Великой российской революции» проанализировали А. Рабинович и А.В. Шубин. Говоря об эволюции своих исследовательских взглядов, А. Рабинович признал, что больше не считает Июльский кризис власти прелюдией к «настоящей» – Октябрьской – революции. В его нынешней интерпретации Февраль, Октябрь, разгон Учредительного собрания и Гражданская война «представляют собой критически важные этапы глубокого политического и социального процесса» [там же, с. 56]. А.В. Шубин, в свою очередь, указал, что революция не может уместиться в несколько дней февраля-марта или октября 1917 г. Революция – «не любой конфликт, а лишь такой, в центре которого оказываются принципы организации данного общества, его системообразующие структуры» [там же, с. 57]. В этом смысле Февраль и Октябрь, а также деятельность Временного правительства, Гражданская война и интервенция суть ее элементы. Кроме того, в качестве отдельного этапа А.В. Шубин выделяет «третью революцию» (1920–1921) – период, когда достигли пика крестьянские волнения и произошло Кронштадтское восстание. Формальным же окончанием Великой российской революции автор считает восстановление российского государства в его новой «оболочке» – СССР. По его мнению, в России «установился своеобразный бюрократический капитализм, но правящая партия стремилась на его основе создать новое социалистическое общество» [там же, с. 72].

Среди прочего, революция в России рассматривается в рецензируемом сборнике в сравнении с революционными событиями в других странах. Так, в фокусе внимания Роберта Ленгвольда – две революции: российская и Великая французская. Революция во Франции была подавлена внешними силами и формально завершилась после поражения Наполеона. Но «идеи, идеалы и общественные инструменты, возникшие в ходе этой революции, продолжали влиять на интернациональный миропорядок на протяжении всего XIX в., в XX в. и даже до сих пор». Напротив, воздействие российской революции, столь сильное в XX в., «самоликвидировалось» (сошло на нет) вместе с ослаблением идеологического противостояния в холодной войне. Выдвигая столь спорный тезис, Р. Ленгвольд тем не менее ставит российскую революцию в ряд «исторических», изменивших

не только политическое и общественное устройство, но также «форму и динамику международных отношений» [Российская революция., 2018, с. 106].

В некоторых статьях эта тема анализируется в иной плоскости: как те или иные политики понимали значение российской революции и открытые ею перспективы. К примеру, китайские историки Ван Ю и Ван Сяоцзюй указывают на большое сходство между Октябрьской революцией<sup>1</sup> и Китайской 1925–1927 гг. Иной исход – поражение китайской Коммунистической партии – был, по мнению авторов, обусловлен разгромом в ВКП(б) левой оппозиции, которая якобы лучше видела перспективы китайской революции. Поражению революции способствовали вполне конкретные персонажи: Чан Кайши («китайский Корнилов»), идеолог Гоминьдана Дай Цзитао («китайский Миллюков»), генералы Фэй Юйсян и Тан Шэнчжи («сравнимы с Калединым или Деникиным»), председатель национального правительства Ван Цзинвэй («играл роль... Александра Керенского») [там же, с. 111].

Ряд статей посвящен истории Финляндии в революционную эпоху. А.Ю. Бахтурина подчеркивает противоречивость и непоследовательность финляндской политики Временного правительства, которая во многом зависела от политической борьбы в Финляндии и ситуации в самой России. Его попытки силой подавить активность финляндского Сейма не увенчались успехом; нахождение в великом княжестве русской армии не встречало сочувствия местного населения. К лету 1917 г. стало совершенно очевидным движение Финляндии к независимости [там же, с. 202]. По мнению Т.В. Андросовой, революция 1918 г. потерпела поражение из-за активного вмешательства Германии и слабой военной организации «красных». Окончательно социально-политический конфликт в Финляндии «удалось преодолеть только в 1960-е годы, когда был положен конец взаимным обвинениям, были поставлены памятники и белым, и красным участникам событий», указывает исследовательница [там же, с. 212].

Восприятие российской революции в Испании – в центре внимания сразу трех работ, помещенных в рецензируемом сборнике. Причем во всех случаях авторы фокусировались на Октябре, вызвавшем наибольший интерес испанских левых и правых. Левым, как отмечает Крис Илэм, 1917 год давал основания надеяться на создание «нового, лучшего мира». Однако, как только Испании достигли сведения о репрессиях большевиков против русских анархистов, «испанские анархо-синдикалисты (самые восторженные и многочисленные сторонники Октябрьской революции) немедленно заняли четкую антикоммунистическую позицию» [там же, с. 168–169].

---

<sup>1</sup> Под этим термином в китайской историографии зачастую «скрывается» вся российская революция.

Для испанских правых антикоммунистические настроения стали основой политической тактики и стратегии. Страх перед «красной опасностью» усиливал боязнь «не только радикальных перемен, но даже постепенных, которые отныне рассматривались (на примере Керенского) как рискованное безрассудство, способное лишь расчистить путь революции» [Российская революция..., 2018, с. 169]. К. Илэм считает, что именно эти настроения привели в 1930-е годы к Гражданской войне. В свою очередь, Жозеп Пучсек Фаррас указывает на то, как по-разному воспринималась российская революция в различных регионах Испании. В Каталонии, например, Октябрь находил поддержку в городских слоях и был непопулярен в сельской местности. Во многом именно это помешало распространению «большевистского трехлетия» с юга страны в Каталонию [там же, с. 180]. Наконец, Магдалена Гарридо Кабальеро пишет о том, какой большой интерес Советская Россия вызывала у испанских журналистов и путешественников в 1920–1930-е годы. Во многом их привлекал опыт строительства социалистического государства; отношение же к нему зависело от политических воззрений авторов – воззрений, предопределивших поляризацию настроений в Испании к началу 1930-х годов [там же, с. 250].

Реакция испанского общества на российскую революцию исследуется давно и подробно. Гораздо реже в этом контексте упоминается Ирландия, где борьба за независимость совпала по времени с революционной эпохой в России. Е.Ю. Полякова в своей статье отмечает, что Октябрьская революция «вызвала большой энтузиазм» у ирландских социалистов. Для них «не было большой разницы между царским и Временным правительствами, тогда как большевики с их антивоенной политикой и поддержкой национального самоопределения казались близкими к идеям Шинн Фейна» [там же, с. 252]. Забастовка в Лимерике («Лимерикский совет») в апреле 1919 г. стала крупнейшим достижением ирландского рабочего движения, однако массовой поддержки не получила. После Лимерика именно национализм «оставался движущей силой ирландской революции» [там же, с. 257].

Отношение зарубежных политиков к большевистской революции зачастую менялось с положительного и осторожного к резко отрицательному. Тем не менее реалии послевоенной международной политики вынуждали идти на контакт с новым правительством в Москве. С.В. Листиков указывает, что администрация президента В. Вильсона к концу Гражданской войны была вынуждена смириться с новой расстановкой сил в России. С 1917 г. большевики «приучали президента и его окружение к мысли о возможности своего появления во власти, восприятию себя как серьезной, все более состоявшейся силы, способной бросить вызов... “коллективному Западу”» [там же, с. 268]. Для чилийского революционера-социалиста Луиса Эмилио Рекабаррена Октябрьская революция стала

величайшим историческим событием, однако линия большевиков на подавление всякой оппозиции вызывала у него большие сомнения. В своих поздних статьях (середина 1920-х годов) Рекабаррен настаивал на необходимости активнее участвовать в избирательных процессах [Российская революция., 2018, с. 304]. Эти призывы удалось реализовать только в 1930-е годы, когда чилийская компартия взяла курс на «политические союзы, легальную деятельность и парламентаризм» [там же, с. 337]. Как отмечает А.А. Щелчков, этому способствовала и новая тактика Коминтерна – создание широких антифашистских коалиций (Народных фронтов) [там же, с. 347].

Паола Чони указывает на глубокий религиозный контекст в символике российской революции. Марксизм и большевизм не были в этом смысле первопроходцами; феномен «превращения политики в религию» имел место и ранее. Однако в Советском государстве нашли себе место и богоборчество в лице марксизма, и фактическое богостроительство через культы вождей – «две формы “мирских религий”, давших глобальное объяснение картины мира и обещавших достижение коллективного спасения» [там же, с. 122].

В заключение отметим статью И.А. Кукушкиной о «красной Вене» в 1919–1934 гг. – времени, когда австрийской столицей управляли социал-демократы. Автор приходит к выводу, что городское благоустройство Вене удавалось лучше, чем Москве. Несмотря на схожие стартовые условия после Первой мировой войны, австрийские социал-демократы создали в городе более эффективную систему социального обеспечения, здравоохранения, развернули гораздо более массовое жилищное строительство, значительно улучшили собираемость налогов. При этом, в отличие от советских коммунистов, «никогда не утверждали, что программные цели построения социализма ими достигнуты» [там же, с. 279].

В целом рецензируемый сборник затрагивает множество сюжетов, связанных с российской революцией. Его главной особенностью и несомненной сильной стороной является обращение к теме международного значения революционных событий. Фактически мы возвращаемся к подзабытому разговору о «всемирно-историческом значении» революции, но в новой, деполитизированной форме. Отказ от идеологии, безусловно, расширяет пространство для интерпретаций, позволяет теснее взаимодействовать отечественным и зарубежным историкам. Тем не менее сам термин – «Великая российская революция» – по-прежнему нельзя назвать общепризнанным. Что и демонстрирует данный сборник: его авторы по-разному понимают и трактуют российскую революцию. Сейчас эта концепция является своего рода ширмой, прикрывающей старые споры. Это,

однако, никак не гарантирует от их возобновления – в случае очередного изменения социально-политической конъюнктуры.

### Список литературы

1. Великая российская революция, 1917: 100 лет изучения. Материалы Международ. науч. конф. (Москва, 9–11 октября 2017 г.). – М. : ИРИ РАН, 2017. – 806 с.
2. Конференция «Российская революция 1917 г. и ее место в истории XX века». – URL: <https://mgimo.ru/about/news/conferences/conf-rossiyskaya-revolutsiya-1917/> / (дата обращения: 25.12.2020).
3. Международная научная конференция «Великая российская революция 1917 года : Сто лет изучения». – URL: [https://shm.ru/issledovatelyam/conf\\_calendar/10720/](https://shm.ru/issledovatelyam/conf_calendar/10720/) (дата обращения: 25.12.2020).
4. Российская революция 1917 года и ее место в истории XX века : сб. статей. – М. : Весь Мир, 2018. – 352 с.
5. Lohr E., Sanborn J. 1917 : Revolution as Demobilization and State Collapse // *Slavic Review*. – 2017. – Vol. 76, N 3. – P. 703–709.



**И.К. БОГОМОЛОВ**

***РЕЦ. НА КН. : ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ  
РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В СУДЬБАХ СТРАН  
И НАРОДОВ МИРА***

Столетие революции 1917 г. стало поводом для множества научных событий – круглых столов, симпозиумов, семинаров и проч. – в России и за рубежом. В российских регионах прошло несколько крупных международных конференций; их материалы в ряде случаев были изданы в виде сборников статей. Как правило, тематика этих конференций была широкой – история революции рассматривалась в общероссийском и мировом контекстах, обсуждались историографические и источниковедческие проблемы. В то же время основное внимание было сосредоточено на местных событиях – иначе говоря, на региональном аспекте российской революции. Не стал исключением и рецензируемый сборник научных трудов – «Великая российская революция 1917 г. в судьбах стран и народов мира», основу которого составили материалы конференции, прошедшей во Владивостоке 7–8 ноября 2017 г.

Само это название является в некоторой степени провокативным – вызывает вопросы, провоцирует дискуссию. Ведь «Великая российская революция» ограничивается здесь 1917 г. Однако публикуемые материалы охватывают гораздо более широкий период – от первой русской революции до начала 1930-х годов. В сущности, это растяжение времени революции (растяжение революции во времени) вполне обоснованно – в соответствии с возобладавшими ныне в историографии представлениями наша «Великая революция» включает в себя едва ли не все первые три десятилетия XX в. [Smele, 2016; Smith, 2017; Steinberg, 2017]. Иными словами, термин был введен (точнее – реанимирован спустя столетие [Безымянный, 1917]) как раз для того, чтобы расширить жесткие хронологические рамки, перестать считать 1917-й единственным годом революции (что, собственно, вполне справедливо).

Понять причину этого противоречия мы можем, обратившись уже к предисловию рецензируемого сборника. Его автор, доктор исторических наук, профессор Л.И. Галлямова отмечает, что конференция состоялась «в

ознаменование 100-летия Великого Октября» [Великая российская революция., 2018, с. 6]. Тем самым именно октябрьский переворот изначально ставится в центр повествования. Значение же Февраля ограничивается «свержением самодержавия» – этому событию отводится роль катализатора «общественно-политической активности широких народных масс» [там же]. Вероятно, этот подход (такая «идеология» издания) объясняется тем, что власть на Дальнем Востоке в марте 1917 г. сменилась относительно мирно. «Настоящая» революция, которая привела к реальному изменению социально-политического строя, началась позднее.

Хотя в статье Л.И. Галлямовой подробно описываются социально-политические трансформации Дальнего Востока после Февраля 1917 г., повествование все-таки четко центрируется на Октябрь. По мнению автора, «представления о справедливом общественном устройстве, основанном на общинных нормах демократии», были настолько распространены в обществе и так влияли на политическую повестку, что эти массовые симпатии неизбежно должны были привести к власти социалистов. В противостоянии же с эсерами и меньшевиками одержали победу большевики, так как именно они проводили политику, «отражавшую в то время ожидания народных масс» [там же, с. 26]. Конечно, в октябре 1917 г. борьба за власть еще была далеко не завершена, однако Л.И. Галлямова и большинство других авторов сборника рассматривают последующие события на Дальнем Востоке – Гражданскую войну и иностранную интервенцию – как последствия уже совершившейся революции. С этой точки зрения в Октябре революция фактически закончилась – дальше происходило медленное и трудное восстановление российской государственности.

Несмотря на широту географических рамок, заявленных в названии сборника, и участие исследователей из разных стран (России, Японии, Китая, США), основная часть представленных материалов посвящена истории Дальнего Востока в революционную эпоху. В первом разделе издания освещаются те «эффекты», которые российская революция произвела в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В статье Вакио Фудзимото подчеркивается, что многие японские чиновники рассматривали революционные события как шанс для усиления влияния Японии в Северной Азии «в направлении, заданном русско-японской войной» [там же, с. 37]. Однако большевики, по мнению автора, обладали на Дальнем Востоке силой, необходимой для того, чтобы заставить Токио отказаться от своих планов. Февральская революция, как отмечает А.С. Заколотная, была воспринята в Японии «достаточно спокойно». Токио был «больше обеспокоен стабильностью Дальнего Востока и поставкой вооружений, приносивших ему значительные доходы» [там же, с. 120–121]. Октябрь же способствовал «распространению социалистических идей в стране, особенно в среде интеллигенции и студенчества» [там же, с. 129]. С.А. Толстогузов проводит

интересные параллели между революцией Мэйдзи и российской революцией в финансово-экономическом отношении. По его мнению, обеим странам были свойственны модель догоняющего развития и уязвимая финансовая система, что ярко проявилось в периоды социально-политических катаклизмов [Великая российская революция..., 2018, с. 50].

Влиянию российской революции на китайскую литературу посвящена статья Ван Ю и Ван Сяоцзюя. Несмотря на название, авторы в первых же строчках дают понять, что имеют в виду именно Октябрь, и анализируют воздействие этого события на литературу коммунистического Китая. Будучи «воспитана на русской советской литературе», она, по их словам, «быстро развивалась, как большое дерево выросло из маленького семени» [там же, с. 61]. Идеологически выдержанная, эта статья не дает действительно новой информации о влиянии российской революции на Китай. В определенной степени этот пробел заполняет работа Г.П. Белоглазова о Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в 1917 г. Автор подвергает критике политику китайского правительства, которое, несмотря на дружественные шаги советской стороны, поддержало японскую интервенцию на Дальнем Востоке. Территория КВЖД стала, таким образом, «тыловой базой русской контрреволюции и интервентов» [там же, с. 119]. Отметим также статью американского исследователя Пола Берингера о планах правительства США оказать помощь антисоветским силам. Правда, гражданская война на Дальнем Востоке вскоре вызвала разочарование американских чиновников. Они «были довольны, что могли умыть руки»: жестокость красных, белых и японцев «препятствовала американской поддержке какой-либо одной партии в борьбе за российский Дальний Восток» [там же, с. 71].

Большинство работ рецензируемого сборника включены во второй и третий его разделы. Не вполне ясны основания для такой разбивки материала; скажем, во второй раздел («1917 год и российский Дальний Восток») вполне могли бы войти статьи из третьего («Социокультурные трансформации в контексте Великой российской революции»). И там, и там многие исследования выходят за рамки 1917 года, захватывая Первую мировую и Гражданскую войны. И там, и там размещены работы, где рассматриваются социальные, экономические, культурные аспекты истории Дальнего Востока в революционную эпоху. Например, о дальневосточном казачестве повествуется как в первом (статья О.И. Сергеева), так и во втором (статья Ю.В. Агурдяевой) разделах. Тем не менее рецензируемый сборник, безусловно, вносит свой вклад в изучение дальневосточного региона в революционную эпоху. Его сильной стороной является большое разнообразие поднятых тем. Так, во втором разделе издания представлены материалы о здравоохранении, энергетике, экономике, городской повсе-

дневности, гидрографической службе, органах правопорядка, иммиграционных процессах; в третьем – о среднем и высшем образовании, театре, жилищном вопросе, религиозной политике (шаманизм, адвентисты седьмого дня), отражении революции в художественной литературе.

Хотя в фокусе внимания большинства исследований данного сборника – Дальний Восток, немало ценных сведений в нем могут найти и те, кто исследует российскую революцию в более широком контексте. Хороший пример – статья Р.С. Авилова о приезде в Приамурское генерал-губернаторство в 1911 г. А.И. Гучкова. В историографии об этой поездке почти ничего неизвестно – не упоминает о ней и сам Гучков. Между тем собранные тогда сведения «очень пригодились А.И. Гучкову» в его дальнейшей политической деятельности [Великая российская революция..., 2018, с. 234]. Важной задачей лидера октябристов было «налаживание политических связей на территории Приамурского генерал-губернаторства и расширение избирательной базы» [там же, с. 243]. Отметим также приведенные Р.С. Авиловым воспоминания военного инженера П.П. Унтербергера о посещении Владивостокской крепости В.А. Сухомлиновым [там же, с. 239]. Военный министр предстает в них поверхностным чиновником, оторванным от реальных нужд армии и флота. Надо сказать, что свидетельства дальневосточного инженера перекликаются со многими другими воспоминаниями современников о Сухомлинове [Брусиллов, 1963, с. 64; Коковцов, 1991, с. 126].

Неоспоримые достоинства рецензируемого издания – тематическое «многоголосие», а также введение в научный оборот новых источников (т.е. приращение исторического знания). Однако его отличает в целом консервативный подход к русской революции – ее периодизации, характеристике причин и последствий и т.д. В этом смысле название сборника как бы входит в противоречие с его содержанием – авторы, по существу, ставят новую терминологию, манифестирующую иное, чем прежде, понимание события, на старое историографическое основание. Фактически мы имеем дело с модернизированным вариантом советского историописания «Великого Октября»: лишь упомянув о «свержении самодержавия», составители сосредоточивают внимание на политической борьбе «от Февраля к Октябрю» и влиянии Октября (конечно же, благотворном) на соседние страны. Наверное, изучение революции можно и сегодня вести в этой парадигме. Да оно, собственно, и ограничено этими рамками в течение всего постсоветского периода. Проблема в том, что тем самым значительно сужается исследовательское поле. Так, за его пределами остаются события, предшествовавшие 1917 г. (не случайно в сборнике почти не звучит история предреволюционных лет). Между тем последние исследования показывают, как велико значение первой революции, эпохи «третьеиюнь-

ской» монархии и Первой мировой войны для понимания революционных процессов на Дальнем Востоке, запущенных в 1917 г. [Sablin, 2019].

### Список литературы

1. Безмянный М. Как произошла и чего достигла Великая русская революция. – М. : Феникс, 1917. – 31 с.
2. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М. : Воениздат, 1963. – 288 с.
3. Великая российская революция 1917 г. в судьбах стран и народов мира : сб. ст. – Владивосток : ИИАЭ ДВО. РАН, 2018. – 410 с.
4. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919 гг. – М. : Современник, 1991. – 590 с.
5. Sablin I. The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905–1922. Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after the Russian Empire. – London ; New York : Routledge, 2019. – 312 p.
6. Smele J.D. The «Russian» Civil Wars, 1916–1926 : Ten Years That Shook the World. – London : Hurst, 2016. – 423 p.
7. Smith S.A. Russia in Revolution : An Empire in Crisis, 1890 to 1928. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – 455 p.
8. Steinberg M.D. The Russian revolution, 1905–1921. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – 388 p.

**И.К. БОГОМОЛОВ**

***РЕЦ. НА КН. : AYERS D. MODERNISM INTERNATIONALISM  
AND THE RUSSIAN REVOLUTION***

На фоне столетия российской революции 1917 г. в зарубежной историографии заметно возрос интерес к теме ее влияния на мировые политические, социальные, культурные процессы. Все чаще российская революция встраивается в контекст глобальных изменений первой половины XX в. [Российская революция., 2018]. Воздействие революции 1917 г. на зарубежную литературу и культуру в целом становится объектом исследования гораздо реже. Правда, и здесь в последние годы наметился прогресс. Один из примеров – рецензируемая монография профессора Кентского университета Дэвида Эйерса «Модернизм, интернационализм и Русская революция». Модернизм в литературе и искусстве в этот период совпал с глубокими политическими изменениями, которые, однако, зачастую рассматриваются отдельно. Эйерс пытается уйти от этого во многом искусственного разделения революционной эпохи на «политику» и «культуру».

С точки зрения автора, именно после российской революции политика была «интернационализирована беспрецедентным образом», что сказалось и на тенденциях в культуре того времени. Исследования революционной эпохи «обычно отдают предпочтение вопросам национальной идентичности» и «склонны избегать [акцентировки] огромных сдвигов в мировом порядке, которые вскрыла Первая мировая война» [Ayers, 2018, р. 2]. Для описания межвоенного периода Эйерс предпочитает термин «деимпериализация». С его точки зрения, после революции начался процесс создания независимых государств из бывших колоний, «который продолжается и по сей день». Деимпериализацию Эйерс рассматривает как «видоизменяющийся глобальный феномен с 1917 г. в качестве отправной точки, холодной войной в качестве ее устойчивой реализации», а с 1989 г. – как «период наследия, которое едва уловило смысл этой истории» [Ibid., р. 5]. На межвоенное время приходится расцвет «интернационалистского идеализма» – широко распространившейся веры в возможность избежать войн и конфликтов, национальных распрей и тайной дипломатии. Однако попытка создать эффективную систему международ-

ной безопасности «трагически провалилась», интернационализм оказался уязвим и скоротечен. Лига Наций Вудро Вильсона и Коммунистический интернационал стали «доминирующими» альтернативами преобразования мира» [Ayers, 2018, p. 7].

Таким образом, модернизм, интернационализм и деимпериализация определяли характер изменений, происходивших в мире в межвоенный период. Работа Эйерса направлена на реконструкцию дискурса вокруг главных для эпохи событий, явлений, институтов – российской революции и Лиги Наций, большевизма, социализма и интернационализма – в европейской (в основном, английской) литературе и публицистике 1910–1920-х годов. Эйерс обращается к опубликованным источникам – книгам и статьям в газетах и журналах. Привлекаются произведения таких авторов, как Герберт Уэллс, Томас Элиот, Леонард Вульф, Генри Брейлсфорд, Томаш Масарик, Уильям Джерхарди, Джон Курнос, Клэр Шеридан.

Монография состоит из восьми глав. Эйерс сознательно уходит от хронологического повествования, концентрируясь в каждой главе на оценках этими писателями и журналистами российской революции и интернационализма после 1917 г. Исключением можно назвать первую главу («Два интернационала»), посвященную дискуссиям о двух вариантах интернационализма – вильсонском и ленинском. Еще во введении Эйерс справедливо отметил, что эти «проекты» были в неравных условиях. Российская революция «с самого начала находилась в обороне» и имела несравненно меньшие возможности в области пропаганды, чем США [Ibid., p. 5]. Революционный дискурс имел ограниченное распространение, но все равно проникал в западноевропейскую литературу и публицистику. Эйерс наглядно демонстрирует это на примере английской печати: вступление Соединенных Штатов в войну и российская революция рассматривались как события, определяющие облик послевоенного мира.

В целом ощущение, что мир может кардинально измениться и что «грядущие перемены уже не так сильно зависят от британских решений, как это было когда-то», рефреном проходило и в либеральной, и в социалистической печати Англии [Ibid., p. 10]. Для социалистов российская революция уже с февраля 1917 г. стала «символом социалистической надежды» [Ibid., p. 15]. Консервативная пресса («Таймс», «Морнинг пост» и «Дейли мейл») приветствовала революцию, но смотрела на нее поначалу без «привязки» к идеологии – «сквозь призму желаемого, утверждая, что создание новой Думы... послужит активизации военных усилий России» [Ibid., p. 11]. Эйерс неоднократно подчеркивает, что английская печать всех направлений имела весьма смутное представление о происходящем в России; надежды на ее приверженность делу борьбы с «прусским милитаризмом» были оторваны от реальности [Ibid., p. 21].

Если о Февральской революции английские корреспонденты делали более-менее подробные отчеты, то об Октябрьском перевороте им было мало что известно. Однако ключевой момент – отношение нового правительства к войне – был понят британской прессой быстро. Стремление большевиков к миру «без аннексий и контрибуций» и опубликование секретных договоров Антанты вызвали не только осуждение, но и неподдельный интерес. Большевицкая «интернационализация революции» стала первой альтернативой, первым вариантом реализации права наций на самоопределение. Она на пару месяцев опередила вильсонский проект, основанный на «традиционных представлениях о национальном управлении, с... открытыми торговыми соглашениями и... общим объединением наций» [Ayers, 2018, p. 24]. Большевицкий вариант интернационализма вызвал в Англии дискуссию, продолжавшуюся практически весь межвоенный период.

Во второй главе «Томас Масарик и новая Европа» подробно описывается, каким образом Масарик и его близкие сторонники в Лондоне «выстраивали» свое вмешательство в национальный дискурс с целью добиться распада Австро-Венгерской империи и создания Чехословакии. Если события 1917 г. «и удивили кого-то в Англии, кто верил в мифы о русской исключительности», то Масарику «было ясно, что революция стоит во главе русской повестки дня», причем еще с XVIII в. В английской общественной мысли Масарик был редким примером: его знания о России были значительно глубже, чем у окружающих его современников; он делал точные предсказания о «природе русской революционной мысли» [Ibid., p. 43]. Однако не приходится говорить о каком-либо влиянии Масарика на английскую политику в отношении России. До революции ему приходилось осторожно высказываться о национальном устройстве Европы (это могло задеть восточного союзника Англии), а в революционном 1917 г. его голос в Лондоне мало кто слышал.

В третьей главе рассматривается попытка Генри Ноэля Брэйлсфорда, одного из ведущих левых журналистов Британии, составить правдивую, объективную картину происходящего в охваченных революцией России и Центральной Европе. Эйерс обратил внимание на труды Брэйлсфорда из-за его стремления уйти от господствовавшей в то время бинарной оппозиции «Восток – Запад» и рассматривать Европу как единое целое. России в этой модели не было отведено четкой и ясной роли. Брэйлсфорд посетил Россию осенью 1920 г. Ему была предоставлена возможность путешествовать по стране и разговаривать фактически с кем угодно. Помимо Москвы он посетил Владимир, где мог видеть, как ведут себя местные политические структуры. Брэйлсфорд рисует интересный портрет Владимирского совета в действии. Говоря о том, что он нашел во Владимире, Брэйлсфорд был далек от идеализации Советской России, но



сам замысел социалистического общества представлялся ему уникальным и во многом неповторимым.

В четвертой главе повествуется о впечатлениях британских писателей, которые либо присутствовали в России в годы революции и Гражданской войны, либо были впоследствии приглашены большевиками в 1920 г. Вышедшие из-под пера посетителей статьи, брошюры и книги отражают сложное отношение английского общества к России, и в частности к советскому эксперименту. Комментаторы пытались «точно определить, что произошло в России... и оценить глобальные последствия» российской революции. Их труды включали «описания путешествий, мест и встреч с простыми русскими людьми, а также с министрами большевистского правительства, включая Ленина и Троцкого» [Ayers, 2018, p. 93].

Пятая глава посвящена Клэр Шеридан, скульптору, журналисту и писателю, которая получила приглашение в Москву для создания бюстов высших руководителей Советского государства. Этот визит сразу приобрел особое значение как в Англии, так и в России. Если Герберт Уэллс видел Ленина всего один час, то Шеридан провела несколько сеансов с Лениным и Троцким. Как отмечает Эйерс, по этой причине ее словесные портреты являются одними из самых интересных и «решительно свободны от демонизации большевистских лидеров, характерной для “Таймс” и “Морнинг пост”» [Ibid., p. 132]. Реакция была соответствующей: на всем пути из России ее преследовали газетные репортеры, а отзывы Шеридан о Ленине и Троцком как о «душевных» людях вызвали шквал критики в британской прессе.

В шестой главе повествуется о супругах Эдене и Седар Пол – английских писателях и переводчиках, членах Коммунистической партии Великобритании. Их отношение к российской революции Эйерс считает особенно показательным. 1917 год дал им уверенность в правильности выработанных революцией идей. С их точки зрения, продолжением диктатуры пролетариата будет эргатократия (власть трудящихся). Полы считали, что социализм не может быть достигнут путем «административных корректировок», но раскрывает скрытый потенциал «эволюционной трансформации человека» как члена социума [Ibid., p. 160].

В седьмой главе Эйерс характеризует образ Троцкого, сложившийся в Англии в 1920-е годы. После смерти Ленина за пределами России Троцкий «считался ведущим большевиком, хотя его позиции в Политбюро уже начали ослабевать» [Ibid., p. 201]. Его книги стали переводиться на английский язык и время от времени появляться в британском публичном дискурсе. Ссылка из СССР привлекла к Троцкому еще больше внимания в Европе; его влияние оставалось сильным даже после смерти. «Достаточно вспомнить, – пишет Эйерс, – его появление в “Восемьдесят четвертом го-

ду” Джорджа Оруэлла в роли Голдстейна, тайного противника Большого Брата» [Ayers, 2018, p. 198].

Восьмая глава посвящена образу российской революции в британской художественной литературе. Российская революция «предоставила тему для фантастики» и «создала словарь для представления этого мира, который сочетал обширные ландшафты, авантюрные путешествия, шпионаж, маскировку и множество других тропов, которые продолжают звучать в приключенческой и шпионской литературе последующих десятилетий» [Ibid., p. 221]. Популярен был романтизированный отрицательный образ большевика; при этом среди отрицательных героев были не только большевики, но и эмигранты, и белогвардейцы.

В целом монография Д. Эйерса представляет собой подробный и весьма обстоятельный труд на стыке литературоведения и истории. В большей степени это, конечно, литературоведческое исследование; автор сознательно уходит от длинных исторических экскурсов и рассуждений. Зачастую это затрудняет восприятие – не хватает как раз исторического контекста (англо-русские и англо-советские отношения, английская интервенция и проч.). Это, однако, не перекрывает достоинств книги. Труд Д. Эйерса – один из немногих примеров обстоятельного сравнительного исследования образа российской революции в английской литературе 1920-х годов (включая работы малоизвестных в России авторов). Особого внимания заслуживает авторский подход: образ революции 1917 г. рассматривается в контексте деимпериализации и роста интернационалистских настроений по всему миру в первой половине XX в. Эта концепция позволяет по-новому взглянуть на отношение английского общественного мнения того времени к российской революции и России в целом.

#### Список литературы

1. Российская революция 1917 года и ее место в истории XX века : сб. статей. – М. : Весь Мир, 2018. – 352 с.
2. Ayers D. *Modernism, Internationalism and the Russian Revolution*. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2018. – 282 p.

## **РОССИЯ И МИР В «ЭПОХУ–2020»**



---

**Ю.С. ПИВОВАРОВ**

***О ПАНДЕМИИ-2020 И ДЕМОКРАТИИ***

*Аннотация.* Автор согласен с мнением А. Меркель: пандемия – самый большой вызов человечеству со времен Второй мировой войны. Коронавирус есть атака как на биологическую, так и на социальную природу человека. Это и угроза демократии, которая, по мнению некоторых аналитиков, не способна организовать сопротивление разрушительной стихии, обрушившейся на человечество. Автор, напротив, возлагает надежду на демократические институты и процедуры. Будучи продуктом многовековой социальной эволюции, демократия является наиболее эффективным способом самоорганизации общества.

**Ключевые слова:** демократия, пандемия, онтологический вызов, А. Меркель, биологическая и социальная природа человека.

Когда-то, в 70-е – начале 80-х, будучи молодым еще человеком, думал: вот какая счастливая судьба у моего поколения (людей, родившихся в послевоенное десятилетие). Нам не дано пережить мировую войну, голод, террор, эпидемии. Оказалось, что по-своему мы получили сполна. Не буду перечислять. Но вот – коронавирус. Это случайность, которой могло и не быть? Совпадение негативных обстоятельств? Никто не знает. «Испанка» 1918 г. – начала 1920-х годов унесла, по некоторым подсчетам, более 50 млн человек. И «противоядие» не было найдено. Что сейчас? Когда этот ужас закончится? Думаю, не ради красного словца Ангела Меркель в марте 2020 г. сказала, что эта пандемия – самый большой вызов человечеству со времен Второй мировой войны. Наверное.

\*\*\*

Пандемию-2020 называют новой Мировой войной. Понятно – чтобы указать на масштаб происходящего, угрозы, страхи. Ведь две мировые войны – это пока самые трагические события в истории человечества. Проблема, однако, в том, что к творящемуся с нами и на наших глазах нельзя подходить с привычными мерками. Даже с такой, как мировая война. Тогда мы имели дело с человеческим злом, и оно было персонифици-

ровано. Было понятно, с кем и чем бороться, кого и как наказывать. Сегодня ситуация совершенно другая.

Это – не мировая война. Это война «Природы» против человека. Бессмысленны вопросы: зачем, за что, почему? Спрашивать некого. Мы имеем дело с имперсональностью, бессубъектностью. Нас уничтожают по единственному признаку – человек. Мы – даже не враги; мы – то, что подлежит уничтожению. Это единственное, что нас объединяет.

Против кого сражались еще недавно? – «Классового врага», еврея, иноверца, «агрессора». Теперь – против человека. Причем кто сражается, – мы не знаем. Какая-то «Природа». Что ей *от нас* надо? – Нет, не так: ей просто *нас* не надо. Хороших и плохих, черных и белых, молодых и старых. И пытаться договориться нельзя. С кем? Кто (что) пожирает нас? Ничто, Ничто. Существует лишь процесс (акт) пожирания.

Мы столкнулись с тем, что еще страшнее, обездушеннее, чем Рок в античной трагедии. Сближает только одно: и там гибнет не «герой» (один, одиночка), а «хор» (масса, все).

\*\*\*

Коронавирус «послан» «Природой» не как орудие убийства, а как само убийство. Он реализуется в уничтожении живого. «Хитрость» коронавируса в том, что его носителем (разносчиком) является сам человек. Объект убийства доставляет убийство к жертве.

На нас идет Ничто, чуждое принципу индивидуализации, на котором построена человеческая цивилизация.

По аналогии: метеорит не имеет своей целью кого-то уничтожить. Он движется силой тяготения, «притягивается». Результатом может стать попадание в скопление людей и их уничтожение. Но «ничего личного» не было. Смешно говорить о злой воле или злой природе метеорита. И, значит, о причинно-следственных связях. А если коронавирус и типологически схожие с ним явления суть *способ существования* «Природы»? И у нее нет цели убить прямоходящих двуногих бесхвостых «живчиков». У нее нет вообще никакой «цели», кроме самовоспроизведения. То есть коронавирус несовместим с человеком столь же случайно, как попадание метеорита в крышу (или стену) дома? Просто встретилось на пути.

Впервые современное человечество сталкивается с таким вызовом. «Испанка» была лишь прообразом. Да и потом от нее «отвлекли» Первая мировая, всеобщий экономический кризис, новые диктаторские режимы. Теперь – совершенно тотальный накат, охвачена вся планета. Вместе с тем нельзя не заметить, что главные удары наносятся по центрам цивилизации: Ломбардия, Нью-Йорк, Лондон, Париж, Москва. Средостения мировой культуры; за ними – тысячелетие эволюции, труд многих поколений.

И здесь вопрос: дает ли эта «избирательность» какой-то ключ к пониманию происходящего или нет? – Боюсь, что нет.

Появляется паническая мысль: а если это «только» пробный шар и при всем своем бесконечном ужасе – «лишь» первая стадия уничтожения «Природой» человека? И за ней придут абсолютно смертоносные эпидемии, которые выкосят уже во много раз больше. Или *таковым* становится режим обитания человека на Земле? – Пожили!

Хотя, должен признать, в самом человеке – страшно сказать – есть нечто «коронавирусное». Вообще люди устроены весьма противоречиво. Лишь мы способны создавать новую реальность, не «предусмотренную» «Природой». В нас также заложен механизм сохранения жизни. И в то же время – механизмы старения и саморазрушения. К примеру (и моему личному), онкология есть суицид человека. Смертоносные клетки порождает он сам.

Всю свою историю человек борется с внутренними болезнями, агрессиями других человеческих существ, с опасными для его жизни «впросами» Природы. Жизнеустроительные инстинкты человека породили общеобязательные правила: понятия Добра и Зла, религиозные учения, конституции, правила уличного движения, расписания движения транспортных средств. А также – международное право и т.д.

\*\*\*

Мы еще до конца не понимаем, что уже во многом разрушен тот мир, где существует традиционная система координат: добро/зло, прогресс/регресс, право/права и проч. И не ясно, с какой новой системой нужно подходить к этому новому миру. А человек, в определенном отношении, – это сумма понятий, с помощью которых он пытается осмыслить мир, вписаться в него, устроиться в нем, улучшить его. Теперь нужно что-то другое.

В целом мой прогноз таков: *это*, как Первая мировая, быстро не закончится (там тоже все были убеждены в скорой победе, в быстром завершении войны, – и все обманулись). Мы и в дальнейшем – под угрозой.

\*\*\*

Умные люди пытаются представить поствирусное будущее человечества. Да, по экономике уже нанесен сильнейший удар, и это еще не конец. Да, возникают новые возможности для радикальных, безответственных сил. Даже для такой стабильной, успешной страны, как Германия, не могу исключить – по аналогии с Великим экономическим кризисом 1929–1933 гг. – роста экстремистских настроений. Тогда умеренные консервативно-либеральные и социал-демократические партии, профсоюзы, союзы

работодателей не смогли сдержать волну недовольства и разочарования миллионов. Конечно, сегодня демократия и рыночная экономика гораздо более устойчивы. Но это сейчас. А что будет, если испытания обострятся и затянутся?

Как мы знаем, в условиях мировых войн или «мировых кризисов» происходят концентрация власти, ужесточение обихода. Для России, страны с повышенно авторитарной системой, это особенно опасно. Искушение решать проблемы «железной рукой» высоко. Да мы и в мирное время почти не знаем несилового подхода. Мы привыкли жить в режиме сверхцентрализации. И кто даст гарантии, что «временное», «на период пандемии», еще большее укрепление диктатуры, подчинение ей новых сфер жизни потом уйдут? Более того. События весны 2020 г. (да и последующие) показали, что мы, с одной стороны, стоим перед опасностью усиления централизации и милитаризации режима, с другой – «феодализации» (внутренние границы, «парад карантин», селекция граждан на «своих» и «чужих»).

Как же быть?

Прежде всего – не хоронить демократию (как идею и практику). Не поддаваться пораженческим настроениям. Уже слышно (в том числе и от уважаемых экспертов): посткоронавирусная реальность будет этатистской и «социалистической» – иначе ситуацию не удержать, иначе не хватит ресурсов. То есть необходимо строгое регулирование и регламентирование жизнедеятельности общества и граждан. Места для демократии здесь не остается (или: оно сильно сужается). Но демократия – не снег, который прекрасно себя чувствует при минусовой погоде и тает при потеплении. Демократия есть продукт длительной эволюции европейского человечества. Демократия относится к тем фундаментальным институтам, которые определяют социогенез. В демократии происходит синтезирование всех других основополагающих элементов исторического бытования человека – права, религии, государства, семьи, языка, собственности, денег и т.д.

Демократия неоднократно терпела поражения от тоталитарных и т.п. сил. Но и обеспечивала человеку наилучшие в истории условия для самореализации. От демократии нельзя просто взять и отказаться, как нельзя отказаться, к примеру, от денег – в конечном счете не важно, металлические они, бумажные или виртуальные. В некоторых странах пробовали, но были вынуждены вернуться к этому институту.

Демократия – одно из самых больших завоеваний человечества. И, несмотря на все неудачи, падения, отступления, она не теряет своей ценности, потому что обеспечена золотым историческим стандартом. Люди, релятивирующие демократию, являются, по словам Томаса Манна, «пораженцами перед лицом врага рода человеческого». Демократия – это наш христианский выбор в социальной сфере. Отрицание или небрежение



демократией – это отказ от многовековой культурной работы миллионов предшественников.

Все это имеет непосредственное отношение к России, хотя о ее несовместимости с демократией говорят давно, в том числе и сами демократы. Да, нашему человеку (обычному, «из большинства») к бесправию не привыкать – это его естественное состояние. Он с ним свыкся, сросся, научился компенсировать – как бы и не замечает, что несправедлив. Кроме того, в 2020-м российская демократия, и без того слабая и неустойчивая, была подвергнута мощной агрессии со стороны неототалитарных (в интенции) сил. Удар был направлен прежде всего на государство – правовое, социальное, конституционное – и на гражданские права. Однако именно ситуация эпидемии показала: права и свободы – жизненная необходимость, их отсутствие увеличивает риски и угрозы, с которыми ежедневно и ежечасно сталкивается каждый. Полное одиночество и незащищенность человека в чрезвычайных условиях – не только показатель ущербности управленческой системы. Это и расплата общества за правовую и политическую индифферентность, безразличие к демократическим нормам и процедурам, за попустительство государственному произволу.

Когда на кону – здоровье и сама жизнь, человеку нужны не «сильные руки», федеральные или региональные, не ракеты и не идеологический дурман. Он нуждается в медицинской помощи, социальной поддержке, адекватной информации, открытом обсуждении проблем, самодеятельности, солидарности. У нас – рост полицейщины, дальнейшее ограничение общественных свобод, продолжение политики социального унижения, презрение к личному достоинству. Режим не может себя преодолеть, подняться на уровень чрезвычайных задач, повернуться «человеческим лицом». – Парадокс, но сейчас именно нам впору требовать больше демократии – как лекарства для погибающего социального организма.

\*\*\*

Таким образом, пандемия коронавируса есть атака как на биологическую, так и на социальную природу человека. Онтологический вызов человеческому роду, его истории и непреходящим достижениям. В час жесточайших испытаний, сомнений в возможности мировой гармонии и опасных уступок инстинктам страха и похоти насилия наши права и свободы нуждаются в защите. И защитить их можем только мы сами.

**YURIY PIVOVAROV**

***THE PANDEMIC-2020 AND DEMOCRACY***

**Abstract.** The author agrees with the opinion of A. Merkel: the pandemic is the biggest challenge to humanity since the Second World War. Coronavirus

is an attack on both the biological and social nature of a citizen. This is also a threat to democracy, which, according to some analysts, is not capable of organizing resistance to the destructive elements that have struck humanity. The author, on the contrary, relies on democratic institutions and procedures. Being a product of centuries-old social evolution, democracy is the most effective way of self-organization of society.

**Keywords:** democracy, pandemic, ontological challenge, A. Merkel, biological and social nature of man.

**Ю.С. ПИВОВАРОВ**

***РОССИЯ НА РУБЕЖЕ 2010–2020-х ГОДОВ***

*Аннотация.* Статья посвящена развитию политической ситуации в России на рубеже 10–20-х годов этого века. Псевдодемократия 90-х выродилась в жесткоавторитарную систему. Практически власть президента не ограничена ничем и располагается над системой разделения властей. Поправки, внесенные в Конституцию в 2020 г., резко усилили ее авторитарный потенциал.

**Ключевые слова:** парламентаризм, президенциализм, массовые демонстрации, закат Второй республики, обнуление президентских сроков.

*Снова опричник на сытом коне  
по мостовой пролетает с метлою.  
Вижу лицо его подлое, злое,  
нагло подмигивающее мне.*

*Рядом! Не на чужой стороне –  
в милой Москве на дебелим коне  
рыжий опричник, а небо в огне:  
молча горят небеса надо мною.  
Б. Слуцкий*

**Закат Второй российской республики**

Второй? А когда была первая?

Была. Но просуществовала всего несколько часов. Учредительное собрание (вечер 5 января – ночь 6 января 1918 г.) успело принять название нового государства: Российская Демократическая Федеративная Республика (РДФР). Раньше, по Конституции 23.04.1906, – Российская империя.

Как известно, большевики разогнали Учредительное собрание. Им, по-видимому, казалось, что они навсегда покончили с этой «Демократической Федеративной». Но началась Гражданская война. – Многие представители «белых» сражались за возвращение к легитимному порядку, наиболее зримо воплощавшемуся тогда во всенародно избранном Учредительном собрании. Иными словами, «белые» боролись и за РДФР. Проиг-

рали. Дело установления в стране конституционного, демократического, федеративного порядка было отложено на будущее.

Название «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика» (РСФСР) скрывало ее тотально-антидемократическую, сверхцентрализаторскую природу. И «Республика» была фальшью, обманом, прикрытием террористической диктатуры.

Проходит все. Прошла и «Советская» власть (слово *советская* в привычках потому, что никакие советы никогда не правили). На ее руинах (к сожалению, и из ее руин) стали строить новое государство – Российскую Федерацию (РФ). Вторую республику. «Российская Федерация» есть ... *демократическое* (выделено мною. – Ю.П.) федеративное правовое государство с республиканской формой правления». – Так начинается Конституция 1993 г., закрепившая права человека, разделение властей, примат международного права над национальным, выборы и многое другое. Заметим, что все это – *либеральные* ценности и институты.

В Основном законе была масса достоинств – но имелись и недостатки. Либерально настроенные люди, с одной стороны, критиковали Конституцию за сверхпрезидентализм, т.е. за то, что вводилась всемогущая власть президента. С другой, призывали защищать, делая акцент на провозглашенную в ней «Декларацию прав». Вместе с тем в либеральном лагере шла работа по составлению новой конституции, согласно которой парламент должен был бы играть гораздо большую роль.

Однако у власти были иные планы.

Скажем о специфике эволюции власти в последние 10–15 лет, о ритме перемен в ней. Пережив вынужденную «рокировочку», четыре года смирения перед псевдолиберальной и псевдомодернизационной декламацией, стерпев даже возвращение на миг (только на миг!) «kozyревской дипломатии» (голосование в ООН по Ливии, в котором Россия впервые за много лет выступила фактически солидарно с западными партнерами), власть столкнулась с казусом Болотной. Ее, по-видимому, испугало сто тысячное собрание оппозиционеров в центре города, в непосредственной близости к Кремлю.

Хорошо помню этот морозный день, спокойную, мирную, дружелюбную атмосферу этой манифестации. Масса знакомых, скромно одетых немолодых интеллигентов радостно приветствовали друг друга и, ей-Богу, не помышляли о штурме Кремля. Мы хотели, чтобы власть нас услышала. Я, к примеру, наивно полагал, что остались возможности для взаимодействия. Типичное русское либеральное прекрасноразумие! Да, митинг на Болотной, многочасовое стояние там воспламенили сознание части либерального истеблишмента. Им казалось: еще несколько усилий – и ситуация в стране изменится. Однако капитал Болотной быстро иссяк, как и сам эмансипационный подъем.

И по гражданскому обществу был нанесен мощный удар. Крым, Украина стали для нас такими же символами несчастья, как Чехословакия для шестидесятилетней советской интеллигенции полвека назад. Вновь актуально звучал Галич: «Граждане, Отечество в опасности! Наши танки на чужой земле...!» – Россия из общества с остаточными демократическими институтами и ценностями превращалась в диктатуру.

Но московское лето 2019 г. ясно показало: далеко не все смирились, подчинились, не все готовы вновь утонуть в тоскливом единодушии. – Тогда власть не допустила на выборы в Мосгордуму *всех* независимых кандидатов. Причина одна: якобы неправильно собранные подписи граждан. У *всех* независимых кандидатов. У «зависимых» – правильно. У *всех*. Топорная работа; не удосужились даже разнообразить мотивы отказа. И так сойдет... Москвичи твердо и решительно выступили против беззакония. – «Этот город *наш!*» Были очевидны мужество и настойчивость горожан – и растерянность власти. Москва вновь напомнила о том, что это – город 1991 г.

То лето, вроде бы, давало надежду на возможность изменений. Однако гражданский подъем жителей Москвы внешне закончился ничем. У гражданского общества не оказалось вождей, не было и четко сформулированных стратегических целей. «Допускай», конечно, неплохо, но – мало. Видимо, между политической мыслью теоретиков оппозиции и протестной (по своей природе – этической, гражданской) энергией масс нет связки. Более того, громоздится пропасть непонимания, незнания, недоверия. Мысль – сама по себе; люди, требовавшие справедливости, права, честности, – сами по себе. Власть же постепенно приходила в себя, перехватывала инициативу, а в январе 2020 г. начала контрнаступление...

Через тридцать примерно лет (с конца 80-х) круг замкнулся. Ушел в прошлое постсоветский режим, окончательно оформился новый. Неконституционный, неправовой, недемократический.

На юридически сомнительном голосовании 1 июля 2020 г. (по существу, это плебисцит, легитимирующий операцию переделки Конституции 1993 г.) власть собрала огромное большинство голосов. Наверное, приписав себе какое-то количество бюллетеней «за». Но, убежден, не эти приписки (фальсификации) стали решающими. В который раз оппозиция показала свою беспомощность. Народ же, как и обычно, продемонстрировал верность власти. Пора вывешивать лозунги: «Власть и народ едины. – Это единство непобедимо!»

Поезд, который отправился от станции «тоталитаризм» в сторону станции «демократия», прибыл в тупик «неототалитаризм». Там есть кипяток, сухари, залежалые консервы. Но нет права, институтов, выбора, свободы и проч.

### Конституционный блицкриг: О новой политико-правовой реальности

15 января 2020 г. Путин резко меняет повестку дня. Помимо всего прочего показывая, *кто* владеет исторической инициативой. Власть заявляет о «самореформировании» – тем самым подтверждает свою монополию на определение жизни страны. И во имя права и закона – нарушает конституционные основы функционирования государства. В который раз!

Вскоре после первоиюльского голосования несколько ведущих юристов-конституционалистов заявили, что ничего особенного с Основным законом в 2020 г. не произошло. Поправки лишь привели в соответствие текущее законодательство и текст Конституции. Таким образом были преодолены накопившиеся в последние годы противоречия между законодательной «практикой» и «теорией». Что ж, с сугубо юридической точки зрения и «технического» прочтения права это, может, и так. Но если говорить по существу, разве *в этом* содержание той социальной перемены, которую мы переживаем? – Нет, *не в этом*.

Существует несколько исторических «баек», которым, видимо, суждена долгая-долгая жизнь. – По заданию Александра I М.М. Сперанский готовит проект Конституции для России. Прочитав этот текст (1809), император впал в смущение. Он не мог до конца понять, какая роль в новой системе власти отводится ему. Сомнения венценосца якобы рассеяли придворные. Они сказали: «Ваше Величество, зачем нам Конституция? Вы сами Конституция, Вы – живой закон». И реформу отложили – почти на сто лет. – 14 декабря 1825 г. группа офицеров попыталась взять власть в свои руки. Позднее их назовут декабристами. Обманом они вывели солдат из казарм. Был брошен лозунг: «Ура, Константин! Ура, Конституция!» (последнюю солдаты полагали супругой великого князя Константина Павловича, вроде бы, законного наследника престола). – В этих конституционных «байках» зафиксировано отношение общества к Конституции в начале XIX столетия. Причем как «верхов», так и «низов».

Прошло двести лет, а конституционная тема по-прежнему актуальна. К сожалению, отношение к Конституции не очень изменилось. Не знаю даже, как его квалифицировать. Мифологическое? – В целом да, но, кажется, следует найти более точное определение.

Итак, царь и есть Конституция, Живой закон. – Согласно репрезентативному социологическому опросу (он поразительно современен, хотя и датируется 2005 г.), «главным источником власти и носителем суверенитета» в нашей стране является президент (55% опрошенных верили – да и сейчас верят – в это); глава государства и суверенитет одно и то же». «Правильный ответ на вопрос о том, как именно Конституция принималась, дала треть опрошенных. Большинство либо затруднились ответить,

либо оказались убеждены, что этот документ – плод труда лично президента». – Как будто бы этих двухсот лет и не было.

В общем и целом, в ходе своей эволюции человечество выработало два способа регулирования социальных отношений. Первый (по времени) – религиозный, сакральный: власть – от Бога, и потому Он – главный судья и арбитр в общественных делах. Второй – демократический, правовой: Конституция признается основной нормой права, правопорядка, государство же – правопорядок в действии, Конституция в действии. Здесь власть принадлежит народу, который посредством права регулирует социальную жизнь. (При этом надо помнить: это – модели, идеальные типы. Наличная жизнь сложнее и не укладывается в теоретические построения.) XX век как будто выдвинул третью «систему» – различного рода идеократические диктатуры, где социальное управлялось практически ничем не ограниченным насилием, облеченным в ту или иную идеологическую форму. – Идеократии не выдержали конкуренции с правовыми демократиями и были выброшены на свалку истории.

Что же у нас? – Все первое полугодие 2020 г. ушло сначала на минимизацию демократического потенциала Конституции, а затем на фактический отказ от нее. – Нет, Кремль не отменяет Конституцию; он стремится обратить себе на пользу ее ново-старые возможности. Подобно портному, он перекраивает стандартно сшитый костюм, подгоняет его под особенности фигуры заказчика. Делает одежду максимально удобной для конкретного индивида.

По моему глубокому убеждению, в *этом* смысле Конституция не должна быть «удобной». Напротив, ее задача – держать власть в форме, заставляя ее «влезать» в точно определенный размер, четко очерчивать границы ответственности и возможностей. Кроме того, надежно защищать государственные институты от практически всегда возникающих амбиций и поползновений конкретных носителей власти. Конституция есть наиболее эффективный способ ограничения власти, формализации имманентных ей инстинктов насилия и экспансии. Основной закон является юридической диетой для всегда склонной к полноте (в разных смыслах этого слова) власти.

Принято упрекать русскую власть XIX в. в том, что она никак не решалась дать стране конституцию, парламент и пр. Другими словами, утверждается: самодержавие позапрошлого столетия было тупо консервативным, не чувствовало исторических тенденций своего времени. Тем самым упускалась и была упущена возможность стать более современной, динамичной, адекватной запросам эпохи. – Отчасти это так. Но лишь отчасти. Еще классик отечественной юридической науки А.Д. Градовский замечал: да, русская монархия (в ее исторической форме: самодержавие)

не позволяла обществу ограничивать себя; она сама занималась *самоограничением*. Появлялись новые институты и социальные группы, которым самодержавие передавало ряд своих полномочий (создание Госсовета, выборы профессорами ректоров университетов, уездные и губернские земства, городское самоуправление, растущая роль буржуазии в экономическом развитии, мировоззренческие «толстые» журналы и т.д.). Это была дорога, которая вела к Конституции, юридическому ограничению исторической власти. Самоограничение диктовалось инстинктами самосохранения и адаптации, чувствами долга и ответственности.

Нынешние хозяева Кремля, видимо, упоенные своей становящейся все более тотальной властью, ловко пользуются тем, что может дать им Конституция, фактически элиминируя конституционные начала из материи общества. По ходу дела они вносили удобные для них поправки, на которые можно сослаться в повседневной практике. Что эти поправки, сегодня носящие как бы декоративный характер, могут взорвать государственное здание, в голову им, видимо, не приходит.

Так, упоминание в Конституции-2020 «государствообразующего народа» по своей потенциальной опасности сравнимо с непростительно наивным, безответственным положением Конституции-1924 о возможности выхода из состава СССР союзных республик. Особое значение имеет моральная сторона этой нормы. Тем самым конституционная тема равноправия всех граждан подменяется юридически нерелевантной темой равноправия «государствообразующего» народа с другими народами. По существу, мы стали свидетелями вмешательства в «неприкосновенную» главу I «Основы конституционного строя». Там в ст. 3 говорится: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Кто же теперь носитель суверенитета? «Государствообразующий народ»? Или этот народ вкупе с ему равноправными? ...

Российские верхи отказались от конституционных принципов регулирования общественных отношений. Лучшее тому доказательство – история с «обнулением». Сломан конституционный механизм трансляции власти. Эта важнейшая отрасль политики отдана произволу тех или иных лиц.

### **Об «обнулении» и его возможных последствиях**

10 марта 2020 г. войдет в отечественную историю как черный день. После 9 января 1905 г. говорили: «В России больше нет царя». Сегодня в пору: «В России больше нет Конституции». 9 января расстреляли народную веру в царя. 10 марта растоптали общие правила социально-полити-



ческой жизни. Показали: можно все. Никаких ограничителей, никакого порядка нет.

«Обанкротившаяся» ельцинская Конституция, казалось, давала президенту неограниченные полномочия. Он был поставлен над системой разделения властей, и все они находились фактически в его руках. Градус его верховенства снижало только то, что, согласно Конституции-1993, одно и то же лицо может избираться два срока подряд. Не больше. В начале 2020 г. Путин предложил слово «подряд» убрать. Этой поправкой он исключил себя из числа возможных соискателей на президентских выборах 2030 г. Затем последовало обнуление, и он вернулся в строй – уже на выборы 2024 г. С историко-юридической и историко-политологической точек зрения это очень опасная и чреватая печальными последствиями операция.

Обнулили почти тридцатилетние усилия встать на путь «господства права», «верховенства закона», или – проще – конституционного государства. К основам которого, не в последнюю очередь, относится правильная (т.е. по закону) трансляция верховной власти (передача от одного лица к другому). Наука знает, что наиболее устойчивы те политические системы, где строго соблюдается законный порядок трансляции власти. «Законный», т.е. либо закрепленный законодательно, либо обычаем. «Законный» – также значит: одобряемый обществом. Если же этот порядок нарушается, то в конечном счете вся система теряет устойчивость.

Правовой релятивизм при решении этого ключевого вопроса подтачивает нормальную жизнедеятельность социума и политики. Причем это происходит во властечцентричной стране, где традиционно политический удельный вес первого лица намного выше, чем в большинстве других государств.

Напомню: у России имеется негативный опыт трансляции верховной власти вопреки закону.

В московской монархии XVI–XVII вв. господствовал принцип примогенитуры. От царя власть переходила к его старшему сыну. Этот принцип доказал свою эффективность. – В начале XVIII в. Петр I отказывается от него и наделяет действующего императора правом подыскивать себе наследника. Такой подход оказался губительным для стабильности политической системы. Все XVIII столетие было эпохой дворцовых переворотов. Россию трясло как в лихорадке. Этому в максимальной степени способствовала петровская новация.

В самом конце XVIII в. Павел I возвращает принцип примогенитуры в российскую политическую практику и облекает его в форму Закона о престолонаследии. Политическая система вновь обретает стабильность и устойчивость. И даже убийство Павла и выступление декабристов не

смогли нарушить «правильного» устройства российской государственности. Этот закон был включен в первую Конституцию России – «Основные государственные законы Российской империи» в редакции от 23 апреля 1906 г.

В начале марта 1917 г. Николай II нарушил эту законодательную норму в процессе отречения. Тем самым внес беспорядок в трансляцию власти. Не это, разумеется, было причиной Революции и Смуты, которые охватили страну. Но существенно способствовало этому. Россия окунулась в хаос беззакония.

Большевики, будучи марксистами, полагали, что государство вскорости отомрет, и потому не озаботились установлением принципов передачи власти. После смерти (или свержения, как с Хрущевым) каждого генсека разворачивалась жесткая подковерная борьба за первое место во властной иерархии. Нерешенность этого вопроса была одной из причин гибели советской системы.

Наконец, принятием Конституции 1993 г. страна, казалось, решила эту проблему. Правда, и Ельцин, и Путин, каждый по-своему, наносили сильные удары по процедуре передачи власти. Ельцин, 31 декабря 1999 г. заявив об отставке, назвал имя своего преемника. Путин, с тем чтобы сохранить фактическую власть, в 2008 и 2011 гг. провел операцию «рокировка». Тем не менее формально законность трансляции сохранялась.

Не думаю, что решение об обнулении автоматически приведет к хаосу и нестроению, однако, безусловно, негативно проявит себя в обозримой перспективе. Оно вновь, как в XVIII в. и в начале XX, потенциально ввергает Россию во властную смуту. Отказ от принятых «правил игры» есть отказ от господства права, от стабильности политического порядка. Это крупнейшая в новейшей истории России *девальвация* правовой системы, причем в ее ключевых положениях.

Когда-то (в 1917 г.) известный юрист Е. Спекторский писал: «Хорошая конституция – это все равно, что хорошие пути сообщения. Кто заботится о них, тот не спрашивает, почему и зачем едут пассажиры, должны ли они вообще ехать, тот просто старается увеличить число поездов, ускорить их ход, удешевить проезд и т.п.». И, конечно, конституция, если пользоваться метафорой Спекторского, это – и расписание движения поездов. Если от него отказаться («обнулить»), начнутся аварии, хаос и прочие неприятные вещи. Но правящие круги России, видимо, не боятся этого.

Другой замечательный русский юрист Н.Н. Алексеев отмечал, что в допетровской Руси «в... политическом сознании народа идея государства сливалась с лицом государя, как в частном общежитии домохозяин юридически сливается со своим домом». Это – тема персонификации власти (об этом говорил и Путин). – Оказывается, и в современном политическом

сознании российского народа идея государства сливается с «лицом государства». Если бы это было не так, «спектакль» 10 марта был бы невозможен.

В науке считается, что государство тем совершеннее и эффективнее, чем оно отдельнее, отдаленнее от конкретных носителей власти. «Люди изобрели государство, чтобы не подчиняться другим людям» (французский политолог Ж. Бурдо). Поначалу они не знали, кто имеет право командовать, а кто – нет. И потому пришлось придать власти *политическую* и *правовую* форму. «Вместо того чтобы считать, что власть является личной прерогативой лица, которое ее осуществляет, они разработали форму власти, которая независима от правителей. Эта форма и есть государство» (Бурдо). То есть государство – *абстрактный* и *постоянный* носитель власти. Формула и форма такой власти – конституция. Суверенитет должен быть отделен от лица – носителя власти, от лица – персонификатора власти. Именно *такой* подход, *такое* понимание попрали 10 марта.

Мы должны помнить, что государство – это не аппарат подавления в руках определенных групп людей. Государство – это не только и не столько административный штаб по управлению обществом. Как говорил крупнейший юрист XX в. Ганс Кельзен, «государство есть правопорядок в действии». Иными словами, актуализированный правопорядок. Обнулением мы наносим по нему удар, разрушаем его, открываем ворота анархии и диктатуре (эти последние – всегда рядом), отказываемся от фундаментальных устоев цивилизации.

Это, однако, не все. Ведь если всерьез вдуматься в смысл обнуления, то получается: все, что было в России в последние двадцать лет, – не было. Фактически перечеркивается «путинское» десятилетие. Насыщенный событиями кусок русской истории отбрасывается, и его место занимает пустота. То есть обнуление – не только правовой *нигилизм*, но и *исторический*. В Конституции-2020 впервые в истории человечества законодательно зафиксирована возможность управления временем. Как ретроспективно: объявлять бывшее не бывшим, так и перспективно – утверждать заранее новую темпоральную повестку дня.

Конечно, в 2008 г. еще рано было обнулять – основные достижения были в будущем. А вот результаты шестилетки 2012–2018 гг. уже позволяли провести хронополитический, хроноправовой, хроноисторический переворот. Конституция-2020 не только сохранила за президентом хозяйство всех трех властей (исполнительной, законодательной, судебной), но и ввела суверенное право контроля над временем (тоже триада: прошлое, настоящее, будущее). Остался последний барьер на длинной исторической дистанции Российской Власти. Она все еще ограничена физическими сроками жизни персонификатора. И хотя это в корне противоречит ее природе, пока этот барьер не взят.

### Об итогах и причинах

Итак, отказ от конституционно-правовой процедуры трансляции власти, выделение «государствообразующего народа». Кроме того, в Конституцию вброшен целый пакет «норм» идеологического характера. При всей своей смутности (что дает возможность весьма широкого толкования) они открывают простор антидемократическим, репрессивно-подавляющим действиям, актуализируют какие-то архаические потенциально-насильнические пласты сознания и психики.

Историческая преемственность, «память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога». – Российская Федерация, как известно, – правопреемница СССР. Но, во-первых, СССР был страной агрессивного атеизма и безбожия. Во-вторых, о какой «памяти предков» и каких «идеалах» идет речь? Большевистских – это одно, до- и меньшевистских – другое. К тому же следует помнить, что СССР не считал себя правопреемником исторической России. То есть, цепляясь за СССР, мы отцепляемся от России (добольшевистской и меньшевистской). В-третьих, если «вера в Бога» становится конституционным положением, принципом, то тем самым, вольно или невольно, вносится сумятица в вопрос суверенитета. Наряду с традиционным для современной политико-правовой практики признанием народа «носителем суверенитета и единственным источником власти» в интенции появляется еще один «носитель» и «источник» – Бог. Две легитимности, два типа суверенитета – сакральный и демократический – их противодействие друг другу, взаимоотталкивание, характерные для «Конституции» 1906 г., способствовали революционному взрыву Февраля 1917-го и разрушению отечественной государственности. – Вновь на те же грабли?

Мне скажут, Основной закон Германии 1949 г. начинается: «Сознавая свою ответственность перед Богом ...». И ничего, страна живет. Чтобы не растекаться по древу, кратко: совершенно иная конкретная историческая ситуация и традиции. У немцев были свои грабли.

«Не допускается умаление подвига народа при защите Отечества». Устанавливается право и обязанность государства «защищать историческую правду». Что это? О чем? – «Подвиг народа при защите Отечества»? Когда, в какую эпоху? Или всегда? – Тогда вся история России сводится к «подвигу». Если бы было сказано об Отечественной войне, тогда ясно. Может быть, вообще это главный подвиг нашего народа. И что такое «историческая правда»? Кто ее сформулировал? В чем она? – Как-то не юридически туманно, общо. А поведение российских верхов критиковать (=умалить?) можно? Например, за развязывание советско-финской («зимней») войны и вторжение в Афганистан? Подозреваю, что теперь это «умаление». И, значит, – подрыв конституционных основ общества.

Вновь не человек, гражданин – мера вещей, но «народы», «историческая правда» и т.п. Вновь мы входим во времена «официальной народности», «обогащенной» страшным опытом XX столетия.

– Мы обесценили свою Конституцию, обрушили ее авторитет и значение. – На этот раз «танки» прошли по родным полям.

Каждое утро, просматривая новости, отмечаю: опять кто-то арестован, получил столько-то лет или штраф. Что же такое происходит в стране? С одной стороны, трогательное единство власти и народа, с другой – рост числа «правонарушителей», «мошенников», «разгласителей государственных тайн» и т.п. Как будто окунаешься в атмосферу тридцатых. – Тогда трудящиеся получили все: самый совершенный и справедливый общественный порядок, самую демократическую Конституцию, гарантирующую их социально-экономические права и исключаящую возможность эксплуатации человека человеком. Но одновременно выявлялись несметные рати «врагов народа». Партия и органы, не ведая сна и покоя, должны были вскрывать и уничтожать их. Рубить подлые змеиные головы вредителей, изменников, двурушников.

В Следственном комитете (СК) РФ создан Штаб по расследованию преступлений, «связанных с реабилитацией нацизма и фальсификацией истории Отечества». Штаб займется поиском виновных «в преступлениях, совершенных в годы Великой Отечественной войны», а также «предотвращением искажения исторических фактов». В общем и целом, новому подразделению предстоит оберегать «историческую правду» («Мы должны препятствовать искажению исторической правды, в том числе и уголовно-правовыми мерами», А.И. Бастрыкин). – Но что это? Видимо, что-то вроде ментального «золотого запаса». Если в советские времена пост № 1 располагался у входа в Мавзолей, то сегодня – у «исторической правды».

В России вновь: горе от ума. Вновь ключевое понятие Родины подменяют понятием «власть» (В. Набоков). И если большевики утверждали свою монополию на истину, то сегодняшние – на «историческую правду». В брежневские времена людей, критиковавших советскую власть, квалифицировали как психически больных (разве нормальному, здоровому человеку может не нравиться советское?!) и упекали в сумасшедшие дома. В настоящем свободомыслящим гражданам (не историкам только – всем) грозят уголовным наказанием. Когда-то, более 500 лет назад, Иосиф Волоцкий, один из главных деятелей Русской православной церкви, сказал: «Мнение есть падение». Его духовные наследники (в погонах и без) полагают «падением» свободное – историческое и любое другое – мнение, не соответствующее сконструированной ими «правде».

Говорят: история не повторяется. Да она только то и делает, что повторяется. И, кажется, мы вновь попали в историю.

Здесь возникает вопрос, на который мы сейчас должны дать (самим себе) ответ: почему демократическая революция конца 80-х – начала 90-х годов XX в. закончилась именно так?

Причин много. Назовем некоторые, важнейшие.

Конечно, прочные авторитарные традиции, многодесятилетняя советская жизнь без и вне демократии – конкуренции, выборов, сменяемости лиц у власти и т.д. Предреволюционный (второй половины XIX – начала XX в.) опыт забыт. Слабость права в общей диспозиции культуры. То есть правовой дефицит русской (и в особенности советской) системы. Понимание (почти всеми) власти только как насилия, а не комбинации насилия и договора. Развал экономики, падение уровня жизни основной массы населения. Поляризация социально-имущественных отношений: кучка сверхбогатых и многие миллионы бедняков.

Не было также продуманной, системной борьбы с советским прошлым. Не проведены декоммунизация и десоветизация – ни в символическом, ни в институциональном отношении. Фактически сохранился КГБ и родственные ему структуры. Путь во власть был открыт бывшим функционерам, представителям советской номенклатуры. Новую, демократическую систему строили из подручных, т.е. в основном недемократических, материалов. – Получилась недемократическая система. Вполне знакомая и «понятная» большинству.

Наконец, надо сказать, что тоталитарная диктатура, одной из разновидностей которой являлся советский коммунизм, весьма неплохо описана в научной литературе. Однако не хватает глубоких исследований, показывающих эволюцию тоталитаризма, различные этапы его существования. В целом завоевания науки относятся к сфере *input*-системы и начальных стадий ее бытования. Что касается *output*-измерения, то здесь все гораздо скромнее.

Говоря проще, у нас есть теория (теории) тоталитаризма, но нет теории выхода из него. Как действовать дальше? Какие меры, процедуры, институты могут использоваться в процессе «дальше»? И здесь должны быть проработаны все «подсистемы» общества – политика, экономика, внешняя политика, сфера общественного сознания, культура и т.д. Необходимо также извлечь уроки из тридцатилетнего посттоталитарного развития России.

При этом следует обратить внимание на предупреждение выдающегося немецкого юриста Густава Радбруха. Оно было сделано в ходе наблюдения над эволюцией Веймарской республики (1918–1933). Он утверждал: возможны два пути развития. Или авторитарный порядок возвращается в тоталитарное состояние, или, делая акцент на свободу, плюрализм и право, превращается в демократический и либеральный. Иными словами, если общество отказывается от усилий по реализации демокра-

тической программы, тотчас же происходит откат в тоталитарное прошлое. Которое и становится будущим.

### О конституции как цели

После принятия в 1993 г. Конституции РФ я постоянно (письменно и устно) утверждал, что этот продукт нашей политико-юридической мысли вполне органичен для русского исторического развития и одновременно адекватен тогдашнему состоянию общества и институтов власти. Действительно, Конституция 1993 г. в значительной мере есть продолжение плана государственного преобразования («Введения к уложению государственных законов», 1809 г.) М.М. Сперанского, «Основных государственных законов Российской империи...» 23.04.1906 г. и проекта Конституции, который готовили юристы Временного правительства к Учредительному собранию. Адекватность же этого продукта заключалась в том, что предложенная правовая конструкция позволяла уйти от «вечного проклятия» русской политики – двоевластия. Оно неоднократно в русской истории угрожало самим основам общества. И ситуация 1992–1993 гг. наглядно это подтверждала.

Кроме того, я полагал, что сверхпрезидентская система правления (президент, поставленный над системой разделения властей), хотя и является, с общепринятой точки зрения, нонсенсом, у нас вполне честно и точно фиксирует реальное положение дел. И эта «грубая» и «наглая» правда казалась мне честнее псевдодемократической псевдопарламентской лжи системы двоевластия, которая сложилась у нас в первые два послесоветских года.

Прошло почти тридцать лет с момента принятия Основного закона. Россия находится в тяжелейшем политическом кризисе, который, разумеется, есть «отражение» и кризиса общесоциального, и экономического, и ментального, и геополитического и т.д. «Отражение» – в том смысле и потому в кавычках, что, собственно говоря, Россия переживает просто общий кризис, а не какой-нибудь частичный. Но наиболее ярко и отчетливо проявляется он в политико-правовой сфере. И вот почему.

Конституционный проект Сперанского и скроенные по его лекалам «Основные законы» 1906 г. вполне подходили для России XIX в. Однако уже в начале XX столетия конструкция Сперанского во многих отношениях устарела. В этом, кстати, одна из причин катастрофы 1917 г. Но сейчас мы не о прошлом – о настоящем.

Итак, Конституция 1993 г. есть «ремейк», в основном и целом, конституционных идей и практики дореволюционной России. В особенности это касается организации функционирования власти. Главное сходство конституций 1906 и 1993 г. (и в то же время главное отличие от основных

законов европейских стран) заключается в поставленной над системой разделения властей фигуре императора-президента.

Но между двумя русскими конституционными текстами XX в. существует и громадное различие, которое, должен признать, я не принимал во внимание, хотя все это лежит на поверхности. В Конституции 1906 г. суверенитет принадлежит императору: он есть источник всей и всякой власти, всех и всяких законов. В Конституции 1993 г. суверенитет принадлежит народу. То есть не президент, как ранее император, а народ является источником власти и законов. Таким образом, внешне, формально схожая конструкция власти на поверку оказывается «лишь» прикрытием совершенно отличных друг от друга сущностей.

В Конституции 1993 г. «запрограммирована» ситуация первых двух десятилетий XXI в. Так что же произошло с нашей нынешней Конституцией и политическим порядком в этот период? Отвечая на этот вопрос, уместно вспомнить идею классика политической и конституционной мысли XX в. М. Дюверже: в рамках всякой конституции заложены потенциальные возможности для существования различных политических режимов. Это означает, что нормальная современная конституция (российская в целом является таковой) предполагает вариативность политического развития, вместе с тем и ограничивает его некоторым коридором возможностей. В силу различных, но совершенно реальных социальных причин все три российских президента – разумеется, с разной интенсивностью и последовательностью – резко ограничили, так сказать, демократические, либеральные возможности Конституции и усилили властно-авторитарные. При этом, используя свои практически неограниченные полномочия (по той же Конституции), они произвели ряд принципиально недемократических и даже отчасти антиконституционных (по духу) нововведений.

К чему же это привело? К крайне резкому обострению конфликта между принципом суверенитета народа и почти неограниченной властью президента, к превращению законодательных, исполнительных и судебных органов власти в некие комиссии при президенте. При этом все три президента – совершенно разные люди (разных биографий, возрастов и т.д.). Объединяет их то (включая даже относительно молодого Медведева), что это – советские люди. Советский же человек органически, экзистенциально воспринимает власть как только насилие, социальное согласие (консенсус) – как то, что все согласны со «мной», объективный социальный конфликт – как заговор «темных сил» против «меня» и олицетворяемой «мною» правды, наличие чужого мнения – как проявление крамолы.

Изменение ситуации многими видится через принятие новой конституции, в которой (помимо всего прочего – и прежде всего) необходимо отказаться от модели Власти-Моносубъекта (единственной Субстанции



господствующего порядка). На смену должна прийти полиархическая модель. Обычно она осуществляется через парламентаризм, федерализм и систему союзов наемных работников и работодателей. Сегодня ничего этого в России нет. Как и политических партий<sup>1</sup>.

Иначе говоря, новая Конституция предполагает демонтаж Русской Власти, сконцентрированной сегодня в фигуре президента. Задача состоит в том, чтобы не просто минимизировать его полномочия, но и эффективно вписать в систему разделения властей. При этом следует понимать, что опытная Русская Власть будет искать себе в новой юридической конструкции нишу, с тем чтобы продлить свое существование и отправление<sup>2</sup>. Поэтому даже самая удачная Конституция может не «справиться» с этим историческим феноменом. Если же Власть удастся вывернуться и сохраниться, в той или иной форме произойдет восстановление диктатуры. Кроме того, необходимо учитывать: если в поисках нового, более совершенного и адекватного политико-правового устройства хотя бы потенциально будет возрождена конструкция двоевластия, мы вновь заложим мину замедленного действия.

И еще одно. Основой всякой демократии являются выборы. Именно в выборном процессе и реализуется народный суверенитет. Практически же уничтоженные в России выборы не дают народу реализовывать это свое гласное социальное право. Следовательно, наличная политическая система, выросшая из авторитарных потенциалов Конституции (и отказавшаяся от ее демократических потенциалов), не оставляет места для оппозиции. Всякое, в том числе российское, общество основано на конфликте интересов. Это – признак любого живого социума. И всякое общество, чтобы не саморазрушиться, создает институты и процедуры, в рамках которых происходит конкуренция и согласование этих конфликтных интересов. В первую очередь имеются в виду, конечно, представительные учреждения. К сожалению, нынешняя российская политическая система не оставляет ни единой возможности для реализации иных, отличных от господствующих, интересов.

А что же оппозиция? Оппозиционные политические партии? В современном русском политическом языке существует два ее определения –

---

<sup>1</sup> При этом политическая система стран Запада переживает не лучшие времена. Это усиливает позиции «евроскептиков» в России.

<sup>2</sup> Годы медведевского президентства (2008–2012) показали: прикрываясь действующей Конституцией, «лидер» и в роли премьера может оставаться «лидером». Это означает, что в России сложилась внеконституционная, внеправовая система господства. Что власть в стране по-прежнему не политическая и не правовая. И она сильнее Конституции. Она может превратить фигуру «технического» премьера в главную (системообразующую). И наоборот: сверхполномочного (по Конституции) президента – в «техническую» фигуру. Правовые установления разбиваются о Русскую Власть.

системная и несистемная. Что касается «системной», то она олицетворяется партиями, допущенными в Думу. Именно «допущенными», поскольку их судьба зависит от Власти. Это относится и к коммунистам, с их довольно широкой социальной базой и хорошей организацией. Но если бы Власть по какой-либо причине решила элиминировать КПРФ из властного пространства, несомненно, эта задача была бы – так или иначе – выполнена. Это означает, что КПРФ, «Справедливая Россия» (СР) и Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) имеют по преимуществу властную легитимность. Другими словами, они в «системе» по разрешению начальства. Хотя, конечно, реальная жизнь сложнее моделей, «идеальных типов». И совокупная легитимность «допущенных» – разумеется, в различных пропорциях – включает в себя и легитимность от «народа». Но определяющей, господствующей является, вне всякого сомнения, властная.

Тогда можно ли полагать «системную оппозицию» оппозицией по сути? Нет, нельзя. Дело в том, что оппозиция не может быть назначена. Право на этот «титул» завоевывается в борьбе за голоса избирателей, а не за «разрешение» властителя. В последних Думах доминирует «Единая Россия». Это – не партия, а думский псевдоним Власти, приводной ремень Власти, порученец Власти и т.п. «Системная оппозиция» допущена оппонировать этому властному порученцу. Все они – ЕР, КПРФ, ЛДПР и СР – поют по одной партитуре, написанной в одном месте.

Фальшь системной оппозиции в том, что она никогда не сможет стать властью. Не предусмотрено. Место занято. – В этом смысле нынешняя русская политическая система есть закрытый клуб, куда не допускают несистемных (не взращенных или прощенных властью) и где все функционирует по мановению палочки дирижера-председателя.

Все это доказывает, что ревизия Конституции не есть только перераспределение власти в пользу законодательных и судебных органов, что это не только «вписывание» института президента в систему разделения властей. Это сложная и тонкая работа по созданию дифференцированного, сложного механизма сдержек и противовесов. Но перед нами богатый мировой опыт и опыт наших собственных успехов и провалов. Цель же очевидна: привести наш Основной закон в соответствие с принципом народного суверенитета, вернуться в пространство цивилизации, где Конституция (и система права) – единственный регулятор политики, экономики, всего общества.

### Парламентаризация как средство

В качестве основного лекарства против болезней политической системы русская мысль предложила идею парламентаризма. Можно смело утверждать, что парламентаризм стоит на повестке дня. Кстати, следует

напомнить: требование парламентаризма выдвигали еще либералы начала XX в. (кадеты). О желательности и спасительности парламентских институтов много и убедительно говорили в годы первой русской эмиграции (между войнами). В эпоху перестройки парламентаризм как возможная модель русской власти всерьез рассматривался общественными деятелями и специалистами (юристами, политологами, историками). В 2019 г. на волне выступлений в Москве, Петербурге, Екатеринбурге и других городах представители различных оппозиционных сил (чаще всего несогласных друг с другом по ряду коренных вопросов) не раз заявляли, что желаемый и возможный путь России – это парламентская реформа. Только она может обуздать всесильную Русскую Власть.

До недавнего времени комментаторы не исключали, что парламентаризмом с целью продлить свое единоличное господство может воспользоваться Путин. Ведь срок правления премьер-министра конституционно не ограничен. Близкие к Кремлю политологи неоднократно указывали на Германию, где А. Меркель правит уже шестнадцать лет, да и Г. Коль был у власти шестнадцать. Чем мы хуже?! Однако Путин решил избрать другой путь.

...Теперь самое место сказать несколько слов о гипотезе «Русская Система». Она была выдвинута двумя исследователями (Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов) в 1995 г. «Гипотеза» – потому что до полновесной концепции не дошло, авторы разошлись мировоззренчески. Однако и то, что они успели сделать вдвоем, как мне кажется, дает неплохой инструментарий, основные методологии, с помощью которых можно еще раз попытаться «understanding Russia» (используя выражение Марка Раева).

Центральным элементом Русской Системы является Власть. Она – единственный Субъект русской истории, ее субстанция. Такой она стала после и в результате похищения субъектных энергий у всех остальных ее носителей. И прежде всего субъектности была лишена основная часть русского народа. Подобный народ (население) называется популяцией. Наряду с Властью-Моносубъектом и популяцией имеется и третий важнейший элемент Системы. Это – Лишний Человек. Он может быть как индивидуальным (часть дворян и интеллигентов в XIX – начале XX в.), так и коллективным (казачество в XVII в., старообрядчество). Лишний Человек – это те индивиды или группы, которые не «перемолоты» Властью и поэтому не стали ни ее органом, ни частью популяции. Или же это люди, «выломившиеся» из популяции и Власти.

Следовательно, Русская Система – это такой способ взаимодействия ее основных элементов, при котором Русская Власть – единственный социально значимый субъект. Если Русская Система есть способ контроля над русской жизнью, то Лишний Человек – это мера незавершенности Си-

системы, индикатор степени неперемолотости русской жизни Русской Системой и Властью. Процесс взаимодействия, с одной стороны, Русской Системы и Русской Власти, а с другой – Русской Системы и русской жизни (в которой Система далеко не все исчерпывает и охватывает, а в Системе не все Власть) и есть Русская История.

В определенных исторических условиях элементы Русской Системы диффузируют друг в друга. Так, к примеру, после большевистской революции мы имеем дело с феноменом Властепопуляции («кухарка» управляет государством). Это, если угодно, «перевернутая» Русская Система. То есть эссенция Системы сохранена, но в прямо противоположной социально-властной конфигурации. Зинаида Гиппиус на заре коммунистического порядка вывела точную формулу его соотношения, различия и одинакости (как говорил Герцен) с царским режимом. По ее словам, идея самодержавия – власть одного над всеми, идея коммунизма – власть всех над одним. И в том и в другом случае осуществляется подавление индивида, что и является *содержанием* русского типа социальности. Меняются лишь «политические технологии».

И еще о Русской Власти – элементе и категории системообразующей. Как и все остальные составляющие Системы, она отражает и описывает мир (русский мир, или мир), который прошел мимо спора номиналистов и реалистов (в ходе этого спора были сформулированы основы современного мышления), который не видит границы между метафизическим и физическим. И потому здесь изначально заложен конфликт метафизического и физического, субстанциально-властного и субстанциально-личностного. Иначе говоря, природа русской власти с необходимостью *предполагает* не только их некое соединение, взаимопроникновение, но и – борьбу. Если на Западе в ходе длительной эволюции власть обрела принципиально-безличностный характер, а идея власти полностью отделилась от идеи личности (вместо того, чтобы считать, что власть является личной прерогативой лица, которое ее осуществляет, была разработана форма власти, которая независима от правителей; эта форма и есть государство), то в России всего этого не было. Здесь, напротив, высшей метафизической пробы власть была намертво прищиплена к некоему физическому лицу.

Итак, парламентаризм в России – это демонтаж Русской Власти как Моносубъекта, Власти как только насилия (на Западе – это комбинация насилия и конвенции между властью и гражданами), Власти как Властесобственности. Это – конец Русской Системы вообще. Конец популяции (т.е. населения, лишённого субъектности). Превращение ее в народ (граждан) – источник всех властей.

В общем и целом сегодня парламентаризм в России не цель (слишком далеко), но – средство преодоления Русской Системы (Русской Вла-

сти, в первую очередь). Это – лекарство от диктатуры, способ ее уничтожения. Путь, а не конечная станция.

... Бывают странные сближения, говорил Лев Толстой. Так вот, мне представляется, что исторические судьбы христианства и парламентаризма схожи. При этом я имею в виду не то, что парламентаризм родился и утвердился в христианских странах и лишь потом начал свое шествие по свету. Это так. Но сейчас меня интересует другое.

Христианство в какой-то момент осознало, что несет собой не «светлое будущее» человечества, а рецепт сохранения жизни («Божьего дара»), ее умиротворения, смягчения. Что ни говори, но оно смирилось со своей «скромной ролью». Не строит более некое совершенное «христианское общество», а вполне удовлетворено наличным – с парламентской системой и социально ориентированной рыночной экономикой. Так, в Германии идеологи католической и протестантской ориентации утверждают, что современный западный порядок в наименьшей мере противоречит духу Нового Завета. Или в наибольшей степени соответствует ему. Это и есть христианские «оправдания» парламентской демократии.

Кстати, с судьбой христианства и парламентаризма схожа судьба социализма. Там, где он отказался от вселенской задачи – осчастливить человечество и начал лечить конкретные болезни и конкретные дефекты конкретных обществ, где предлагал конкретные меры по улучшению status quo, там, где превратился в социал-демократию («социальную демократию»), он выполнил свою настоящую историческую задачу. А где нет, как в России, стал новой формой подавления человека, диктатуры, насилия. В результате – погиб.

Вообще-то «парламент» переводится на русский язык как «говорильня». Это место, где «говорят» – спорят, ругаются, где открыто сталкиваются различные интересы. Там им дозволено высказываться, находить компромиссы, предлагать решения. Там энергия ненависти утопает в словах – «говорильня»! И из потенциально разрушительной энергия превращается в потенциально созидательную. В России одним из первых, еще в середине XIX в. это понял А.И. Герцен. Он писал: «Европа догадалась, что представительная система – хитро придуманное средство перегонять в слова и бесконечные споры и общественные потребности, и энергетическую способность действовать». Но по сей день это в России уразумели далеко не все. В полуанекдотической, полуафористической манере это выразил бывший председатель Государственной Думы Б.В. Грызлов. «Парламент не место для дискуссий», – молвил он. А его однопартиец (ЕР) В.Н. Богомолов, еще недавно крупный функционер, расшифровал нам, что такое дискуссия. «Лучшая форма дискуссии – допрос».

Вместе с тем следует подчеркнуть: вопрос о переходе к парламентской системе встал в России не впервые. Он занимал центральное место в программе дореволюционной либеральной партии «Народная свобода» (кадеты). Однако в 1917 г., готовясь к Учредительному собранию, юристы (кадеты и эсеры – крупнейшая социалистическая партия России), призванные Временным правительством, составили не парламентский, но – сверхпрезидентский проект. Он напоминал «Основные государственные законы» от 23.04.1906 г. Правда, место наследственного императора занимал всенародно избранный президент, срок полномочий которого был семь лет. И, подобно царю, он был поставлен над системой разделения властей. То есть не был вписан в нее (были и другие отличия: верхней палатой парламента становился Совет Федерации; Госсовет не предусматривался). В общем и целом проект Конституции 1917 г. своими главными идеями восходил к «Введению к Уложению государственных законов» (1809) М.М. Сперанского, которое соответствовало реалиям начала XIX в. и было уже архаичным в XX столетии.

Вполне возможно (но это лишь предположение – исследований этого вопроса я не видел) юристы Временного правительства вдохновлялись и Конституцией Германской империи 1871 г. (во всяком случае, все они прекрасно знали ее). Кайзер тоже стоял над системой разделения властей. Но был ограничен сильным федерализмом. Вводя федеративную систему в России, российские правоведы 1917 г., не исключено, хотели «ограничить» непомерные полномочия президента федерализацией страны.

В 1993 г. на очередном переломе русской истории большинство правоведов, политиков, общественных деятелей демократической ориентации тоже высказались за сверхпрезидентскую республику. Президент не был ограничен разделением властей, по сути поставлен над ним. Это тоже прочная русская традиция: либеральные реформы в стране эффективно идут тогда, когда опираются на союз трона и прогрессивной общественности. И в 1917, и в 1993 гг. инстинкт выживания подсказывал: только сверхвласть президента, окруженного либеральными советниками, может предотвратить хаос и сохранить власть в собственных руках.

Парламентскую же идею отстаивали коммунисты, близкие к ним идеологи и очень небольшая часть демократического лагеря. События 21.09.1993 г. (Указ президента № 1400, распускавший Съезд народных депутатов) – 04.10.1993 г. (расстрел Белого дома) в Москве, казалось бы, похоронили парламентскую идею. Должен сказать, что в российских научных и экспертных кругах распространено мнение, согласно которому осень 1993 г. – это столкновение исполнительной власти (Ельцин) и законодательной (Хасбулатов), что утром 4 октября 1993 г. огонь нескольких танков уничтожил российский парламентаризм. – Нет! Советы не были парламентским институтом. Они, по мысли их теоретика (Ленина), были

способом преодоления «буржуазного парламентаризма», «системы разделения властей». Советы, по образу и подобию Русской Власти, претендовали на *всю* власть – и законодательствовать, и исполнять, и судить. К осени 1993 г. сложилась ситуация двоевластия. Мирный путь разрешения кризиса был закрыт. Это связано и с глубиной раскола, и с личными качествами вождей обоих лагерей. Советы – не парламент! – были раздавлены.

В последние годы – мы уже говорили об этом – идея парламентаризма становится все более востребованной. В ее осуществлении видят наилучший способ выздоровления от болезни диктатуры. Тем не менее по-прежнему преобладает мнение, что парламентаризм имеет в нашей исторической почве слабые корни. Всё забывает теория и практика деспотии. Это так и не так.

Парламентаризм есть идея народного представительства. Граждане выбирают своих представителей, которые впоследствии для них и от их имени принимают законы, на основе которых строится жизнь этого социума. Если внимательно посмотреть на русское прошлое, мы увидим, что с середины XVI по конец XVII в. в России существовали Земские соборы. Полтора столетия! Конечно, Соборы – не парламенты. Но в те времена ни у кого не было выборных законодательных институтов современного типа. И быть не могло. Для них еще не приспели сроки – не сложились соответствующие социальные условия. Тем не менее Земские соборы реально соучаствовали в выработке и принятии «правительственных решений». Также реально представляли «землю» (общество). Они неоднократно учреждали новую власть (например, в 1598, 1613 гг. и др.). Считалось, что царь не может быть поставлен или не может наследовать власть в обход Земского собора.

Не случайно Соборы рождаются одновременно с окончательным оформлением самодержавия. Как будто бы российская «политическая культура» сразу же озаботилась некоторым ограничением Русской Власти-Моносубъекта. Да временами и само самодержавие ограничивает свою «тотальность». Так, в 1606 г. избранный и поставленный боярством царь Василий Шуйский принимает «Подкрестную запись» – первый в русской истории юридический акт, ограничивающий Власть. В 1613 г., учредив новую династию (Романовых) и избрав царя (Михаила), Собор не уходит в тень и на протяжении десяти примерно лет правит вместе с царем. Иными словами, Россия постепенно набирает опыт участия в управлении.

В 1730 г. группа аристократов, членов Верховного тайного совета (тогда – высший орган государственной власти) разрабатывает программу ограничения самодержавия. Предполагалось, что родовая знать получит свою долю во власти. Эта программа вошла в историю под названием

«Кондиции». В начале XX в. крупнейший политический мыслитель России П.Б. Струве скажет, что если бы в 1730 г. победили «верховники», то в 1917 г. у Ленина не было бы шансов. За два столетия предприятие, начатое «верховниками», могло превратиться в парламентскую монархию, на практике наиболее устойчивую форму власти, противостоящую всякого рода попыткам установления диктатуры. Во второй половине XVIII в. в России появляются первые конституционные проекты, предполагавшие разделение властей и создание парламента. В начале XIX в. (правление Александра I) конституционные проекты росли как грибы после дождя. Наиболее убедительным был план преобразования государства М.М. Сперанского. Нельзя также не упомянуть «Уставную грамоту» Н. Новосельцева. В александровские годы конституции принимаются в некоторых частях Российской империи (Финляндия, Польша).

Свой вклад в теорию русского парламентаризма внесли и дворянские революционеры – декабристы. Прежде всего речь идет о Конституции Никиты Муравьева. Россия должна была превратиться в парламентскую монархию и стать страной с федеративным устройством. Во второй половине XIX в. идея парламентаризма была одной из самых обсуждаемых русской политической мыслью. При этом внимательнейшим образом отслеживалась бурная конституционно-парламентская действительность западных стран.

Вообще русская история достаточно богата традициями участия в управлении теми или иными институтами государства и общества. Вспомним губное самоуправление в северных уездах Руси, расцвет которого пришелся на первую половину XVI в.; особенно замечательны были губные суды – прообраз суда присяжных. Не была забыта народным сознанием и новгородско-псковская (и вятская) демократия. А земства второй половины XIX – начала XX в.?! – Успешное местное самоуправление. Со школами, больницами, строительством дорог... Причем самоуправление реализовывалось в деревне (с 1864 г.), городе (с 1870 г.), на уровне уезда (района) и губернии (области). По сути земства – это маленькие локальные парламенты. Способ их формирования – выборы. Так в России приживался основной институт парламентской демократии – конкурентные выборы.

Не случайно, когда парламент был «разрешен» (Конституция 1906 г.), наши предки весьма умело стали пользоваться его возможностями. Вне всякого сомнения, период парламентской монархии – лучший в российской истории. Это абсолютно достоверное доказательство «совместимости» парламента и русского человека. Это – ответ на сомнение относительно возможности и уместности парламента в России. Уже пробовали – получалось!



Задаются и практические вопросы. Как возможен парламентаризм в стране, где нет самостоятельных политических партий? Кто же будет формировать парламент и работать в нем? – Действительно, вопросы *практические*. Видимо, лишь открытое (так сказать, *гласное*) признание необходимости парламентаризма и подготовка к выборам могут способствовать формированию партий парламентского типа.

О чем еще спорят и на что обращают внимание сторонники парламентаризма? – Это учет опыта зарубежных стран, особенно тех, что однажды (или не однажды) споткнулись на парламентской системе, но затем вернулись к ней и реализуют вполне удовлетворительно. Это прежде всего Германия. Именно эту страну приводят в качестве примера трудной, но в конечном счете удачной парламентской судьбы.

Сами немцы считают, что провал Веймарской республики во многом был связан с тем, что политическая демократия не имела опоры в экономической и социальной сферах. Поэтому в послевоенный период большое внимание уделялось *Mitbestimmung* – немецкому варианту социальной и экономической демократии. Нам тоже следует помнить: парламентская политическая демократия венчает национальную демократическую постройку. Это – ее верхние этажи. Надо иметь опору в нижних – социально-экономической сфере. Иначе здание будет неустойчивым. Значит перед нами, помимо прочего, задача демократизации социально-экономических отношений. Эта задача, как показывает опыт Германии и других успешных европейских стран, может решаться через создание институтов соучастия наемных работников в управлении отраслями экономики, предприятиями.

Сторонники парламентаризма также должны усвоить, что одни и те же, или схожие, подобные системы в различных странах (политических культурах) работают по-разному. Президентско-парламентская система Пятой республики вывела Францию из кризиса и обеспечила стране возможности роста. Схожая система в Германии 20-х – начала 30-х годов XX в. не удержала общество от скатывания к диктатуре. То есть одно и то же лекарство по-разному действует в различных организациях.

И, разумеется, сторонники парламентаризма должны отказаться от всех форм «холизма», «абсолютизма» и пр. (эти опасные болезни исторически характерны для русских). Главный вопрос: *как?*, а не *куда?* Более того, возможны компромиссы в виде, к примеру, смешанных парламентско-президентских систем. – При понимании того, что спор идет не об *идеальной* конструкции, а об «относительной» и подвижной. – И нельзя спешить. Терапевт предпочтительнее хирурга.

## YURIY PIVOVAROV

*RUSSIA AT THE TURN OF THE 2010 s–2020 s*

**Abstract.** *The article is devoted to the development of the political situation in Russia at the turn of the tenth – twenties of this century. The pseudo-democracy of the nineties has degenerated into a rigidly authoritarian system. In practice, the power of the president is not limited by anything and is located above the system of separation of powers. The amendments made to the Constitution in 2020 dramatically increased its authoritarian potential.*

**Keywords:** *parliamentarism, presidentialism, mass demonstrations, decline of the Second Republic, zeroing of presidential terms.*

**И.Ю. ПЕШИНА, И.Г. ШАБЛИНСКИЙ**

**О СВОБОДЕ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ :  
ЕСПЧ – О ДЕЛЕ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТКИ**

*Аннотация.* Противостояние свободных средств массовой информации и государства в лице его институтов является серьезной проблемой как для России, так и для многих других европейских государств. Решения Европейского суда по правам человека по жалобам журналистов и средств массовой информации на нарушения ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод напоминают национальным судам о необходимости обеспечения свободы массовой информации в соответствии с внутренним законодательством и принятыми на себя государствами международными обязательствами. В решении по делу «Скудаева против России» Европейский суд подчеркнул, что национальным судам следует искать баланс между свободой слова и свободой средств массовой информации, с одной стороны, и правом публичного лица на честь и достоинство – с другой. Суд также напомнил о важности различения информации о фактах и оценочных суждений журналиста в связи с возможностью дальнейшей оценки его высказываний с точки зрения их достоверности. Суд указал на необходимость повышенной терпимости публичных персон к критике, подчеркнув, что деятельность должностных лиц может и должна критиковаться. В таких спорах судам необходимо учитывать интересы общества, и, если журналист вскрывает общественно значимую проблему, критикуя представителей власти, судам следует принять его сторону даже в тех случаях, когда представители власти чувствуют себя уязвленными. Также Судом было отмечено, что ограничение свободы на выражение мнения возможно, но всегда должно обосновываться национальными судами в соответствии с принципами и стандартами ст. 10 Конвенции.

**Ключевые слова:** Европейский суд по правам человека, право на свободу выражения мнения, права журналистов, честь и достоинство чиновника, констатация фактов, оценочные суждения.

### Решение ЕСПЧ по делу А. Скудаевой

Рассмотрение Европейским судом по правам человека (далее – Европейский суд или ЕСПЧ) жалоб, связанных с нарушением свободы выражения мнения, нередко способствует раскрытию новых аспектов этой нормы, разбору некоторых проблем, связанных с ее реализацией.

Жалоба Анны Скудаевой, поступившая из Российской Федерации, примечательна тем, что в ней отражен конфликт, достаточно типичный для нынешних российских реалий. Речь идет о конфликтах глав регионов (либо членов местной политико-административной элиты) с региональными СМИ и их журналистами, пытающимися в той или иной мере критиковать власть. Подобная критика становится все более опасной для журналистов. Соответственно серьезные трудности в работе может испытывать любое издание, которое губернатор, администрация или представители силовых структур считают недостаточно лояльным. История отечественной журналистики последних 10–15 лет включает немало эпизодов, когда против неугодных журналистов (редакторов) областных либо республиканских СМИ возбуждали уголовные дела – в прямой связи с их профессиональной деятельностью.

Отношения власти и прессы в этих случаях складывались в рамках вполне традиционной или, точнее, архаичной модели. Административная верхушка региона обычно полагала, что вправе осуществлять контроль над наиболее популярными печатными изданиями и телеканалами. Уклонение главных редакторов и журналистов от роли «поднадзорных» воспринималось как бунт или по крайней мере как недопустимая вольность.

Как отмечают В.И. Бакштановский и М.В. Богданова, «многие признаки актуальной ситуации в профессии противостоят ценностям профессиональной этики журналиста. Противостоят системно. И противостоят не пассивно, но, вполне можно сказать, разрушают этику профессии...» [Бакштановский, Богданова, 2015, с. 23–24].

В то время как политологи, характеризуюя современное состояние медиапространства, говорят о «ликвидации монополии институциональных средств массовой информации» [Введение, 2016, с. 48], в российской глубинке эти самые «институциональные СМИ» в лице крупных областных газет все еще ведут тяжелую борьбу за свободу выражения мнений. Региональные администрации в этой борьбе опираются на силовые структуры.

Многие журналисты были привлечены к уголовной ответственности – в осуществляемой ими профессиональной деятельности правоохранительные органы нередко усматривали составы преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. Достаточно часто при

этом использовались нормы ст. 129, 128.1 (клевета), 319 (оскорбление представителя власти), а также 163 (вымогательство).

На основании таких обвинений были осуждены журналисты, хорошо известные в своих регионах, – Маргарита Ефремова из Ростова-на-Дону (газета «Южный Федеральный»), Александр Андронюк из Арзамаса (газета «Арзамасские вести»), Игорь Рудников (газета «Новые колеса») и многие другие.

Наш заявитель, журналистка костромской региональной газеты «Хронометр Кострома» Анна Скудаева отделалась довольно легко: на ее публикацию с критикой губернатора и администрации области те ответили гражданским иском, требуя защиты чести, достоинства и деловой репутации. Ленинский районный суд Костромы частично удовлетворил этот иск, признав обоснованными требования губернатора и отказав в иске администрации, а вышестоящий суд оставил это решение в силе. Напротив, Европейский суд, в который заявительница обратилась с жалобой, установил, что национальные суды не провели различия между фактами, подлежащими доказыванию, и оценочными суждениями заявительницы, которые и явились фактическим основанием исковых требований губернатора и областной администрации. Кроме того, по мнению ЕСПЧ, национальные суды не учли профессиональные обязанности заявительницы, которая публиковала материалы с критикой власти, выполняя свой журналистский долг. В результате Европейский суд признал, что в отношении заявительницы была нарушена ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция)<sup>1</sup>.

По нашему мнению, это решение представляет существенный интерес с точки зрения установления справедливого баланса между защитой свободы слова, свободой массовой информации и защитой репутации и доброго имени лица, являющегося представителем власти.

### **Содержание жалобы и обстоятельства дела**

Заявительница, Анна Скудаева, профессиональная журналистка, жила и работала в Костроме. В июле 2006 г. она написала для ежедневного регионального издания «Хронометр Кострома» статью «Несмешное кино», посвященную коррупционным отношениям во властных структурах региона. Нужно отметить, что А. Скудаева была достаточно известным в области журналистом. В 2000 г. она стала лауреатом Всероссийского конкурса журналистского мастерства «Золотой гонг» в номинации «За мужество в отстаивании прав граждан через прессу», в 2001 г. – победителем

---

<sup>1</sup> European Court of Human Rights (далее – ECtHR). Skudaeva v. Russia. Application no. 24014/07. Judgments of 3 March 2019.

Всероссийского конкурса региональных журналистов «Вопреки» им. Ларисы Юдиной (за серию публикаций антикоррупционной направленности). Рассматриваемая публикация была не первым материалом Скудаевой, вызвавшим недовольство губернатора и администрации Костромской области. Так, статья Скудаевой «Шершунов покупает вертолет?» в том же печатном издании ранее также стала предметом судебного рассмотрения в связи с исками губернатора и администрации области к журналистке и изданию (тогда суд отказал истцам в удовлетворении их требований). Публикация «Парад уголовных дел» вновь свела администрацию области и ее губернатора с Анной Скудаевой и ООО «Хронометр» (редакция газеты не являлась юридическим лицом, поэтому иск был предъявлен организации – учредителю средства массовой информации) в качестве сторон гражданского процесса. Воспользовавшись распорядительными правами, предусмотренными ст. 39 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, тяжущиеся заключили мировое соглашение.

На этот раз в центре внимания журналистки оказалось написанное в 2003 г. письмо губернатора области Виктора Шершунова в районный суд. В нем губернатор высказывал поддержку своему заместителю Дмитрию Старостину, который оказался под судом, будучи обвиненным в растрате и умышленном причинении вреда здоровью. Можно предположить, что Старостин был очень ценным специалистом, да и сумма растраты не выглядела значительной (147 тыс. рублей). Но все же письмо, в котором губернатор просил суд при возможности «освободить вице-губернатора от уголовной ответственности», выглядело, мягко говоря, странно.

А. Скудаева в своей статье констатировала, что губернатор «всеми силами пытается выгородить своего подчиненного», «стараясь сохранить честь мундира». Подзаголовок материала гласил: «В разгар коррупционных скандалов, сотрясающих область, “красный дом” всеми силами старается сохранить лицо». Статья вышла в газете «Хронометр Кострома» 18 июля 2006 г., а спустя восемь дней губернатор и администрация области обратились в суд с исками о защите чести и достоинства (губернатора), деловой репутации (администрации), признании ряда высказываний автора статьи несоответствующими действительности. Указанные требования сопровождалось также требованиями истцов о возмещении морального вреда в размере 20 000 рублей с ООО «Хронометр» и 10 000 рублей с журналистки.

Поводом для обращения в суд послужили, в частности, следующие высказывания автора статьи: «В разгар коррупционных скандалов, сотрясающих область, “Красный дом” (имелось в виду здание администрации в Костроме, символизирующее областную власть) всеми силами пытается сохранить лицо», «несмотря на серьезный характер уголовных обвинений,

выдвинутых против его заместителя, губернатор пытался любой ценой выгородить своего подчиненного, пытаясь отстоять честь мундира...»

Журналистка настаивала на том, что все оспариваемые высказывания представляли собой оценочные суждения, на которые она имела право. В этих суждениях упоминались либо подразумевались факты, которые как таковые не оспаривались губернатором. Скандал действительно имел место. Уголовные дела – тоже. Письмо губернатора в суд активно обсуждалось в судебском сообществе – это был уже давно и хорошо известный факт.

Однако Ленинский районный суд города Костромы пришел к неожиданному выводу. Сначала он признал то, что не признать было бы трудно: «...уголовное преследование руководителей органов исполнительной власти региона и унитарных предприятий было известным фактом... Эти события привлекли внимание общественности и вызвали широкий общественный резонанс в регионе, независимо от статей в прессе».

Но затем суд расценил *как высказывание о факте* выражение А. Скудаевой «всеми силами пытался выгородить своего подчиненного» – именно так журналистка оценила факт направления губернатором письма в защиту вице-губернатора в суд.

Суд этот факт подтвердил, установив, что «9 февраля 2003 г. губернатор В. Шершунов направил федеральному судье Н. Мигунову ходатайство о прекращении ходатайства по уголовному делу в отношении Д. Старостина...» Но слова «выгородить подчиненного» охарактеризовал как «не подтвержденные в ходе судебного заседания».

Аргументация суда заслуживает особого внимания. В частности, суд указал на то, что «выгораживание» определяется в словаре как «доказывание непричастности кого-либо от ответственности». Но губернатор, по мнению суда, вовсе не пытался доказать, что Д. Старостин не причастен к преступлениям, в которых его обвиняли. Он лишь предлагал суду «изучить возможность прекращения уголовного дела с учетом времени, прошедшего с момента совершения преступления Д. Старостиним и информации, касающейся личных характеристик последнего». То есть вовсе не выгораживал подсудимого. А значит, журналистка отклонилась от истины, исказила факт.

С этой точки зрения суд оценил и слова «всеми силами». Для этого тоже потребовался словарь, который помог суду понять, что «всеми силами» означает «всеми средствами и всеми возможными способами». Но губернатор, по мнению суда, все же не пытался добиться своего «любой ценой»: он лишь предлагал суду изучить возможность прекращения уголовного дела.

По мнению суда, не соответствовало фактам и высказывание журналиста о том, что губернатор «защищал честь мундира». Эта идиома, по мнению суда, подразумевает поведение человека, который ради личных или узко истолкованных институциональных интересов не хочет стирать свое грязное белье публично (именно такую интерпретацию идиомы суд нашел в словаре) и желает поддержать хорошую репутацию любыми возможными способами. Суд решил, что ответчики не предоставили доказательств, свидетельствующих о том, что, направляя свое ходатайство (о прекращении уголовного дела в отношении вице-губернатора), губернатор преследовал свои личные интересы либо интересы областной администрации.

Таким образом, идиома «защищая честь мундира» также оказалась утверждением о факте.

Соответственно, суд счел, что требования губернатора о защите его чести и достоинства являются вполне обоснованными и подлежат удовлетворению. Судебное решение обязало газету опубликовать опровержение, а также взыскать в качестве компенсации морального вреда 1000 рублей с газеты и 500 рублей с журналистки.

Можно предположить, что на решение суда значительно (в двадцать раз) уменьшить сумму морального вреда повлияло то, что истцом не были представлены убедительные доказательства, подтверждающие его физические и нравственные страдания, а также обосновывающие заявленный размер морального вреда.

Журналистка и представитель ООО «Хронометр» обжаловали решение районного суда в Костромском областном суде. Они придерживались своей прежней позиции: все оспариваемые фразы представляют собой оценочные суждения. Суд же первой инстанции изыскал такие их интерпретации, которые позволили – хотя и не без усилий – отнести данные фразы к утверждениям о фактах. Заявители также просили отменить судебное решение о компенсации морального вреда.

Однако областной суд полностью поддержал позицию районного суда. В общетеоретическом плане он признал право журналиста выражать свое личное мнение, суждение и оценку: «Автор имеет право выражать... субъективные оценки, которые не подлежат доказыванию». Но из рассуждений суда по существу спора выяснилось, что ни одно из суждений А. Скудаевой не было признано оценочным, а критерии отнесения того или иного суждения к оценкам или к утверждениям о фактах оказались совершенно размыты.

После вынесения решения судом второй инстанции, в декабре 2006 г., А. Скудаева выплатила надлежащую сумму в качестве компенсации морального вреда и обратилась с жалобой в Европейский суд по правам человека.



Судебные акты по этому делу были неожиданны прежде всего потому, что решением по предыдущему иску губернатора и администрации области к А. Скудаевой и ООО «Хронометр», вынесенным тем же федеральным судьей 15 июня 2006 г., истцам в удовлетворении их требований было отказано. В мотивировочной части решения суд указал:

*«В пункте 9 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 24.02.2005 г. № 3 “О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц” указано, что, в соответствии со статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьей 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующим каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского суда по правам человека, при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 Гражданского кодекса РФ, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. Суд полагает, что оспариваемые истцом сведения не содержат фактов, требующих проверки соответствия их действительности, поскольку они являются оценочным суждением автора публикации, выражением его субъективного мнения. В постановлении Пленума Верховного суда РФ внимание судов обращено на то, что в соответствии со статьями 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12.02.2004 г. на 872-м заседании Комитета министров Европы, политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в СМИ».*

Надо заметить, что в 2005–2006 гг. подобные мотивировки были нередки в судебных решениях. Суды охотно ссылались на нормы, о которых им напомнил в своем постановлении Пленум Верховного суда [Арапова, Кузеванова, Ледовских, 2006].

В решении же по рассматриваемому нами делу, вынесенному меньше чем через четыре месяца после предыдущего, 5 октября 2006 г., суд «забыл» упомянуть и ст. 10 Конвенции, и ст. 29 Конституции Российской Федерации, и ст. 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ.

Представляется важным сказать о политическом аспекте данного конфликта, оставшемся за скобками судебных разбирательств. Одну из причин конфликта можно усмотреть в том, что Виктор Шершунов и в

1996 г., и в 2000 г. побеждал на губернаторских выборах, представляя КПРФ, которую в то время в Москве рассматривали как оппозиционную партию. Президент В. Путин в 2005 г. продлил губернаторские полномочия В. Шершунова. Но вопрос о смене главы региона, скорее всего, снят не был. Отчасти этим можно, очевидно, объяснить и повышенный интерес прокуратуры к деятельности одного из заместителей губернатора, притом что (повторим) размеры предполагаемой растраты не выглядели значительными. Атаку на заместителя можно было бы считать подготовкой к атаке на губернатора. Этот контекст следует учесть, обращая внимание на то, что позиция журналистки Анны Скудаевой совпадала с позицией прокуратуры.

Впрочем, эти политические вопросы в любом случае упоминаются нами лишь в качестве приложения к основному сюжету – правовому аспекту жалобы, на котором и сосредоточил внимание Европейский суд, подчеркнуто игнорируя политическую подоплеку рассматриваемого им дела.

### Статья 10 Конвенции в практике Европейского суда

В ряде постановлений по проблемам свободы выражения мнений, принятых Европейским судом в последние 20 лет, можно выделить некоторые принципиальные положения, ставшие основой последующих решений.

Первое. Важнейшее из этих положений – о значении указанной свободы как таковой в демократическом обществе. ЕСПЧ сформулировал свою позицию относительно высказываний и суждений, на которые распространяется защита ст. 10 Конвенции:

*«(I) Свобода выражения мнения является одним из оснований демократического общества и одним из базовых условий его развития и самореализации каждого человека. В соответствии с пунктом 2, она применима не только к “информации” или “идеям”, выраженным в дружелюбной форме или воспринимаемым как неагрессивные и бесстрастные, но также и тем, которые оскорбляют, шокируют или будоражат. Таковы требования плюрализма, терпимости и либерального мышления, без которых нет “демократического общества”. Как сказано в статье 10, осуществление этой свободы допускает исключения, которые... должны быть четко определены, и необходимость в любых ограничениях должна быть убедительно доказана...»*

*(II) Слово “необходимо”, в терминах п. 2 ст. 10, означает, что должна существовать “острая общественная необходимость”»<sup>1</sup>.*

<sup>1</sup> ECtHR. Hertel v. Switzerland, Application no. 1049. Judgment of 25 August 1998, § 46; 59/1997/843 of 15 February, 2005; Steeland Morris v. the United Kingdom. Application no

Один из типичных примеров защиты свободы мнения (причем весьма обидного для целого ряда лиц и организаций) – случай защиты Европейским судом мнения журналиста Люксембургской государственной радиостанции «RNL 92.5» Марка Тома<sup>1</sup>. Журналист затронул в своей передаче «Экомагазин» весьма чувствительную для Люксембурга в 1990-е годы тему – лесовосстановление после обширных лесных пожаров. Он высказал предположение о том, что многие лесные хозяйства, используя немалые государственные средства, вступают в коррупционные отношения с фирмами, поставляющими саженцы, – пользуются услугами лишь тех, кто дает взятки. Марк Тома ссылаясь в своей передаче на газетную публикацию другого журналиста, который выражался по этому вопросу еще более жестко. В итоге вскоре после публикации 44 начальника лесных хозяйств обратились в суд с гражданскими исками, требуя защитить их деловую репутацию и взыскать с Тома несколько миллионов франков за нанесенный моральный вред. Журналист защищался, представляя свидетельские показания, демонстрирующие нарушения в данной сфере. Национальные суды Люксембурга сочли все же, что ему не удалось продемонстрировать достаточных доказательств для столь широкого обобщения. Правда, сумму компенсации за моральный вред они уменьшили до минимума – с учетом того, что в передаче не было упомянуто ни одно конкретное лесное хозяйство. Тома обратился в ЕСПЧ, который сделал в своем решении акцент на том, что оскорбительные для лесных хозяйств оценки касались важной общественной проблемы. Европейский суд решил также, что наказание журналиста не было оправданным, поскольку он привлекал внимание к данной проблеме и, цитируя своего коллегу, выполнял свой профессиональный долг.

С этим связано второе принципиальное положение, которое мы встречаем в решениях ЕСПЧ, посвященных защите свободы слова. Европейский суд отмечает, что принимаемые государством меры не должны удерживать СМИ от участия в обсуждении вопросов, представляющих общественный интерес. В этом контексте не менее важным представляется дело «Йерсилд против Дании»<sup>2</sup>. Йенс Олаф Йерсилд – журналист Датской радиовещательной корпорации – в июле 1985 г. подготовил для программы «Воскресный тележурнал новостей» короткий сюжет, включавший интервью с представителями молодежной группировки расистского толка. В ходе интервью эти молодые люди допустили ряд высказываний нацио-

---

68416/01, g. 87. Judgment 13 June 2012; *Mouvement raëliensuisse v. Switzerland*. Application no. 16354/06 § 48, 13 June 2012; *Animal Defenders International v. the United Kingdom*. Application no. 48876/08. § 100. Judgment of 22 April 2013.

<sup>1</sup> ECtHR. *Thoma v. Luxembourg*. Application no. 38432/97. Judgment of 29 March 2001.

<sup>2</sup> ECtHR. *Jersild v. Denmark*, Application no. 15890/89, Judgment of 23 September 1994.

налистического и оскорбительного характера. В итоге уголовные дела были возбуждены как против трех интервьюируемых, так и против интервьюера. Журналист, автор передачи, был приговорен к штрафу и обратился с жалобой в Европейский суд. Последний в своем решении подчеркнул, что журналист не преследовал расистских целей (п. 36) и, более того, из сюжета было ясно его намерение выставить на всеобщее обозрение и проанализировать поведение группы молодых людей, склонных к насилию и уже имеющих судимости (п. 33). Во всяком случае, по мнению Европейского суда, наказание журналиста за содействие в распространении информации об этом опасном явлении могло бы помешать СМИ вносить свой вклад в обсуждение проблем, представляющих общественный интерес (п. 35). СМИ должны формировать повестку дня, сообщать о самом актуальном, но не уклоняться при этом от ценностного ориентирования читателя (зрителя) [Дзялошинский, 2017; Соколова, 2009].

Однако и в этом решении ЕСПЧ указывает на то, что из данного правила возможны исключения, связанные с необходимостью ограничений некоторых высказываний.

Теперь отметим третье важное положение, которое может быть результатом обобщения ряда решений. Европейский суд признает, что ограничение свободы слова представляется обоснованным, если мнения и оценки, содержащиеся в публикациях СМИ, являются чрезвычайно оскорбительными. Даже когда эти мнения не принадлежат журналисту или редакции, последние несут ответственность за публикацию, если они могли исключить данные оценки и высказывания (например, путем премодерации), но не сделали этого.

Здесь уместно вспомнить решение ЕСПЧ по делу «Делфи АС» против Эстонии<sup>1</sup>. Причиной конфликта в информационном пространстве послужила сугубо местная проблема, актуальная в основном для жителей городов Хаапсалу и Виртсу, расположенных на побережье и сообщающихся с островом Саоремаа с помощью паромов компании SLK. Зимой эта компания воспрепятствовала открытию дорог по льду, разбивая его и сохраняя проходы для своих паромов. «Делфи АС» опубликовала статью об этом, предложив читателям оставлять комментарии. Статья была вполне взвешенной, но комментарии отражали негодование жителей региона. Они оказались исключительно бранными, причем эстонские слова чередовались с русскими, среди которых преобладали те, что в лингвистике принято относить к обценной лексике. Объектом раздражения комментаторов поначалу было руководство SLK, но потом и правительство. Слова «подонки» и «ублюдки» были самыми мягкими из используемых читателями, эмоционально откликнувшимися на публикацию. «Делфи

---

<sup>1</sup> ECtHR. Delfi AS v. Estonia. Application no. 64569/09. Judgment of 10 October. 2013.

АС» удаляла неприличные комментарии. Но не сразу. Руководитель SLK обратился в суд, требуя возмещения морального вреда.

Эстонские суды удовлетворили иск, указав на то, что администрация интернет-ресурса должна была удалять бранные комментарии и угрозы незамедлительно. «Делфи АС» обратилась в Европейский суд с жалобой, полагая, что решение судов не соответствует ст. 10 Конвенции.

ЕСПЧ, проанализировав содержание спорных комментариев и действия сторон, пришел к выводу о том, что привлечение интернет-ресурса к ответственности представляло собой обоснованное и пропорциональное ограничение свободы слова. Прежде всего Европейский суд отметил, что комментарии, которые для судей были переведены на английский и французские языки, были «чрезвычайно оскорбительными». Кроме того, «Делфи АС» не предприняла меры, чтобы удалить их в разумное время. Наконец, интернет-ресурс получал выгоду от этих комментариев – это способствовало посещаемости сайта и позволяло привлечь больше рекламодателей. Авторы комментариев могли сохранять анонимность, что весьма затрудняло привлечение их к ответственности.

Наконец, еще одно, четвертое, принципиальное положение, сформулированное Европейским судом (и позже реципированное многими национальными судами): о необходимости различия утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочных суждений (мнений), которые не могут быть проверены судом на предмет их соответствия действительности. Это положение не вызывает сомнения у большинства специалистов в области mass media [Parkinson, Parkinson, 2015, p. 259–296], его можно найти в целом ряде решений ЕСПЧ<sup>1</sup>. Одно из них принято в связи с жалобой из России<sup>2</sup>. Заявительница, главный редактор районной газеты «Фрязинец», жаловалась на то, что привлечение в трех случаях к гражданско-правовой ответственности по искам о защите чести и достоинства нарушило ее право на свободу выражения мнения. В частности, в одном из случаев газета упрекнула конкретную сотрудницу администрации в том, что она «не всегда ведет себя приемлемо с посетителями: повышает голос и грубит». Эта, в общем, безобидная фраза была предметом рассмотрения в городском суде, который признал фразу утверждением о факте и обязал редакцию опубликовать опровержение. Напротив, Европейский суд согласился с позицией редакции, полагая, что оценка грубости, действительно носит индивидуальный характер, в значительной мере завися от восприятия слушателя.

---

<sup>1</sup> ECtHR. *Cumpana and Mazare v. Romania*. Application no. 33348/96. Judgment of 17 December 2004. § 98.

<sup>2</sup> ECtHR. *Cheltosova v. Russia*. Application no. 44294/06. Judgment of 13 June 2017. § 83.

Отметим, что вопрос о допустимости использования журналистами некоторых выражений и оценок находится в поле зрения многих зарубежных и российских ученых – филологов, лингвистов, журналистов, профессионально исследующих проблемы медиаэтики [Berry, 2008; Рэндалл, 1998; Чепкина, 2000; Шайхитдинова, 2007].

### **Постановление Европейского суда: содержание, концептуальные положения**

Некоторые принципиальные положения, охарактеризованные выше, нашли отражение в рассматриваемом судебном решении.

Представитель властей Российской Федерации согласился с тем, что ограничение свободы выражения мнений имело место, но оно было соразмерно законной цели защиты репутации губернатора В. Шершунова. Интересно, что представителем властей косвенно было признано то, что предметом спора являются все же оценочные суждения журналиста. Но при этом было подчеркнуто, что «ценностное суждение без каких-либо фактических оснований может быть чрезмерным» (п. 21): такой вывод в свое время был сделан ЕСПЧ<sup>1</sup>. Вместе с тем была поддержана позиция судов, согласно которой высказывания журналиста представляли собой, в основном, утверждения о наличии фактов, подлежащих доказыванию. Таким образом, с точки зрения представителя власти, суды в должной мере учли «оскорбительный характер» высказываний в адрес губернатора, статус последнего как публичного лица и поэтому сделали правильный вывод о том, что А. Скудаева «перешагнула пределы допустимой критики».

Журналистка указала на то, что ее заявление в газете представляло собой оценочное суждение, а именно: субъективную оценку того факта, что губернатор обратился к судье с просьбой освободить вице-губернатора от уголовной ответственности. А. Скудаева отметила, что от нее требовали доказать правдивость суждений, которые использовались как риторические приемы.

Следует признать, что принципиальная разница в подходах российских судов и ЕСПЧ к рассмотрению подобных споров, связанных со свободой мнений, заключается в оценке роли СМИ в современном обществе, и в частности роли СМИ при освещении деятельности государства. Российские суды ориентированы в основном на защиту представителей власти от критических публикаций. Деятельность журналистов, не подконтрольных либо не лояльных власти, рассматривается как помеха или угроза «нормальной» общественной жизни. Напротив, ЕСПЧ обычно отмечает важность той функции, которую исполняет пресса в условиях демократии.

---

<sup>1</sup> ECtHR. *Novaya Gazeta and Borodyanskiy v. Russia*. Application no 14087/08. Judgment of 28 March 2013. § 40.

При этом Европейский суд обычно указывает, что более высокий уровень защиты свободы выражения мнений и, соответственно, более узкие дискреционные полномочия властей должны быть обеспечены при обсуждении тех вопросов, которые вызывают общественный интерес (п. 33). Выше упоминалось решение по делу «Тома» против Люксембурга, в рамках которого оскорбленными объявили себя несколько десятков человек. Однако вопрос, при обсуждении которого они подверглись критике (восстановление лесных массивов после пожаров), оказался для страны весьма актуален. Поэтому ЕСПЧ счел, что национальные суды не должны были осуждать журналиста, поднявшего острую тему.

В рамках рассматриваемого дела наибольший общественный интерес вызывал вопрос о коррупционных отношениях в ближайшем окружении губернатора. Этот вопрос широко обсуждался в области. И обстоятельства возбуждения уголовного дела против вице-губернатора (который ранее возглавлял частную компанию) и письмо в его защиту, отправленное главой региона в суд, – все это было предметом споров и слухов. Журналистка Скудаева высказала свое мнение о ситуации, достаточно добросовестно перечислив факты: возбуждение уголовного дела против вице-губернатора, рассмотрение его в Ленинском районном суде, письмо губернатора, содержащее просьбу о прекращении уголовного преследования, отказ губернатора уволить своего зама. Разумеется, она дала этим фактам определенную оценку, указав, что глава «выгораживает» зама, причем «всеми силами», «стараясь сохранить честь мундира». Скудаеву возмутило то, что «пока скандальный зам... сидел на скамье подсудимых, мягкое кресло в “красном доме” покорно ждало своего хозяина». То, что суды усмотрели именно в этих фразах искажение фактов, говорит об их крайней предвзятости. Истинность оценочных суждений – а именно их использовала Скудаева – не поддается доказательству (п. 33).

Таким образом, национальные суды не учли ни позицию заявительницы (Скудаевой) как журналиста, ни позицию губернатора как должностного лица, работа которого может и должна критиковаться (п. 36). Суды также не провели разграничения между фактами и оценочными суждениями. То есть полностью пренебрегли требованием раздела 9 Постановления № 3 Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г., в соответствии с которым ценностные суждения не подлежат доказыванию, поскольку являются выражением субъективного мнения и взглядов ответчика и не могут быть проверены на предмет их достоверности (п. 38).

На основе всех перечисленных обстоятельств Европейский суд пришел к выводу о том, что ограничения права заявителя на выражения собственного мнения не были правомерными. ЕСПЧ отметил, что национальные суды не представили достаточных оснований для указанных

ограничений, т.е. не доказали, что примененные ими меры соответствовали принципам и стандартам, закрепленным в ст. 10 Конвенции.

Таким образом, Европейский суд заключил, что ст. 10 Конвенции была нарушена, и присудил заявителю 2000 евро в качестве возмещения морального вреда (т.е. именно ту сумму, которую и требовал заявитель).

### Некоторые выводы

Главный вывод, который может быть сделан из дискуссии в рамках данного дела, касается вопроса о балансе между правом журналиста на свободу выражения мнений и правом должностного лица на защиту деловой репутации и доброго имени. Российские суды достаточно часто игнорируют поиск такого баланса, ограничиваясь тем, что устанавливают ущерб репутации конкретного чиновника. Тема важной общественной роли журналистики, выявляющей злоупотребления власти, российские суды волнует мало. Таким образом, представляемые судами аргументы в защиту чести и достоинства должностных лиц почти всегда имеют преимущественную силу над свободой выражения мнений.

Действительно, Европейский суд мог признавать допустимым ограничение оценочных суждений, если они не опирались на конкретные факты (и такие случаи в его практике были)<sup>1</sup>. Но «дело Скудаевой» можно признать типичным именно в силу того, что все необходимые факты для объяснения позиции журналистки были налицо. И при этом суды все равно явно стремились защитить позицию губернатора.

Суды верно, на наш взгляд, определили предмет доказывания по делу; распределили обязанности по доказыванию между сторонами строго в соответствии с положениями ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации. При этом, однако, отказались признать высказывания журналистки оценочными суждениями. В таком широком судебском усмотрении нам видится, помимо прочего, серьезная угроза живой, образной журналистской речи. Логика, продемонстрированная национальными судами, подсказывает: чтобы избежать неадекватной трактовки своих суждений, журналисту следует использовать разного рода оговорки («по моему мнению», «это мое оценочное суждение» и т.п.).

Характерным можно признать и то, что суды фактически проигнорировали рекомендации Пленума Верховного Суда РФ о необходимости повышенной терпимости публичных фигур к критике. Тем самым продемонстрировали вариативность в использовании правовых обоснований решений, выносимых по данной категории дел (напомним, что ранее гражданское дело между этими сторонами по сходному требованию рас-

---

<sup>1</sup>ECtHR. *Novaya Gazeta and Borodyanskiy v. Russia*. Application no. 14087/08. Judgment of 28 March 2013. § 40.



смаatrивалось тем же федеральном судьей и завершилось отказом в удовлетворении требования истцов), поскольку – как можно предположить – неформальные отношения с губернатором, возглавлявшим область более десяти лет, имели для них большее значение.

В этом деле с весьма несложной фабулой отразилась одна из крупных проблем, связанных с действием принципа разделения властей в России, точнее, с фактической неразделенностью властной корпорации.

Следует признать, что в таких условиях журналистам и СМИ достаточно сложно отстаивать свою правоту в судебных спорах, когда в роли их оппонентов оказываются представители государственной власти. Поэтому положительные решения Европейского суда по жалобам журналистов являются хорошим напоминанием национальным судам о необходимости следовать как положениям внутреннего законодательства, так и нормам международного права о свободе слова и массовой информации.

### Список литературы

1. Арапова Г.Ю., Кузеванова С.И., Ледовских М.А. Сборник практики российских судов по делам о диффамации. – СПб : Центр защиты прав СМИ, 2006. – 223 с.
2. Бакштановский В.И., Богданова М.В. Этика безнадежной решимости – актуальная ценность современной журналистики? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – № 3 (141). – С. 23–28.
3. Введение // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 6 (115). – С. 48.
4. Дзялошинский И.М. Профессиональная этика журналиста. – М. : Юрайт, 2017. – 412 с.
5. Рэндалл Д. Универсальный журналист. – СПб. : Терция, 1998. – 341 с.
6. Соколова А. Функции журналистики : подходы и проблемы // Меди@льманах. – 2009. – № 1. – С. 10–20.
7. Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс : текстопорождающие практики и коды (1995–2000). – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2000. – 279 с.
8. Шайхитдинова С.К. Медиаэтика : учебное пособие. – Казань : Издательство Казанского государственного университета, 2007. – 77 с.
9. Berry D. Journalism, ethics and society. – Burlington : Ashgate, 2008. – 157 p.
10. Parkinson M.G., Parkinson L.M. Law for advertising, broadcasting, journalism, and public relations. – London : Routledge, 2015. – 528 p.

### INNA PESHINA, ILIYA SHABLINSKIY

#### ***FREEDOM OF EXPRESSION : THE ECHR AND THE CASE OF THE RUSSIAN JOURNALIST***

*Abstract. The confrontation between the free media and the state, represented by its institutions, is a problem not only in modern Russia, but also in other countries. Somewhere this confrontation is long-term, systemic in nature, somewhere there are isolated, but nevertheless, acute conflicts. The judgments of the European Court of Human Rights on complaints brought by journalists*

*and the media on violations of article 10 of the Convention are not only a remarkable illustration of such conflicts, but also reminder for national courts to ensure freedom of the media in accordance with domestic legislation and international obligations assumed by States. In the case of Skudaeva v. Russia, we can see a clearly defined legal position of the ECtHR in application of article 10 of the Convention regarding freedom of expression of opinion of a journalist, assessing actions of the authorities. In its judgment, the European court stressed that national courts should seek a balance between freedom of speech and freedom of the media, on the one hand, and the right of a public person to the protection of honor and dignity, on the other hand. The court also recalled the importance of distinguishing between information on facts and the journalist's value judgments in connection with the possibility of further evaluation of the journalist's statements in terms of reliability. The court pointed to the need for increased tolerance of public persons to criticism, stressing that the activities of officials can and should be criticized. The Court also noted that the restriction of freedom of expression is permissible, but in all cases must be justified by national courts in accordance with the principles and standards of article 10 of the Convention. In fact, the European Court has pointed out to national courts that it is inadmissible to prejudge the circumstances of a case in which a public person acts as a plaintiff, especially if he or she has public powers. In such disputes, the courts should be mindful of the role of the media in a democratic society, and if a journalist raised a socially significant issue by criticizing the authorities, the courts should take the part of him or her, despite the fact that the authorities might feel derogated.*

**Keywords:** *European Court of human rights, right to freedom of expression, rights of journalists, honor and dignity of an official, statements of fact, value judgements.*

**Ю.С. ПИВОВАРОВ**

**ГОСУДАРСТВО И ДИКТАТУРА**

***Аннотация.** В тексте рассматриваются два противоположных способа организации власти – государство и диктатура. Приводится мысль П.Б. Струве: носители государственной власти не могут быть смешиваемыми с самой государственной властью. Напротив, при диктатуре власть является личной прерогативой лица, которое ее осуществляет. Пока Россия «предпочитает» путь диктатуры.*

***Ключевые слова:** государство, диктатура, конституция П.Б. Струве, М. Дюверже, Ж. Бюрдо.*

*К 150-летию со дня рождения П.Б. Струве*

Конечно, COVID-19 будет иметь большие социальные последствия. Но для нашей страны 2020 год – это не только страшная пандемия, но и громадные государственные, политические трансформации. Современная российская власть окончательно пошла по пути ужесточения репрессий, несвободы.

Вообще, есть два способа выйти из состояний хаоса, отсутствия дисциплины, революции. Это – диктатура и государство (в разных формах мы переживали такие состояния в 1990-е годы). Диктатура не знает ограничений, правового регулирования, «социальной инженерии». Методы власти в ней – волюнтаризм и насилие. Государство – постепенное, осторожное строительство порядка, основанного на праве (в первую очередь – Конституции).

Государство – это понимание власти как комбинации договора и насилия. Это эволюция власти в сторону все большего конвенционализма. Государство как процесс (т.е. в изменении) есть самоограничение власти с высвобождением – осмотрительным, неспешным, подготовленным – все новых областей социального пространства. Государство – это легальная и легитимная система управления, ведущая общество ко все большему самоуправлению. Причем самоограничение государства происходит не только в социально-пространственном измерении, но и в социально-

темпоральном. Обладание властью строго регламентировано и темпорально ограничено. Это тема смены персонификаторов власти. Самое эффективное правительство – временное. В этом смысле государство есть не цель, но – средство.

Напротив, закон диктатуры – это расширение полномочий и ликвидация самостоятельных «центров», «секторов» социума. Диктатура – это отрицание и аннигиляция самоуправления во всех его формах и на всех его уровнях. Современные диктатуры (в том числе и российская) научились использовать законодательство как инструмент насилия. При этом законы теряют свое правовое содержание. Происходит разрыв права и закона. Первое не отменяется, как это было у большевиков, но не принимается во внимание – им пренебрегают. Права человека, выросшие из естественного права (одна из драгоценнейших исторических субстанций человечества), уже не определяют применение законов.

В начале 20-х годов прошлого столетия и в нулевые этого века Россия пыталась (пытается) преодолеть хаос, беспорядок через диктатуры. В обоих случаях открыто отрицается государственный путь. Власть отказывается от малейшего самоограничения и, постоянно разрастаясь в социально-пространственном и социально-темпоральном измерениях, переходит разумные границы внешнего и внутреннего интервенционизма. Репрессии перерастают в террор, который осуществляется во имя неких высших целей, облеченных в форму законов. Большевизм побивал людей, апеллируя к историческим законам. Современная система принуждает к соблюдению «исторической правды» с помощью юридических законов. Единственная настоящая цель диктатуры – продление ее существования, что предполагает экспансию как вовнутрь собственного общества, так и за его внешние границы.

Принципиальный вопрос: на какой объем насилия способна и готова (та или иная) диктатура? Большевики, неоднократно «умыв» Россию кровью, приостановились в середине 1950-х годов. Отказались от массового террора (во всяком случае, от наиболее одиозных его форм), в какой-то мере обуздали госбезопасность, смягчили внешнюю политику. Диктаторы из полувоенных френчей переоделись в принятое в цивилизованном мире партикулярное платье.

Где и когда остановятся сегодняшние? – Не знаю. Представляется, что современная российская диктатура еще имеет потенциалы ужесточения и экспансии. Она даже не вошла в стадию «акмэ». Напомню: все послевоенное десятилетие (вплоть до XX съезда) «империя ГУЛАГа» сотрясалась от восстаний заключенных. И последовавшая приостановка массового террора была, не в последнюю очередь, подготовлена действиями этих храбрецов (хотелось бы, чтобы все граждане РФ знали об этом и знали их имена).

Являются ли московские протесты 2019 г. и хабаровские 2020 г. предвестниками общесистемного кризиса диктатуры или ее периферийными неурядицами? Скорее, все-таки последнее. Поддержка обнуления президентских сроков В.В. Путина, сколько бы ни говорили о фальсификациях результатов голосования 1 июля 2020 г., свидетельствует о еще солидном запасе прочности режима.

Более того, закрепленное в Основном законе обнуление в совокупности с ворохом конституционных поправок является антигосударственным переворотом. И все это дополняется «исторической правдой», физическими лицами как «иностранными агентами» и прочими ударами по правам человека. Диктатура добывает остатки правового государства. – Еле-еле слышен голос оппозиции. Удивительно, что еще слышен, что само слово «оппозиция» не объявлено вне закона.

Когда много лет назад один из тогдашних видных функционеров «Единой России» сказал, что лучшая форма дискуссии «допрос», это звучало как пародия. Сегодня – это уже реализм, постсоциалистический реализм нашей повседневности. Зато какими наивными (правда, от этого не менее прекрасными) кажутся слова М.С. Горбачева о примате общечеловеческих ценностей над классовыми (т.е. универсальных над любыми групповыми)! Как «далек» Михаил Сергеевич от народа! Как изменился российский народ! Как счастлив он под скипетром несменяемого верховного правителя! И Россия под водительством своего любимого вождя летит от победы к победе. А мешающие этому победному полету «иностранные агенты» будут выявлены и наказаны...

И еще о соотношении государства и диктатуры. В свое время П.Б. Струве утверждал: носители государственной власти не могут быть смешиваемы с самим государством. Крупнейший французский юрист и политолог Морис Дюверже говорит о принципиальной безличности современной государственной власти, называет «правителей» – «слугами», «должностными» лицами. По его мнению, государство тем совершеннее (т.е. тем больше оно государство), чем государство-«идея»/государство-«абстракция» отдельнее, отдаленнее от конкретных носителей.

Другой классик французской политической науки Жорж Бурдо пишет: «Люди изобрели государство, чтобы не подчиняться другим людям». Поначалу они не знали, кто имеет право командовать, а кто нет. И потому пришлось придать власти политическую форму. «Вместо того чтобы считать, что власть является личной прерогативой лица, которое ее осуществляет, они разработали форму власти, которая независима от правителей. Эта форма и есть государство» [Burdeau, 1970, p. 15]. Согласно Бурдо, государство возникает как *абстрактный и постоянный* носитель власти. По мере развития этого процесса правители все больше и больше пред-

стают в глазах управляемых агентами государства, власть которых носит преходящий характер. Подобная трансформация (или эволюция) власти явилась в истории человечества огромным шагом вперед. «В этом смысле идея государства есть одна из тех идей, которые впечатляющим образом демонстрируют интеллектуально-культурный прогресс управляемых. Ведь отделение правителя, который командует, от права командовать позволило подчинить процесс управления заранее оговоренным условиям. В результате стало возможным оградить достоинство управляемых, которому мог наноситься ущерб при прямом подчинении какому-нибудь конкретному человеку» [Burdeau, 1970, p. 12].

Диктатура – это когда власть является личной прерогативой лица, которое ее осуществляет. Когда власть по своему произволению может менять «заранее оговоренные условия», включая Конституцию. Так, российская диктатура на этапе своего становления использовала авторитарные, недемократические потенциалы Основного закона 1993 г. Перейдя же в зрелое состояние, так «отредактировала» Конституцию, что от ее либерально-демократического потенциала остались рожки да ножки. Во всяком случае, ныне все эти конституционно-правовые институты и положения в гораздо меньшей степени мешают существованию режима «прямого подчинения какому-нибудь конкретному человеку».

Диктатуры нуждаются в легитимирующих их идеологиях. Большевики подстелили себе марксистско-ленинскую догматику – и в этом находили *raison d'être* своего господства. Цари и прочие «самодержцы» не нуждались ни в чем таковом. Их легитимность носила сакральный характер, не подлежала обсуждению (и сомнению) и была самодостаточной. Современное государство есть актуализация воли народа через институт выборов. Легитимность и суверенитет вручены ему народом и описаны в конституциях. В идеологии оно не нуждается.

Соответственно, нынешняя российская диктатура самым серьезным образом *озабочена* выработкой собственной идеологии. Впрочем, она уже есть, но процесс формирования еще не закончен. И если исторический отбор в целом произвели, то наступательный инструментарий (технологии) еще оттачивается. Главные черты идеологии известны: эклектизм, всеядность, антивестернизм, антилиберализм, милитарность, самолюбование, моральный релятивизм, претензия на историко-цивилизационную исключительность, нетерпимость к инакомыслию, неприятие прав человека, агрессивное отрицание европейской идентичности России и т.д.

В годы Гражданской войны идея государства не смогла возобладать над идеей диктатуры. После падения Совдепии в начале 1990-х казалось: мы встали на государственный путь. Но не удержались на нем и сорвались в диктатуру. Удастся ли вновь вернуться к строительству государства (state-building)? Предоставит ли нам история еще один, третий шанс? Или

мы безнадежно потеряли время для этого? От того, какой ответ на эти вопросы выберет Россия, зависит ее существование. Решающее слово за народом нашей страны.

#### Список литературы

1. Burdeau G. L'Etat. – Paris : Senil, 1970. – 182 p.

#### YURIY PIVOVAROV

#### *STATE AND DICTATORSHIP*

**Abstract.** *The text deals with two opposite ways of organizing power – the state and the dictatorship. The idea of P.B. Struve is given: the bearers of state power cannot be confused with the state power itself. On the contrary, in a dictatorship, power is the personal prerogative of the person who exercises it. So far, Russia «prefers» the path of dictatorship.*

**Keywords:** *state, dictatorship, Constitution of P.B. Struve, M. Duverger, J. Bourdeau.*





**РАЗМЫШЛЕНИЯ, ЗАМЕТКИ,  
ПУБЛИЦИСТИКА**



---

**Ю.С. ПИВОВАРОВ**

***THE REAL LIFE OF VLADIMIR LENIN***

*Аннотация. Текст написан в жанре исторической фантазии. Предположим, говорит автор, Ленин не умер в 1924 г. Какая судьба ждала бы его в последующие годы? Один из возможных (и наиболее вероятных) вариантов и предлагает автор. В этой «фантазии» точно отражены природа сталинского режима и характерные черты эпохи «оттепели».*

*Ключевые слова: В.И. Ленин, Н.К. Крупская, И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, процесс 1938 г., XXII съезд КПСС, мавзолей.*

*Образ правды – грозен, народ  
нуждается в мифах, в иллюзиях,  
в том, чтобы его обманывали.*

*Правда – нечто страшное,  
невыносимое, смертельное.*

*Мигель де Унамуно*

*Если бы Володя был жив, то он сидел бы в тюрьме.  
Н.К. Крупская (из письма Л.Д. Троцкому)*

Владимир Ильич Ульянов (Ленин) не умер 21 января 1924 г. Напротив, с этого дня он неожиданно стал выздоравливать. Врачи не могли определить, что же происходит? Постепенно восстановилась речь, память, он уже мог самостоятельно встать с кровати или кресла. Вернулся аппетит. Ильич пополнил, посвежел, выглядел лучше, чем до болезни.

На секретном заседании Политбюро было принято решение оставить Ленина в Горках и полностью изолировать от внешнего мира. Никаких контактов с соратниками и вообще ни с кем. Специально печатать для него газеты. Был создан Институт Ленина, которому и поручалось изготовление соответствующего газетного материала. Населению СССР и всему миру заявлялось о необходимости продолжать лечение в особых условиях. «Не волновать Ильича!» – такова была позиция руководителей страны.

Был принят закон, согласно которому действия, направленные на установление контактов с Лениным, квалифицировались как тяжкое преступление. Назначалось наказание – «высшая мера социальной защиты» (смертная казнь). Закон не был опубликован, но вступил в силу.

«Завещание» Ленина сплотило членов Политбюро. Они были оскорблены острой и несправедливой, по их мнению, критикой в свой адрес. По этому вопросу сошлись даже Сталин и Троцкий, непримиримые во всем остальном.

Помимо спецгазет был организован Особый отдел на радио. Все меры были хорошо продуманы. Охрану осуществляла команда грузин, выпитая с этой целью из Тифлиса. Все они очень плохо говорили по-русски. В Горках также была открыта поликлиника, рабочий кабинет, из Кремля перевезли библиотеку вождя. Труднее было с телефонной связью. В Германии купили самую современную станцию. К ней подключили Горки и тех немногих «абонентов», которым было разрешено знать истинное положение дел. Все разговоры прослушивались, а «собеседники» Ленина были обязаны представлять в Политбюро отчеты о телефонных контактах с ним.

Его лишили всех должностей – председателя Совнаркома, члена Политбюро. Все это, разумеется, делалось с тем, чтобы он не «переутомлялся» и мог спокойно продолжать свое лечение. Крупская прошла краткий курс обучения шахматной игре. Ей рекомендовалось вовлекать мужа в шахматы. От Ленина не скрывали, что Надежда Константиновна, по ее просьбе, взяла несколько уроков у шахматных мэтров. В Политбюро была широко известна «слабость» Ленина к этой игре.

В середине 1924 г. в ЦК был создан отдел Ленина. Официально он назывался иначе. Сотрудники отдела были хорошо подготовленные люди, которые занимались решением повседневных задач и разрабатывали стратегию – между собой они называли ее: «Что делать с Лениным?» С уважением и одновременно язвительно использовались элементы его идейного наследия.

Всех крестьян из ближайших к Горкам деревень выселили; их избы были заняты чекистами. Они действовали в соответствии с детально разработанной инструкцией «Об организации охраны тов. Ленина» (строго секретно). В стране усиливались гонения на религию. Но даже самые искусственные воинствующие безбожники, запрещая отправление религиозных обрядов и самое веру, не могли в одночасье изменить традиционную структуру сознания людей. Несмотря ни на что, она воспроизводилась и воспринимала устройство мира по-прежнему. Спрятанный соратниками, Ленин постепенно заменял места изгнанных Христа, Магомета, Моисея, Будды. Ведь он тоже был невидимым. И существовал в измерениях веры, воображения, экзистенциальных надежд. Ему приписывались всякие соте-

риологические потенции. Он становился защитником «униженных и оскорбленных», «малых сих».

Так, не ударив палец о палец, Ленин одержал самую большую победу в своей жизни. Это тревожило руководителей страны. Ленинский культ, который ими активно насаждался, должен был работать на них, а не на чудесно воскресшего Ильича. Но еще не «расколдованное» сознание миллионов жителей СССР и зарубежных поклонников коммунизма не могло усвоить этого. И если в реальной жизни Ленину так и не удалось вырваться из «золотого» заточения, то в псевдорелигиозном измерении он преодолел все барьеры и символически распространился по миру.

В руководстве страны усиливалась тревога, росли опасения – феномен Ленина не давал им спокойно спать. Все чаще новому вождю (и не только ему) в голову приходила мысль: не закончить ли этот хлопотный и затянувшийся спектакль? – Но как? Отравить? Устроить «несчастный случай»? Утопить во время купания в пруду? Инсценировать бандитское нападение? – Надоел этот живой Ленин, с его мировой славой и репутацией могучего и доброго предстоятеля за угнетенных.

Сталин, да и другие тоже, хорошо знал, как зол, коварен, несправедлив Ленин. Может, арестовать его? «Подготовить» и выпустить на люди? Вместе с другими врагами, знаменитыми и когда-то влиятельными? Тогда не будет исключительного внимания к Ленину. Пожалуй, больше всех подходит Бухарин, его любимчик, на каждом шагу поминающий Ленина. Хорошо бы их включить в какой-нибудь антисоветский заговор еще времен Гражданской войны. Скажем, заговор против тов. Ленина: Ульянов и Бухарин, смертельно ненавидевшие советскую власть, хотели ее обезглавить. Каково?! Кстати, жалко, что у них не получилось, и без него бы справились, не тратили бы силы на реализацию его выдумок и пустых мечтаний.

Возразят: как, Ленин участвовал в заговоре против Ленина? А вот так! Все интеллигенты – двурушники. И за народ страдают, и без «чистого» общества не могут. Один он в Политбюро не интеллигент. Пока они в своих женевах и цюрихах болтались, он сидел в ссылке. – Каменев? Просто не успел убежать. Вот Вячеслав на скрипке играет, но не интеллигент. Здоровое у него утро.

Да, Ленин был германский шпион. Надо поговорить с Вышинским, кой-какие детали *того* дела освежить. Получил *очередное* задание. Тогда – окончательно подорвать Российскую империю, сегодня – Советскую республику. Кадр он проверенный: может. А что, Ленин – против Ленина? Это *их*, германский, Ленин – против нашенского. Шпион – против вождя Революции, председателя Совнаркома. Это пример исторической диалектики в сочетании с подрывной работой. Бухарин же, или Колька Балабол-

кин, человек без стержня, без царя в голове. Его на всякое дело подбить можно. Увлекается! И, конечно, мечтал занять ленинское место. Среди вождей – единственный русский.

С Лениным надо было что-то делать. Имеются перебежчики (предатели, «невозвращенцы»), которые информируют наших врагов о том, как бывшие соратники поступают с вождем. Кроме того, Ленин мог быть использован оппозицией в борьбе против НЕГО. Правда, преследуемые лидеры оппозиции со своей стороны опасались, что Ленина подключат к их травле.

Все сходится, думал Сталин. Наконец, он поквитается с этой ненавистной партинтеллигенцией. Решить вопрос Ленина – и тот своим существованием не будет портить ЕМУ настроение. Тогда история СССР станет ЕГО и только ЕГО. И все узнают, как враги народа во главе с Лениным, все эти троцкие–зиновьевы–каменевы–бухарины вредили делу строительства социализма.

Но «операцию Ленин» следует начать с устранения Крупской. В годы изоляции они еще больше сблизились. Были друг для друга единственной нравственной опорой, единственными собеседниками. О всяких там «армандишках» было забыто. Надежду удалось тихо отравить. Сделано! – В марте 1938 г. Ленина с Бухариным и Рыковым вывели на открытый процесс. Подсудимые во всем признались. Еще бы! С ними была проведена тщательная *работа*. Хоть и враги, но партийную дисциплину не нарушили.

Конечно, все мировое коммунистическое и рабочее движение вздрогнуло от неожиданности. «Ленин – шпион», «Ленин – враг народа», «Ленин боролся против Советской власти с 1917 г.». Как все это объяснить рядовым коммунистам? Простым рабочим – друзьям СССР?

...Но развязавшаяся вскорости новая Мировая война переключила всеобщее внимание на другое. Повестка дня изменилась кардинально. Стало не до Ленина.

...Возвращение Ленина произошло в послевоенной лагерной империи. К нему апеллировали участники многочисленных восстаний в лагерях. Сотни и сотни людей гибли с его именем на устах. Ленин вновь был олицетворением Добра и Света, противостоящих Злу и Насилию сталинского режима. Народная реабилитация Ленина состоялась в лагерях.

После прихода к власти наследников Сталина миллионы заключенных начали возвращаться. Именно они были возбудителями и переносчиками лениномании. Особенно восприимчивым к ней оказалось студенчество больших городов. Первые подпольные кружки начертали на своих знаменах: «Ленин».

Хозяев Кремля крайне беспокоило символическое возрождение Ленина. Ведь фактически они были соучастниками его убийства. И только Хрущеву пришлось в голову использовать потенциальную энергию ленин-

ского возвращения в своих целях. Он решил оседлать волну неоленинизма, постепенно размывавшую твердыню сталинского режима. Именно эта волна должна была принести его к единоличной власти.

В секретном докладе на XX съезде КПСС (начало 1956 г.) он подробно рассказал о трагедии Ленина, взвалив всю вину на Сталина. О других участниках (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин) не было сказано ни слова. И то, что делегаты и гости съезда, безусловно, догадывались об их злодейской роли в изоляции Ленина, позволило Хрущеву не ставить вопрос об их реабилитации. Он еще до съезда склонялся к тому, что Бухарина реабилитировать *можно*. В памяти современников он оставался некроважидным вождем и «другом» крестьянства. Интеллигенция помнила его склонность к Пастернаку. Хрущев предпочел пожертвовать легкой фигурой ради полной победы над главным действующим лицом недавней истории. Он не стал размениваться на поражение «промежуточных» целей, сосредоточив весь огонь на главной. Судьба Ленина была его основным оружием. И «мужицкий царь Никита» сумел воспользоваться им всю.

У этого съезда было два очевидных победителя: в Realpolitik – Хрущев, в символической политике – Ленин. Так произошло новое «вознесение» Ильича.

Культурный подъем конца 50-х – начала 60-х был тесно связан с именем Ленина. «Шестидесятники» звали в будущее с обязательной опорой на прошлое – Ленина. Восстановить ленинские нормы в партии и ее руководстве, пронизать ими жизнедеятельность всего общества. Прорыв в космос объяснялся, в том числе, прорывом к Ленину. Это был подлинный ленинский Ренессанс. И чем больше было Ленина, тем меньше места в истории и настоящем оставалось для Сталина. На смену тяжелой, нутряной, темной любви к Сталину пришла радостная, светлая, гуманная любовь к Ленину. Курчавая, ангелоподобная головка Володи Ульянова-дитяти – наиболее точное воспроизведение настроения и духа того времени.

На сцене театра «Современник» с грандиозным успехом шла пьеса молодого драматурга М. Шатрова «Ленин в Горках: Летопись заточения». По ходу действия Владимир Ильич и Надежда Константиновна играли в шахматы, удивлялись, что не могут дозвониться некоторым товарищам – Троцкому, Зиновьеву и др., выпивали по рюмочке, пели и танцевали чарльстон под музыку «Интернационала». В антракте в фойе и зрительном зале бросались друг другу на шею ветераны ленинизма, осколки ленинской гвардии. Многие из них прошли лагеря, но оставались убежденными коммунистами-ленинцами. Со слезою на глазах шептали: «Дожили! А спектакль до чего хорош. Ильич как живой, только вот Надежду Константиновну трудно представить такой раскованной».

Им было невдомек, что из представления «вырезана» наиболее «раскованная» и выразительная сцена, в которой Крупская говорит мужу: «Такой хороший день, Володя, а может нам вспомнить молодость». И, продолжая зазывать Ленина, развязной походкой уходит со сцены. Олега Ефремова вызвали в горком партии и там в жесткой форме запретили этот фрагмент спектакля. Член Президиума ЦК КПСС Екатерина Фурцева лично (!) звонила в театр и просила (!) актрису Галину Волчек, исполнявшую роль Крупской, отказаться от этой сцены. «Галя, Вы еще очень молоды и неопытны. Я-то понимаю Вас, но поймут ли другие члены Президиума и сам Никита Сергеевич? Не ломайте себе жизнь, послушайте опытного и *битого* человека».

Не меньший успех имела и поэма молодого талантливой Андрона Вознесенского «Лонжюмо, или Поезда в Монте-Карло». Сюжет ее таков. В Лонжюмо (предместье Парижа) после окончания Первой русской революции Ленин открывает партийную школу. В ней обучаются будущие вожди большевиков. Деньги, на которые школа существует, получены от русских миллионеров-предпринимателей (типа Саввы Морозова). В какой-то момент Ленин и некоторые его «ученики» понимают, что настоящие марксисты и революционеры не имеют морального права пользоваться подачками буржуазии. Что эти деньги пахнут потом и кровью рабочих. Что это украденная у пролетариев прибавочная стоимость.

И тогда они решают отказаться от этих денег и воспользоваться теми, что были добыты боевиками в ходе ограбления банков. На робкое возражение одного из «учеников», что и эти деньги пахнут кровью, Ленин резко возразил: да, пахнут, кровью полицейских, кровью эксплуататоров, кровью наших классовых врагов. Я приветствую эти запахи!

Но что все-таки делать с деньгами, полученными от русских миллионеров? – Долго спорили. И приняли неожиданное, нестандартное решение. Ехать в Монте-Карло и там в казино проиграть всю сумму. Полиция даже не догадается, чего это суровые мятежники пустились во все тяжкие. На самом деле, провести полицию (и французскую, и русскую) было не просто, тем более что в рядах «учеников» был полицейский агент, будущий известный провокатор Валентин Поскудин. Он получил задание сорвать ленинскую затею. И когда все остальные «ученики» начали проигрывать буржуазные деньги, Поскудин, напротив, выигрывал новые. Но самое удивительное было то, что в Ленине неожиданно проснулся азарт игрока. Вождь большевиков выиграл крупную сумму. На выходе из казино, тяжело вздыхая, сказал Валентину: теперь, батенька, мы с Вами должны сделать все, чтобы освободиться от этих денег. Они пятнают честь революционера. Однако должен признаться, игра увлекает и может сбить с истинного пути не только реакционера, как Достоевский, к примеру, но и марксиста. После революции мы закроем все игорные дома. Они



будят в человеке его худшие инстинкты. И самое опасное в том, что даже классовое пролетарское сознание не всегда может справиться с этим.

Неизвестно, как Ленин поступил бы с остатком социально чуждых денег, но помогли итальянские карманники. Они промышляли по всему побережью, и в поле их внимания оказались эти странные типы. Но ворами не повезло. Деньги были только у двоих: сорокалетнего лысого предводителя и тридцатилетнего мужчины с грубым лицом...

В самом конце пятидесятых годов Москву наполнили слухи. Будто на Крайнем Севере обнаружены останки Ленина. Пробыв около двадцати лет в условиях вечной мерзлоты, они великолепно сохранились. Когда же это якобы подтвердилось, геологи, обнаружившие Ленина, секретным Указом Президиума Верховного Совета СССР, стали Героями Советского Союза. Так утверждали «знающие» люди в Москве, Ленинграде и т.д. При этом подчеркивалось: геологам впервые присвоены звания Героев Советского Союза, а не социалистического труда. В свою очередь, партийное руководство решило провести весьма опасную политическую операцию, успех в которой сулил укрепление их власти, а неудача, не исключено, отстранение от этой самой власти.

Операция получила название «Мавзолей». Это известное всему миру сооружение стояло пустым с 1924 по 1953 г. Оно было молниеносно возведено в начале 24-го, когда тогдашние вожди большевиков получили информацию от лечащих Ленина врачей, что пациент долго не протянет. Но он протянул. Не уничтожать же такое красивое здание! Договорились: пусть стоит. Когда-нибудь для «нас» понадобится.

Кстати, о здоровье Ленина. После его чудесного «воскрешения» в 24-м, он действительно не только полностью восстановился, но и чувствовал себя гораздо лучше, чем до болезни. Так что было трудно объяснить ему, почему не разрешена любимая им охота.

В Политбюро этому вопросу придавали высшее политическое значение. Не меньшее, чем грядущим войнам с Польшей и Великобританией. В конечном счете после жарких дискуссий, победила позиция: охоту запретить. Никто не знает, что придет в голову вооруженному вождю. А вдруг попытается вырваться из заточения? Это, конечно, маловероятно. Он со всех сторон обложен профессиональными охранниками. Однако может наделать шума. Это же крайне нежелательно.

Так вот: в марте 53-го наследники положили тело почившего генералиссимуса в Мавзолей, который когда-то предназначался для вечного упокоения Ленина. Сбылись издевательские слова Мандельштама: «Домик Сталина имени Ленина». Самого Осипа Эмильевича давно уже на свете не было. Сгинул в лагере где-то на Дальнем Востоке. А нечего язык распускать! Нашелся Мастер!

Физически и психически Ленин поплохел в 1936 г., когда убрали Крупскую. Его не пустили на похороны, и с ним произошло что-то схожее с ударом. Теперь он остался совершенно один и с ним начали *работать* – готовить к открытому процессу. Сначала Старик хорохорился, возмущался, но потом осознал и, по видимости, смирился. Облегчил работу чекистам и одновременно показал, что умеет подчиняться партийной дисциплине. Научился чему-то за свою долгую жизнь. Всех допущенных к нему чекистов немедленно убрали после окончания процесса.

По неизвестной причине Ленина не расстреляли вместе с подельниками – Бухариным, Рыковым и др. Зачем-то увезли на Крайний Север. Ведь ликвидацию германского шпиона, врага народа, зловонного заговорщика проще было провести в Москве. Опыт был богатейший. Но, видимо, даже стальной Сталин был не полностью свободен от склонности к эффектам и фантазиям.

Через несколько дней после прибытия на Крайний Север Ленина разбудили ночью. Причем вежливо, даже заботливо. Его отвели в подвал дома, где и застрелили. Участников операции, исполнителей также ликвидировали. Ленин умер под именем гражданина Бланка, экономиста из Белоруссии. Поскольку начальство не получило никаких директив, что делать с трупом, решили выбросить его на «улицу». Зверье сожрет! Непростительный недосмотр Сталина и сталинцев.

Операция «Мавзолей» развивалась вполне успешно. В средствах массовой информации поощрялась антисталинская тема, разоблачение преступлений диктатора приобретало все более широкий размах. На XXII съезде КПСС (вторая половина октября 1962 г.) они достигли апогея. Под занавес заседаний съезда Хрущев решил воспользоваться идеей, подсказанной ему Ф.М. Бурлацким. Неожиданно слово получила малоизвестная старая коммунистка (гость съезда), поклонница Ленина, проводившая более десяти лет в лагерях. Она рассказала, что на днях во сне ей явился Владимир Ильич и с глубокой печалью сказал, что в Мавзолее по-прежнему хранятся останки человека, грубо нарушавшего социалистическую законность и повинного в гибели многих честных коммунистов. Она призвала руководство партии изменить ситуацию: вынести Сталина из Мавзолея, а туда положить хорошо и чудом найденные останки Ленина. Хрущев подтвердил, что Ленин «готов» к переезду в Мавзолей. На том и порешили.

С тех пор – это Мавзолей Ленина. Вообще-то Хрущев обманывал делегатов съезда, страну и мир. Останки Ленина не сохранились, а то, что лежит в Мавзолее, есть произведение советских ученых из Академии наук. Совместный «продукт» биохимиков, медиков и историков. Так что проблема перезахоронения Ленина – надуманная. Речь идет о выносе «куклы» и закрытии капища. Но пока «Ленин» остается на привычном месте, в

очередной раз избегая «смерти». И, может быть, прав Маяковский: «Ленин жил! Ленин – жив! Ленин будет жить!».

Действительно, «правда – нечто страшное, невыносимое, смертельное» (см. эпитафия к тексту).

**YURIY PIVOVAROV**

***THE REAL LIFE OF VLADIMIR LENIN***

***Abstract.** The text is written in the genre of historical fantasy. Suppose, says the author, Lenin did not die in 1924. What fate would have awaited him in the following years? One of the possible (and most likely) options is offered by the author. This «fantasy» accurately reflects the nature of the Stalinist regime and the characteristic features of the «thaw» era.*

***Keywords:** Lenin, Krupskaya, Stalin, Khrushchev, the process of 1938, the XXII Congress of the CPSU, the mausoleum.*

**Ю.С. ПИВОВАРОВ**

***О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ***

***Аннотация.** В работе ставится вопрос: какую роль в России играет интеллигенция? Примерно такую же, как в Англии – аристократия. Это не только социальный, но и метафизический институт. Интеллигенция – главный субъект отечественной истории (на протяжении уже полутора столетий). Именно поэтому большевики пытались ее уничтожить. Русская интеллигенция утверждает Россию как великую культурную державу.*

***Ключевые слова:** интеллигенция, аристократия, «Вехи», оттепель, русская культура.*

Какую роль играет в России интеллигенция? Примерно такую же, как в Англии – аристократия. Исторические эпохи, классы, слои, социальные и профессиональные группы приходят и уходят, но аристократия остается. Как и интеллигенция у нас. Это не только и не просто социальный, но и метафизический институт. Английская и русская системы держатся на аристократии и интеллигенции. Все крутится вокруг них. И даже массовое (и целенаправленное) уничтожение интеллигенции и уход в эмиграцию значительной (и лучшей) части не смогли ее «прекратить». Каким-то малообъяснимым образом произошло восстановление. Хотя качество старой (уничтоженной и ушедшей) интеллигенции осталось недостижимым.

Когда-то Н.М. Карамзин установил (впервые в своей «Записке о древней и новой России в ее гражданском и политическом отношении» – 1809 г.), что самодержавие есть вневременной, имманентный русской истории (и «природе») институт, от которого зависит само бытие страны. Не вступая в полемику с любимым и почитаемым мною Николаем Михайловичем, скажу: в последние два столетия (минимум – полтора) эту роль взяла на себя интеллигенция.

Она – главный субъект русской истории. Этим, кстати, завершается спор, что есть Россия – Европа, Азия, Евразия? Интеллигенция – европейский продукт, выросший на русской почве (из почвы). Любое нападение

на интеллигенцию является отрицанием русской психеи и энтелехии, русской «исторической правды». Последний такой наезд – «иностранные агенты». Воспользуюсь словами Екатерины II: авторы и заказчики наезда – «бунтовщики похуже Пугачева». Русофобы! Они дерзают спорить с русской историей. Поднимают руку на «наше все».

Конечно, советская интеллигенция во многом отличалась от традиционной русской. И хотя режим пользовался ее услугами, она всегда была ему чуждой. Вместе с тем существовала по его соизволению. Постепенно происходила трансформация советской интеллигенции, достигшая своего апогея в правозащитном движении, религиозном обращении, литературе и искусстве оттепельного и постоттепельного периодов. Интеллигенция обрела и свой стиль жизни, свою локализацию. Это – НИИ, вузы, творческие союзы. Это – разговоры на кухне под Окуджаву, Галича, Высоцкого etc. Это – чтение и распространение Самиздата и Тамиздата, слушание западных радиоголосов. Это – «дикий» туризм (к примеру, байдарочные походы, куда брали проверенных людей и можно было «все» обсуждать откровенно: свободное пространство в несвободном обществе).

В целом интеллигенция постепенно становилась менее крепостной режиму. Страх еще имел над ней силу. Но сила страха убывала. Поскольку же надежд на демократические преобразования было мало, строились долговременные стратегии в рамках status quo – от полного приспособления до относительно автономного бытия. Один из вариантов – «эмиграция» в науку (особенно у «технарей»). «Я вас не трогаю, не мешайте и мне». То есть вместо «классовой борьбы» – разрядка, детант, мирное сосуществование различных культурных, поведенческих, мировоззренческих феноменов.

В хрущевско-брежневский период у интеллигенции была своя литература, живопись, музыка, кино, театр и т.д. Был язык, на котором можно вести диалог с миром. Интеллигенция разрослась и количественно. Только в таких условиях оказалась возможной горбачевская перестройка. Она имела в интеллигенции массовую опору. К тому же определенная часть номенклатуры находилась под влиянием идей и духа интеллигенции. В известном смысле, повторялась ситуация воздействия интеллигенции на «просвещенную» бюрократию (вторая половина XIX в.). А.С. Черняев, А.Н. Яковлев и другие разделяли интеллектуальные, этические, эстетические принципы интеллигенции. Да и сам М.С. Горбачев был далеко не чужд всему этому.

Вообще же первыми увидели в интеллигенции главный исторический субъект авторы знаменитого сборника «Вехи» (1909 г.: М.О. Гершензон, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.А. Франк). Их критика интеллигенции имела своей целью

ее «качественное улучшение». Интеллигенцию приглашали «отречься от чрезмерной субъективности, изучать явления жизни не сквозь призму их желательности или нежелательности, а разыскивать подлинные социальные силы, т.е. которые на самом деле приводят в движение народы и государства и влекут за собой социальные и политические перевороты» [Изгоев, 1910, с. 4].

«Веховцы» считали, что интеллигенции суждено стать ядром нового «исторического блока», который поведет Россию вперед: к конституционно-правовому государству, социально ориентированному рыночному хозяйству, правам человека и т.д.

Они «догадались», что интеллигенция есть хранитель и транслятор культурных ценностей, знания, образовательных навыков. Ее задача – аккумуляция всего лучшего, что есть на сегодняшний день. Накопление творческих энергий и переработка их в позитивную деятельность. Существование интеллигенции – залог преемственности и открытости новому, будущему. Интеллигенция – палладиум России (сравни: у Карамзина самодержавие – палладиум России).

Не случайно Ленин, злобный и циничный враг России, говорил: интеллигенция не мозг нации, а «говно». Да, Владимир Ильич, по внешнему виду вполне интеллигент, был ее гонителем. – Характерной является история высылки за границу большой группы выдающихся ученых и мыслителей в 1922 г. («Философский пароход»). «Среди высылаемых почти нет крупных научных имен. В большинстве – это политиканствующие элементы профессуры, которые гораздо более известны своей принадлежностью к кадетской партии, нежели своими научными заслугами» [Кошарный, 1991], – утверждал диктатор. Все его поведение в рамках операции «высылки» свидетельствует о зависти к этим звездам мировой науки и мысли, об угнетавшем и раздражавшем его комплексе неполноценности, а также о понимании, что эти «высылаемые» знают ему цену. Ленин суетится, спешит, постоянно «дергает» Дзержинского – быстрее решить этот вопрос! Хватит миндальничать!

Не отставали от Ильича и «младшие» диктаторы. Так, гауляйтер Петрограда Григорий Зиновьев прославился не только массовыми арестами питерских профессоров и интеллигентов, но и тем, что «морил» голодом остававшихся на свободе. – В своих мемуарных заметках «Пять лет в Советской России», опубликованных в 1923 г., А.С. Изгоев вспоминал, как Зиновьев распорядился выдавать вымиравшим от голода представителям «буржуазной интеллигенции» по 1/8 фунта хлеба в день (это норма будущей ленинградской блокады). Эту милость Григорий Евсеевич сопроводил циничной ухмылкой: «Чтобы они не забыли запах хлеба» (зимой 1919 г., когда Изгоев был арестован и находился на принудительных работах на

Севере, от недоедания и холода умерла его младшая дочь; жена и старшая дочь находились на грани смерти).

Ленинско-зиновьевскую линию отношения к интеллигенции (к этой линии примыкали все большевистские вожди) можно назвать культурно-антропологическим геноцидом. Он господствовал до 1956 г. (XX съезд) и перерос в более мирные формы – преследования, запреты, поучения. Но уже не повальное смертное уничтожение (хотя хрущевские «наезды» на интеллигенцию были крайне болезненными и социально опасными). И процесс восстановления интеллигенции, пополнения ее молодыми кадрами пошел. Здесь особую роль сыграл «Доктор Живаго», пусть и ненапечатанный на родине, но прочитанный многими. Ренессансу интеллигенции способствовали и успехи советской науки и техники (бомба, космос и т.д.). – «“Очкарик”-то, оказывается, полезный. Без него не туды и не сюды...»... «Физики» были во всесоюзном почете. И сразу же начали «позволять» себе. Лезли к власти с советами, как жить дальше. Болезненно реагировали на несправедливости и глупость. Становились образцом подражания для молодежи. Пытались воссоздать что-то схожее с гражданским обществом.

Вообще, к интеллигенции полностью относятся слова И.А. Бунина, сказанные им в защиту дворянства (тем более что на первых этапах своего существования интеллигенция была дворянской по происхождению). – «А декабристы и знаменитый Московский университет тридцатых и сороковых годов... западники и славянофилы, деятели эпохи великих реформ... первые народовольцы, Государственная Дума? А редакторы знаменитых журналов? А весь цвет русской литературы? А ее герои? Ни одна страна в мире не дала такого дворянства». – И интеллигенции, добавлю я.

В последнее время говорят о закате русской интеллигенции в ее позднесоветском варианте, о ее гибели вообще. Выдвигаются различные объяснения (якобы) исчезновения интеллигенции как исторического феномена. Утверждают: в ней больше нет нужды и что ее «съела» материальная нужда. Интеллигенция-де осталась без источников энергии для поддержания существования.

Здесь уместно вспомнить не только о роли интеллигенции в истории страны, но и то, что она – главный творец русской культуры. Последняя же есть явление всечеловеческого характера. Именно она утверждает Россию как великую державу, как уникальную цивилизацию. Достижения русской культуры суть достижения всего мира. Поэзия и проза, музыка и живопись, кино и театр образуют некий русский комплекс, без которого нельзя представить себе мирового культурного комплекса.

Будучи (во многом) продуктом интеллигенции, русская культура сама теперь подпитывает своих создателей бытийственной энергией.

В годы сталинского террора она помогла выжить интеллигенции и сегодня – по сути – делает то же.

### Список литературы

1. Изгоев А.С. Интеллигенция и «Вехи» // Русское общество и революция. – М., 1910. – С. 3–11.
2. Кошарный В.П. У истоков советской философской науки (1917–1922). – М. : Изд-во Московского университета, 1991. – 152 с.

### YURIY PIVOVAROV

#### *ABOUT THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA*

*Abstract.* The paper raises the question: what role does the intelligentsia play in Russia? About the same as the aristocracy in England. It is not only a social institution, but also a metaphysical one. The intelligentsia is the main subject of Russian history (for a century and a half). That is why the Bolsheviks tried to destroy it. The Russian intelligentsia claims Russia as a great cultural power.

*Keywords:* intelligentsia, aristocracy, «Vekhi», «Thaw», Russian culture.



**Ю.С. ПИВОВАРОВ**

**РОССИЯ 1905–1917 :  
РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ ФАНТАЗИИ И СОЖАЛЕНИЯ**

*Аннотация.* Текст представляет собой попытку структурного анализа русской политики 1905–1917 гг. Ее устойчивость и успехи были обеспечены наличием «большой коалиции» – трона и «думской России». Часть населения Империи, не получившая избирательного права, осталась вне публичной политики, образовав «Россию недумскую». В феврале 1917 г. «думская Россия» разорвала «большую коалицию» и оказалась бесспорной перед стихией разрушения, спровоцированной войной. Среди причин катастрофы 1917 г. – также феномен «расколотого суверенитета»: сакрального (царского) и демократического (думского).

**Ключевые слова:** Конституция, Дума, трон, «думская Россия», «Россия недумская», «большая коалиция», «расколотый суверенитет».

Революция 1905–1907 гг. дала России Конституцию, Думу, партии, выборы, профсоюзы, свободу слова, вероисповеданий и т.д. Началось формирование «думской России» – новой исторической общности, состоявшей из лиц, получивших избирательное право. Политически «думская Россия» была представлена кадетами, октябристами, эсерами (отчасти и с оговорками) и т.д. Та часть населения Империи, что не обрела избирательного права, осталась вне «думской России». Она образует «Россию недумскую».

В 1907–1914 гг. «союз» трона и «думской России» проводит широкомасштабные реформы. У этого «союза» появляются разнообразные оппоненты «слева» и «справа»: «черная сотня», радикальные социалистические группы, реакционные круги бюрократии (Н.А. Маклаков и др.).

1914–1917 гг. – трон и «думская Россия» после патриотического сближения в начале войны постепенно отдаляются друг от друга в ее следующих фазах. Создание «Прогрессивного блока» означает переход «думской России» от сотрудничества и конструктивной оппозиции к открытой борьбе с тронem (причем в агрессивной форме). В связи с этим происходит ослабление строящейся молодой государственности – конституционной,

демократической, правовой. Во многом как следствие войны рождается запрос на чрезвычайщину.

1917 г. – «думская Россия» опрокидывает трон и, не желая этого, заодно молодое государство. Постепенно усиливается «Россия недумская». Она не была включена в компромисс трона и «думской России». И после низвержения трона начала экспансию в социальное пространство.

В начале весны 1917 г. «думская Россия» полагала, что свергает *ancien régime*, старую власть, а уничтожила комбинацию трон – «думская Россия». На этом фундаменте страна «модернизировалась» около десяти лет. Трон и «думская Россия» были повязаны не только юридическими, конституционными установлениями, но вкуче представляли комбайн исторического развития. К нему долго и сложно шли, построили – и выбросили на помойку. А ведь это был русский вариант сотрудничества власти и общества. «Заплатили» за «ошибку» разрушением молодого, еще только создававшегося либерального, правового, конституционного государства, а также поднимавшегося гражданского строя.

Временное правительство было правительством «думской России», которое постепенно становилось правительством «России недумской» (эсеровским). Оно начало отмену реформ столыпинской чеканки. Так, министр земледелия В. Чернов в июне 1917 г. запрещает дальнейшее разверствование земли (в частную собственность). Это были первые шаги по аннигиляции целей и достижений комбинации трон – «думская Россия».

Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего, равного, тайного, прямого голосования, приводит к власти главную политическую силу «России недумской» – эсеров. Результат выборов – поражение «думской России» (несмотря на локальные успехи кадетов). Это еще одно свидетельство того, что, разорвав союз с троном, «думская Россия» подрубила и себя.

Большевики нанесли последние решающие удары по Учредительному собранию, предполагаемой новой Конституции, провозглашенной Российской Демократической Федеративной Республикой (РДФР), по готовому родиться новому правительству. Окончательно было погребено и молодое, либеральное, демократическое, правовое государство. На смену пришла диктатура самого жесткого и тотального пошиба. Начался разгром «России недумской».

\*\*\*

Великим достижением революции 1905–1907 гг. было создание «большой коалиции», которая стала основой формирования политики и нового государства. Но эта коалиция носила характер более внешний, чем внутренний. Партнеры не чувствовали себя в одной лодке. Эту задачу еще

следовало решить. На повестке дня стояло обретение союзнической ментальности, а не традиционное «кто кого».

Вожди же «думской России» ошибочно полагали в троне своего главного врага. Впрочем, и наоборот – притронные подозревали думских в дурных замыслах и, в общем, не доверяли им. А «враг» на самом деле был главным союзником. Что, разумеется, не отменяло возможности их конкуренции, разных позиций etc. Но все держалось на этой «большой коалиции».

Если бы Россия еще немного потерпела, то оказалась бы в ряду победителей в войне. В послевоенный период, скорее всего, участники политического процесса, окрыленные громадным успехом, предъявили бы свои претензии на большую долю во власти. Вероятным является дальнейшее расширение «думской России» за счет «России недумской». Иными словами, происходило бы вовлечение в легальную политику новых социальных групп и слоев. Объективно это означало бы ослабление трона в рамках «большой коалиции». Это необходимо было бы учитывать, чтобы не разрушить общественный компромисс (т.е. не «добивать» трон). Задача трудная, но решаемая.

Если бы удался проект Учредительного собрания, то Россия становилась республикой с сильной президентской властью и избираемым на основе равного и всеобщего права парламентом. Федерализация страны ограничивала бы центральную власть и «учитывала» интересы и требования «национальных окраин». Это уже новая комбинация власти и общества, которую следовало еще строить и «доводить» до практической реализации. Несомненно, усилились бы радикально-революционные и реакционные силы. Отчасти это напоминало бы развитие Веймарской республики. Но – что важно – без комплекса проигравших.

\*\*\*

Одной из причин катастрофы 1917 г. было следующее: большая часть страны, многие миллионы людей оставались подданными, не успев превратиться в граждан. Иными словами, «думская Россия» не охватывала всю Империю. Задачу переформатирования традиционного и многоэтничного общества в современное и надэтничное решить не успели. Все это нашло свой выход в пертурбациях 1917 г.

Несомненно: для широких масс «России недумской» лозунги типа «ответственного министерства» были непонятны. Основополагающий для русской истории конфликт двух субкультур («европеизированной» и «традиционалистской», модерна и архаики) модифицировался в начале XX в. в конфликт «большой коалиции» трона и «думской России», с одной

стороны, и «России недумской» – с другой. Большевики «лишь» ловко использовали это органическое противоречие отечественной социальности, их (субкультур) историко-темпоральную и мировоззренческую нестыковку.

Вообще-то, термин «большая коалиция» заимствован мною из немецкого политического словаря. Под ним подразумевается совместное, в коалиции, управление Германией двумя крупнейшими партиями – Христианско-демократическим союзом (ХДС)/Христианско-социальным союзом (ХСС) и Социал-демократической партией (СДПГ). Надо сказать, что корни «большой коалиции» уходят в кайзеровский период. Тогда (конец XIX в.) самая многочисленная фракция в Рейхстаге – социал-демократы – заключила соглашение о сотрудничестве с католической Партией центра (предшественницей ХДС). На этом соглашении и держались устойчивость и стабильность парламента (иногда к «большой коалиции» примыкали и либералы). Эта модель политического сотрудничества была характерна и для Веймарской республики (в наиболее успешные периоды ее эволюции).

Понятно, что российская «большая коалиция» представляла собой союз совершенно других акторов. Схожее было лишь то, что оба варианта «большой коалиции» обеспечивали стабильность и динамичность социального развития своих стран. «Большая коалиция» была эффективной формой сотрудничества основных политических сил Германии и России. Таким образом, мы используем термин «большая коалиция» как структурную метафору.

\*\*\*

Напомним: российская «большая коалиция» строилась на основе Конституции 1906 г. Вот как ее оценивал крупный юрист, один из лидеров кадетской партии В.А. Маклаков: «В России было тогда две силы. Была историческая власть с большим запасом знаний и опыта, но которая уже не могла править одна. Было общество, много правильно понимавшее, полное хороших намерений, но не умевшее управлять ничем, даже собой<sup>1</sup>. Спасение России было в примирении и союзе этих двух сил, в их совместной согласованной работе. Конституция 1906 г. – и в этом ее основная идея – не только давала возможность такой работы, но делала ее обязательной. Идти вперед, менять можно было только при обоюдном согласии. Соглашение между двумя политическими силами сделано было необходимым условием государственной жизни» [Маклаков, 1936, с. 585].

---

<sup>1</sup> Здесь я бы поспорил с симпатичным Василием Алексеевичем. А уездные и губернские земства, существовавшие уже более сорока лет?! А суды присяжных?! А городское самоуправление?! Институт выбранных ректоров университетов?! и т.д.

Конституция подвела итог более чем столетнего движения России от самовластия к конституционной и ограниченной монархии. Известный русский историк-правовед, эмигрант В.В. Леонтович писал: «...Конституция от 23 апреля 1906 года представляла собой правовые рамки, в которых... можно было достичь политической цели, так долго остававшейся недостижимой и состоявшей в том, что монархия принимала либерализм как свою программу, а общественность сотрудничала с традиционными силами монархии при проведении в жизнь этой программы и даже находила какое-то внутреннее единство с этими силами» [Леонтович, 1980, с. 465].

Вместе с тем Конституция 1906 г., будучи компромиссным документом, обладала и серьезными недостатками. В ней появляется законодательное учреждение – Дума, которая, хоть и в ограниченных объемах, но управляла страной через процесс законодательствования. Как и подобает органу представительной власти, Дума избиралась – пусть и не на основе всеобщего и равного права, но избиралась. Следовательно, в политико-правовую конструкцию России 1906–1917 гг. были «втиснуты» два прямо противоположных друг другу института и принципа.

Первый – императорская власть, обладавшая суверенитетом, монопольно владевшая источником всех властей и законов, сама и бывшая этим источником. Она имела все мыслимые виды легитимностей: сакральную (от Бога), «демократическую» (Романовы избраны на царство Учредительным Земским собором 1613 г.), исторически-преемственную (правили страной более 300 лет) и формально-юридическую (закон о престолонаследии Павла I). «Основные законы» 1906 г. закрепляют все эти типы легитимности в конституционном тексте современного образца. Тем самым придают ей еще один вид легитимности – конституционно-правовой. Разумеется, *такая* власть не могла быть вписана в систему разделения властей. Она располагалась над ней.

Второй – Дума, имевшая демократическую легитимность, т.е. по избранию, конституционно-правовую (по «Основным законам») и издающая общеобязательные для всех россиян законы. Необходимо также напомнить, что Дума утверждала бюджет, а это означает, что и исполнительная власть (в лице правительства) существенно зависела от демократического по своей природе парламента. Если к этому добавить, что в рамках тогдашнего законодательства Российской империи Судебный сенат – высшая судебная (кассационная) инстанция – обладал правом принимать решения, которые никем, включая императора, не могли быть обжалованы, то получается, что Дума плюс Сенат составляли вместе систему власти, потенциально альтернативную императорской. И хотя юридически в рамках Конституции 1906 г. императорская власть была сильнее, чем «зако-

нодательно-судебная», социальный расклад и ситуация в обществе менялись явно в пользу новой системы власти. Это сознавали и представители традиционной императорской власти, и сторонники новой, парламентско-судебной.

Можно также говорить о феномене «расколотого суверенитета». Один большой кусок находился у трона, другой, меньший, – у «думской России». Таким образом, Конституция явилась не только воплощением исторического компромисса и основой для существования «большой коалиции», но и потенциальным источником нового взрыва. То есть Февраль 1917 г. был юридически заложен в Конституции 1906 г. Другое дело, что этой возможностью пользоваться было необязательно.

\*\*\*

Уточним наш подход. «Расколотый суверенитет» – штука непрочная и опасная. Одновременно с этим такое состояние суверенитета создавало фундамент для заключения «большой коалиции». Здесь – специфика русской ситуации. Уничтожив кусок царской легитимности, общественники остались с непривычно усеченным суверенитетом. Оказались не только без своего исторического оппонента, но и – уже! – единственного защитника. Какое-никакое равновесие было нарушено. Находившейся в одиночестве «думской России» не удалось устоять на своем «куске» суверенитета, удержаться на нем, как на отколовшейся льдине. К весне 1917 г. лед растаял, и вековая мечта российского либерализма утонула.

#### Список литературы

1. Маклаков В. Власть и общественность на закате старой России : (Воспоминания современника) : в 3-х ч. – Париж : Изд. Журнала «Иллюстрированная Россия», 1936. – Ч. 3. – 617 с.
2. Леонтович В.В. История либерализма в России, 1762–1914. – Париж : YMCA-Press, 1980. – 562 с.

#### YURIY PIVOVAROV

#### *RUSSIA, 1905–1917 :*

#### *RETROSPECTIVE FANTASIES AND REGRETS*

*Abstract. The text is an attempt at a structural analysis of Russian politics in 1905–1917. Its stability and success were ensured by the presence of a «grand coalition» – the Throne and «Duma's Russia». The part of the population of the Empire that did not receive the right to vote remained outside of public politics, forming «non-Duma Russia». In February 1917 «Duma's Russia» broke the «grand coalition» and was powerless in the face of the elements of*

*destruction provoked by the War. Among the causes of the Catastrophe of 1917 is also the phenomenon of «split sovereignty»: sacred (tsarist) and democratic (Duma).*

**Keywords:** *Constitution, Duma, Throne, «Duma Russia», «non-Duma Russia», «grand coalition», «split sovereignty».*

**Ю.С. ПИВОВАРОВ**

***ИСТОРИКО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ***

*Аннотация.* Автор подчеркивает значение геополитического подхода при анализе истории и политики. Приводятся примеры геополитических совпадений в различные исторические эпохи. Однако в конечном счете это не отменяет адекватности персоналистского понимания исторического процесса.

**Ключевые слова:** геополитика, *Realpolitik*, Тильзитский мир, пакт Молотова – Риббентропа, Эльзас.

Геополитические объяснения истории всегда казались мне чем-то недостойным и недостоверным. В геополитических построениях я видел нечто схожее с законами истории марксизма-ленинизма. Некие внеличностные «данности» определяют и направляют исторический процесс. Человек же есть послушный (или непослушный) материал, из которого и лепится этот исторический процесс. Подобным псевдообъективизмом, как бетоном, заливали пространство свободы воли человека, обещанной нам Сыном Божьим.

Геополитика в том числе есть оправдание *Realpolitik*. То есть политики, не отягощенной моральными ориентирами. Кстати, такой подход имеет прочные корни в русской мысли. Еще в середине XIX столетия известный историк и идеолог-консерватор М.П. Погодин писал: «Для людей Новый завет, а для государства в политике – Ветхий, око за око, зуб за зуб, а иначе оно существовать не может» [цит. по: Зеньковский, 1955, с. 125]. В начале того же века Н.М. Карамзин назидал Александру I: «Вы думаете восстановить Польшу в ее целостности, действуя как христианин... Государь! Вера христианская есть тайный союз человеческого сердца с Богом... Она выше земли и мира... Солнце течет и ныне по тем же законам, по коим текло до явления Христа-спасителя. Так и гражданские общества не переменили своих коренных уставов: все осталось, как было на земле и как иначе быть не может» [цит. по: Миллер, 1887, с. 274].

Надо сказать, что подобные и схожие идеи были характерны не только для русской мысли. Что касается геополитики, то это вообще избоб-



речение не русское. Но сегодня ставшее популярным и у нас. Именно геополитическими интересами СССР объясняется пакт Молотова – Риббентропа. То же самое можно сказать о двух мировых войнах. В обеих Россия вместе с западными демократиями воевала с Германией. И это притом, что сталинизм по своей природе был враждебен этим самым демократиям. Но мировоззренческие и этические соображения были отодвинуты в сторону и на первый план вышли геополитические интересы.

Так что же: да здравствует геополитика?!

Но прежде чем петь ей гимны, обратим внимание на два договора России – в 1807 г. с Францией и в 1939 г. с Германией.

\*\*\*

В 1807 г. в Тильзите произошла встреча Наполеона и Александра I. Наполеон, по просьбе своего «нового друга», возвратил прусскому королю половину его владений. Из большей части тех польских земель (областей), которые достались Пруссии при разделе Речи Посполитой, было образовано «герцогство Варшавское» под протекторатом Наполеона и номинальной властью саксонского короля. Белостокская область была уступлена России. Александр согласился принять «континентальную систему», т.е. прекратить торговлю с Англией и прервать с ней всякие отношения.

В вознаграждение за дружбу (и за убытки, с ней связанные) Наполеон предоставил своему союзнику возможность усиливаться за счет Турции и Швеции (последняя была в союзе с Англией). Война с Турцией – 1806–1812 гг., по Бухарестскому миру Турция уступала России Бессарабию. Война со Швецией (1808–1809) принесла России Финляндию. В скором будущем – Великое княжество Финляндское.

В результате Тильзита Наполеон обеспечил свой тыл на востоке Европы и мог сосредоточиться на борьбе с Англией, готовясь к высадке на острова. Александр «направил» своего многолетнего соперника на запад и отодвинул сроки неминуемой войны с Наполеоном. Все это произошло за счет Польши и косвенно Финляндии и Бессарабии.

В войне Наполеона с Австрией в 1809 г. Россия в качестве союзника Наполеона должна была выступить на его стороне. Но ограничилась лишь военной демонстрацией. При этом вынудила Австрию держать часть войск на востоке страны. После своей победы Наполеон отблагодарил союзника. В 1810 г. Россия получила Восточную Галицию (Тарнопольский округ).

\*\*\*

В 1939 г. был подписан Договор о ненападении Германии с СССР (пакт Молотова – Риббентропа). Затем Договор о дружбе и ненападении. Договоры имели секретные приложения (протоколы), по которым разграничивались сферы влияния Германии и СССР. Москве отходила Восточная Польша, прибалтийские республики (включая Литву), Финляндия, Бессарабия (тогда часть Румынии), Северная Буковина. 17 сентября 1939 г. РККА вошла в Польшу. К этому моменту польская армия была разгромлена немцами. В августе 1940 г. Бессарабия была передана Румынией СССР.

За счет очередного раздела Польши Гитлер обеспечил свой тыл на востоке Европы и повернул на запад воевать с Англией и готовиться к высадке на островах. Сталин же, «направив» своего нового союзника на запад, отложил сроки неминуемой войны с Гитлером.

\*\*\*

Сходство Тильзитского мира и пакта Молотова – Риббентропа налицо, притом что сейчас речь не идет о коренных отличиях наполеоновской и александровской администраций на оккупированных территориях, с одной стороны, и режимах Третьего рейха и СССР, захвативших восточно-европейское пространство, – с другой. Мы имеем в виду очевидное подобие внешнеполитических конфигураций и решений (нападение СССР на Финляндию в конце ноября 1939 г. – тоже результат пакта Молотова – Риббентропа).

Это, как мы знаем, не единственный пример «ситуационного повторения» в истории внешней политики. Видимо, действительно существуют некие геополитические константы, которые проявляют себя на протяжении длительных исторических периодов. И эти константы порой бывают сильнее и влиятельнее, чем социальные изменения и специфика разных эпох.

Казалось бы, все это льет воду на мельницу геополитического объяснения исторических событий и фактов, а также опровергает персоналистский подход к истории, заявленный в начале этого текста. Когда-то великий И. Бродский утверждал: эстетика первичнее этики. По аналогии можно было бы сказать: геополитика первичнее морали, различения добра и зла, личностного выбора. Тем самым мы находим субстанциональное оправдание каких-то высших по отношению к человеку ценностей, «данностей».

Да, трезвый анализ политики и истории должен включать в себя и «геополитическое измерение», зачастую, по видимости, перекрывающее (но не отменяющее) «этико-персоналистское». Так, евро-атлантическое сотрудничество и союзничество, которое мы наблюдаем уже около восьми десятилетий, имеют своей основой не только совпадение геополитических

интересов, но и (в целом) общие представления о природе человека и общества. И именно эти представления являются краеугольным камнем евро-атлантической цивилизации и трансатлантической кооперации.

#### **Список литературы**

1. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа : Критика европейской культуры у русских мыслителей. – Париж : YMCA-press, 1955. – 278 с.
2. Миллер О.Ф. Славянство и Европа. – СПб. : тип. Г.Е. Благосветлова, 1887. – 417 с.

#### **YURIY PIVOVAROV**

#### ***HISTORICAL AND GEOPOLITICAL NOTES***

***Abstract.** The author emphasizes the importance of the geopolitical approach in the analysis of history and politics. Examples of geopolitical coincidences in different historical epochs are given. However, in the end, this does not negate the adequacy of the personalist understanding of the historical process.*

***Keywords:** geopolitics, Realpolitik, Tilsit peace, Molotov – Ribbentrop pact, Alsace.*

**Ю.С. ПИВОВАРОВ**

***СБЕРЕЖЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ***

**Аннотация.** *«Историческая правда», «иностранные агенты» – все эти юридико-идеологические новации направлены против интеллигенции. В определенном смысле – это ремейк категории «лишенцы» из советской Конституции 1918 г. Это искусственное конструирование социальной группы «отверженных». Это очередной удар по интеллигенции за последние сто лет. Задача российского общества – сохранить интеллигенцию.*

**Ключевые слова:** *интеллигенция, диктатура, Бродский, Менделеев, Солженицын, политика устрашения.*

*...Все происшедшее было беспрецедентной  
антропологической трагедией,  
генетическим регрессом, конечным результатом  
которого стало усечение человеческого потенциала.  
И. Бродский*

«Историческая правда» есть юридически оформленное видение прошлого. При этом другая точка зрения – ересь, которая должна быть искоренена и уголовно наказуема. Мысль и наука – под конвоем. Закрывается возможность свободного творчества. Все новое и иное признаются девиантностью.

После появления «исторической правды» в Конституции я задумался: *кто же может ей угрожать? Кто рискнет покуситься на эту, сверкающую в доспехах закона и жандармских погонах, чуть ли не сакральную субстанцию?* – Теперь ответ есть: физические лица / «иностранные агенты». – Те, кто получает (в той или иной форме) зарубежные деньги и, отработывая их, клеветает на свою страну (ее прошлое и настоящее).

Следует подчеркнуть, что физическое лицо как «иностранный агент» – это создание новой социальной категории. – В первой советской Конституции (1918) понятием «лишенцы» обозначали реально существовавшие социальные группы *«бывших людей»* (так называли непролетарских и некрестьянских представителей старой России). «Иностранный агент» (физическое лицо) появляется как определение *de facto* не суще-

ствующей социальной страты. В нее, словно в клетку, будут загонять тех, кто «неосторожно» заявит о собственном мнении. Это как если бы врачам клеить «врачей-убийц» в качестве юридической квалификации, предполагающей уголовное преследование и наказание.

Заметим, в первой половине властвования Путина с политическими оппонентами расправлялись в основном с помощью экономических статей. Теперь же переходят на политические (это не означает отказа от «экономики» – в случае чего можно и ею воспользоваться, но свидетельствует о новой фазе социальной эволюции (или деволюции)). – Сегодня на первый план выходит «политика» – ассортимент разнообразится, режим показывает свои железные зубы.

Диктатуры прошлого (XX столетия) имели характер социальный (подавление различных социальных слоев) или расистский (уничтожение какого-либо народа). Современная российская диктатура является *антропологической* (подавление определенных антропологических групп и видов). Не важно – бедный ты или богатый, русский или еврей... Главное, как и в старых диктатурах, что ты – «чужой», «другой», самостоятельно мыслящий, не желающий участвовать в общем позоре. – Антропологически-серые уничтожают антропологически-ярких. Борьба человеческих сущностей! Гуманистов и насильников. – Это борьба с интеллигенцией (свободным творчеством, наукой, образованием). Борьба с интеллигенцией как антропологическим типом.

Говорят: всех не пересажаешь! Как знать... Во всяком случае, можно попробовать. И до минимума свести это непокорное племя. Вновь, по слову И. Бродского, произвести «усечение человеческого потенциала». – Мозг и совесть нации снова, как и десятилетия назад, под угрозой. На них надвигается террор; вновь интеллигент означает «враг народа», «предатель» Родины. Ведь в русском языке слово «агент» имеет однозначно негативную коннотацию. Агент-подрывник шастает по нашим городам и весям с рацией в рюкзаке, распространяет «заведомо ложные» мнения и оценки, а также «лживую» информацию о российской действительности. Подтверждается народная мудрость: кто в очках, тот – шпион (иностраный агент).

Считаю самоубийственной политику устрашения и разгрома интеллигенции. Возвращение «антропологической трагедии» (И. Бродский) ставит под вопрос настоящее и будущее российского народа. Интеллигенция была и есть кровное завоевание наших предков, результат их долговременных усилий. Величие и слава России не в последнюю очередь обеспечены этим нравственно-интеллектуальным запасом. Пустить его по ветру – разорить страну. Нельзя согласиться с повтором «генетического регресса» (И. Бродский)!

Пока есть интеллигенция, определение России как «Верхней Вольты с ядерным оружием» несправедливо. Мы – не Верхняя Вольта. – Мы: Царское Село (с Лицеем), Московский университет, Академия наук, Переделькино, Ясная Поляна, декабристы, славянофилы и западники, народники, работники земств, белая гвардия, русское зарубежье, шестидесятники, правозащитники. Мы – это бережно хранимая память о наших старших современниках и учителях (об А. Сахарове, о. Александре Шмемане, А. Солженицыне, А. Черняеве, И. Бродском, А. Яковлеве и др.).

Когда-то (вслед за Д.И. Менделеевым) А.И. Солженицын говорил, что главная задача России – «сбережение народа». Но в рамках этой главной задачи имеются и специальные. Сегодня на повестке дня – сбережение интеллигенции.

## YURIY PIVOVAROV

### *SAVING THE INTELLIGENTSIA*

**Abstract.** «Historical truth», «foreign agents» – all these legal and ideological innovations are directed against the intelligentsia. In a certain sense, it is a remake of the category «lishentsy» from the Soviet Constitution of 1918. This is an artificial construction of a social group of «outcasts». This is another blow to the intelligentsia over the past hundred years. The task of Russian society is to preserve the intelligentsia.

**Keywords:** intelligentsia, dictatorship, Brodsky, Mendeleev, Solzhenitsyn, the policy of intimidation.

**Ю.С. ПИВОВАРОВ**

**«НАС СПАСЕТ ПОЭЗИЯ»  
(О БРОДСКОМ)**

*Аннотация.* Цель этого небольшого эссе – уточнить место И.А. Бродского в диспозиции современной русской культуры. Наряду с кардинальным расширением возможностей русского языка поэт, ценой своей жизни (нередко трагической), создал модель поведения независимого человека в несвободной стране и новичка-эмигранта за пределами родины. Бродский – центральная фигура отечественной истории конца XX в.

**Ключевые слова:** Бродский, культура, история, язык, поэт.

*К 80-летию со дня рождения  
и 25-летию со дня смерти*

Чтобы культура (цивилизация, «культурно-исторический тип») жила, необходимо иметь поименованными все ее основные «параметры». Как только культура теряет способность выражать, высказывать себя на своем языке, она оказывается в ситуации заката. Поэтому завет Анны Ахматовой: «Но мы сохраним тебя, русская речь», – имеет не только глубоко патриотический, но и цивилизационный смысл. Более того, судьба латыни свидетельствует: язык и есть вместилище цивилизации, культуры, «культурно-исторического типа». Именно в нем сохраняются институты, которые используются и следующими поколениями.

Архитектура, живопись и т.д. – тоже важнейшие трансляторы как «настоящего», так и «вечного» любой значительной культуры. Однако если цивилизация не «говорит», она перестает существовать. Язык – онтологическое качество человека. И одновременно те ворота, в которые входит наследие иных культур. Ведь только через поименование возможно наследование.

В русской культуре примерно раз в сто лет являются люди, находящие слова для обозначения сущего. Это – Пушкин, Пастернак, Бродский. Они – волшебные поэты; звуки их речи (и прозаической тоже) становятся

воздухом, которым дышат и современники, и потомки. Я называю троих ради краткости. На самом деле, их больше. После 1917 г. – Ахматова, Цветаева, Мандельштам, Платонов, Булгаков, Набоков, Солженицын. По дороге не забудем Блока, Маяковского, Есенина, Окуджаву, Высоцкого... Ну, а Слуцкий, Самойлов, Левитанский, Ахмадулина...

Но у Бродского особая роль. Именно в его языке мировая культура (как сказал бы он сам), русская эстетическая традиция, современность нашли свое воплощение. Причем не выпирало ни одно из наследований.

\*\*\*

Если «деревенщики» думали, что говорят народным языком, то Бродский сам был этим языком. Согласно Пастернаку, Блок – это голос нового большого города. Бродский – голос новой урбанизированной страны.

И подобно своим предшественникам (Пушкину, Пастернаку, которых, кажется, не очень жаловал, правда, в разной степени) находил новые пространства для экспансии русской культуры. Одновременно вслед за Мандельштамом вводил ее в мировую. Иными словами, утверждал русскую культуру частным случаем (вариантом) мировой.

Используя особенности англоязычного сознания и возможности английского языка, будил фундаментальные потенциалы русского, не активированные до него. Если Пастернак и Цветаева пользовались открытиями Рильке, то Бродский – Одена. Ему повезло, и он сам так выбрал, что стал имплементатором главного языка XX столетия (английского) в русский. Он освобождал русскую речь (не только поэтическую) от культурной изоляции, на которую ее обрекали большевистствующие начальники. В очередной раз в отечественной истории им было прорублено окно в мир и взята на себя ответственность за эстетическую логистику.

Будучи очень русским, очень петербургским стихотворцем, выросшим на русско-петербургском воздухе, Бродский творчески преодолевал «местечковую» замкнутость этого опыта, этой поэтики. Именно в таком смысле следует понимать слова Анны Ахматовой и Надежды Мандельштам: «Явился новый Ося (Иосиф)». Дело было не только в гениальности Осипа Эмильевича и Иосифа Александровича, но и в их общей исторической миссии – включать русскую культуру в мировую, полагать русскую культуру одним из главных вариантов мировой.

И еще. По разным причинам у нас не было литературы «потерянного поколения» (Хемингуэй, Ремарк, Олдингтон, Арагон и т.д.). Революция, Гражданская война, террор как-то заслонили собой Первую мировую войну, и ее молодые участники не стали героями новой литературы. Но это поколение и эта литература явились у нас в конце 50-х – начале 60-х (Аксенов, Довлатов и др.). В определенном смысле и Бродский. Все они – та-



кие хмурые, усталые, полугерои-полужертвы, экзистенциалисты. Немного плейбои, герои-любовники, немного неудачники, недооцененные своими подругами. Эдакие симпатичные мудрецы с вечной сигаретой, прилепившейся к губам. Эстетически привлекательные типы, возродившие в русской культуре чувство собственного достоинства. Лишние люди в эпоху нелюдей. Наполненные каким-то недоступным знанием. Эзотерики. Поздние западники. Моралисты.

О них прекрасно сказал сам Бродский (он и был прекраснее всех). – «Никто не знал литературу и историю лучше, чем эти люди, никто не умел писать по-русски лучше, чем они, никто не презирал наше время сильнее. Для этих людей цивилизация значила больше, чем насущный хлеб и ночная ласка. И не были они, как может показаться (мне, например. – Ю.П.), еще одним потерянном поколением. Это было единственное поколение русских, которое нашло себя, для которого Джотто и Мандельштам были насущнее собственных судеб. Бедно одетые, но чем-то все-таки элегантные, тасуемые корявыми руками своих непосредственных начальников, удиравшие, как зайцы, от ретивых государственных гончих и еще более ретивых лисиц, бедные и уже не молодые, они все равно хранили любовь к несуществующему (или существующему в их лысеющих головах) предмету, именуемому цивилизацией. Безнадёжно отрезанные от большого мира, они думали, что уж этот должен быть похож на них; теперь они знают, что и он похож на других, только нарядней. Я пишу это, закрываю глаза и почти вижу, как они стоят в своих обшарпанных кухнях со стаканами в руках и ироническими гримасами на лицах. “Давай, давай”, – усмеваются они. – *Liberté, Egalité, Fraternité...* Почему никто не добавит Культуру?» [Бродский, 2017, с. 6].

Бродскому, который в целом невысоко ценил русскую прозу XX века, я бы предъявил этот отрывок. Здесь все сказано о его современниках и о самом себе. Действительно, «никто не умел писать по-русски лучше...». Джотто и Мандельштам – вот формула мировой культуры, «агентами» которой были эти «лысеющие» парни.

\*\*\*

Поколение Бродского появилось на свет в конце 30-х – самом начале 40-х. Это было время террористического безумия и страха, охвативших только в моей стране более ста миллионов человек. Тогда-то и родились они – те, которым предстояло спасти Отечество, не допустить его полной гибели. Смотрите: Алексей Герман, Владимир Высоцкий, Сергей Аверинцев, Лев Лосев, Белла Ахмадулина и др.

И это спасение произошло через создание нового языка (не только литературного – также языка кино, театра, музыки, живописи и т.д.). Можно сказать: *языка после Катастрофы*. Новый язык стал также следствием невероятной энергетической заряженности этого поколения. Энергия слова и звука, кинообраза и цвета достигли в нем исторического максимума (во всяком случае, для России). То, что ранее было доступно единицам (скажем, Цветаевой и Шостаковичу), явилось важнейшей характеристикой этой генерации. Естественно, энергия конденсировалась в лучших, сильнейших.

В первую очередь, я назвал бы троих: Бродский, Герман, Высоцкий. Именно им удалось сказать *urbi et orbi* «о мире ранее неведомых целей и стремлений, задач и подвигов, новой строгости и новых испытаний» [Пастернак]. И именно они выполнили, казалось бы, невыполнимый завет Бориса Леонидовича: «...писать (снимать кино, сочинять музыку. – Ю.П.)... не ошеломляюще, писать бледнее, чем изображали Петербург Гоголь и Достоевский, – не только бессмысленно и бесцельно, писать так – низко и бессовестно» [цит. по: Луцевич, 2007, с. 524]. Литература Бродского (поэзия и эссе), «Мой друг Иван Лапшин», «Охота на волков» – ошеломляющие, высоки и совестливы.

Заслуга Бродского и в том, что он дал модель поведения человека после Катастрофы, человека – результата Катастрофы. Это – модель мужества (порой и героизма), индивидуальной ответственности и одновременно – смирения. «Жрал хлеб изгнания, не оставляя корок». «Только с горем я чувствую солидарность».

Диссиденты, инакомыслящие, правозащитники противопоставляли господствовавшей диктатуре иную, вымышленную, реальность: политическую, правовую, реже – экономическую. Бродский – язык и литературу.

«Вещи более древние, неизбежные и долговечные, нежели любая форма общественной организации. Негодование, ирония или безразличие, выражаемые литературой зачастую по отношению к государству, есть, по существу, реакция... бесконечного по отношению к временному, ограниченному. По крайней мере до тех пор, пока государство позволяет себе вмешиваться в дела литературы, литература имеет право вмешиваться в дела государства. Политическая система, форма общественного устройства, как всякая система вообще, есть, по определению, форма прошедшего времени, пытающегося навязать себя настоящему (а зачастую и будущему), и человек, чья профессия язык, последний, кто может позволить себе позабыть об этом» [Бродский, 2001, с. 7–9].

Иначе говоря, в борьбе за человеческое существование Бродский опирается на мировую культуру, запечатленную прежде всего в языке. Культура, искусство, язык индивидуализируют человека, освобождают от массовидных клише, восстанавливают в нем его бессмертное призвание.

В нобелевской лекции Бродского мы читаем: «Как можно сочинять музыку после Аушвица», – вопрошает Адорно, и человек, знакомый с русской историей, может повторить тот же вопрос, заменив в нем название лагеря, – повторить его, пожалуй, с большим даже правом, ибо количество людей, сгинувших в сталинских лагерях, далеко превосходит количество сгинувших в немецких... Поколение, к которому я принадлежу, во всяком случае, оказалось способным сочинять эту музыку».

Действительно, это поколение выработало язык (вообще искусство), вернувший нас в более или менее нормальный мир после эпохи всеобщего озверения. Но – с учетом того, что произошло.

Лучшую оценку этому поколению дал сам Бродский. «...Поколение, родившееся именно тогда, когда крематории Аушвица работали на полную мощность, когда Сталин пребывал в зените своей богоподобной, абсолютной, самой природой, казалось, санкционированной власти, явилось в мир, судя по всему, чтобы продолжить то, что теоретически должно было прерваться в этих крематориях и безымянных общих могилах сталинского архипелага. Тот факт, что не все прервалось – по крайней мере, в России, – есть не в малой степени заслуга моего поколения... И тот факт, что я стою здесь сегодня, есть признание заслуг этого поколения перед культурой, вспоминая Мандельштама, я бы добавил – перед мировой культурой. Оглядываясь назад, я могу сказать, что мы начинали на пустом – точнее, пугающем своей опустошенностью месте и что... стремились именно к воссозданию эффекта непрерывности культуры, к восстановлению ее форм и тропов, к наполнению ее немногих уцелевших и часто совершенно скомпрометированных форм нашим собственным новым или казавшимся нам таким, современным содержанием» [Иосиф Бродский и Литва, 2015, с. 192].

\*\*\*

Его нет с нами уже четверть века. Однако, если можно так выразиться, присутствие Бродского нарастает. Он воздействует и определяет не только поэзию, но и в целом наше существование.

Что же касается Бродского-поэта, то ему, как никому другому, подходят слова Пастернака о Блоке (еще раз забудем, что в отличие от Ахматовой, Мандельштама, Цветаевой, это – не его «герой»). У него «было все, что создает великого поэта, – огонь, нежность, проникновение, свой образ мира, свой дар особого, все претворяющего прикосновения, своя сдержанность...»

Явление Бродского симптоматично. Оно свидетельствует об огромных потенциалах русской культуры и языка. Укрепляет надежду на новые

открытия, утоляет боль от его пессимизма в отношении русской прозы «после Достоевского» (см. эссе «Катастрофы в воздухе»). Ахматова с самоиронией писала: «Я научила женщин говорить». Бродский научил говорить всех нас, а некоторых и думать (отношу себя к этим «некоторым»). Это не значит, что нам доступны высота и масштаб его мысли, но хотя бы направление, темы, формулировки. Уже несколько десятилетий он – центральная фигура отечественной истории и культуры, образец поведения, достоинства и мужества.

(Название этого текста есть цитата из английского литератора и церковного деятеля XIX в. Мэтью Арнолда.)

### Список литературы

1. Бродский И. Сочинения: в 7 т. СПб. : Пушкинский фонд, 1998. Т. 1. – 304 с.
2. Бродский И. Меньше единицы. – СПб. : Лениздат, 2017. – 512 с.
3. Иосиф Бродский и Литва / сост. Р. Катилюс. – СПб. : ООО «Журнал “Звезда”», 2015, 488 с.
4. Луцевич Л. В поисках аутентичности. Международная научная конференция «Дневники, письма, записные книжки русских писателей // НЛЮ. – 2007. – № 5. – С. 516–525.
5. Пастернак Б.П. Люди и положения. – М. : Эксмо, 2008. – 640 с.

### YURIY PIVOVAROV

#### «POETRY WILL SAVE US»

***Abstract.** The purpose of this short essay is to clarify the place of I.A. Brodsky in the disposition of modern Russian culture. Along with the radical expansion of the possibilities of the Russian language, the poet, at the cost of his life (often tragic), created a model of behavior of an independent person in a non-free country and a novice emigrant outside the homeland. Brodsky is the central figure of the Russian history of the late twentieth century.*

***Keywords:** Brodsky, culture, history, language, poet.*

---

### ***СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ***

**Богомолв Игорь Константинович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра россиеведения ИНИОН РАН

**Большакова Ольга Владимировна** – кандидат исторических наук, зав. сектором истории России Отдела истории ИНИОН РАН

**Глебова Ирина Игоревна** – доктор политических наук, руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН

**Пешина Инна Юрьевна** – старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права НИУ ВШЭ

**Пивоваров Юрий Сергеевич** – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН

**Шаблинский Илья Георгиевич** – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права НИУ ВШЭ

---

**Труды по россиеведению**  
**Выпуск 8**

Художник обложки И.А. Михеев

Компьютерный набор Л.К. Исаева

Техническое редактирование  
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова

Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение  
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 28.XI.2021

Формат 60×84/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ. 14,5

Уч.-изд. л. 13,0

Тираж 300 экз.

Заказ № 63

(1–100 экз. – 1-й завод)

**Институт научной информации**  
**по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),**  
Нахимовский проспект, д. 51/21,  
Москва, 117418

<http://inion.ru>, [https://instagram.com/books\\_inion](https://instagram.com/books_inion)

**Отдел маркетинга и распространения**  
**информационных изданий**

Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96

e-mail: [shop@inion.ru](mailto:shop@inion.ru)

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН  
ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов  
ул. Чернышевского, д. 88, литера У